

ЗДРАВКО ГЕОРГИЕВ

ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ЗОНЫ

Генерал-полковник
ЗДРАВКО ГЕОРГИЕВ

Здравко
Георгиев

ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ЗОНЫ

СТРАДАНИЯ НАРОДА РАЗОЖГЛИ
В СЕРДЦАХ НАШИХ БУНТАРСКИЙ ПОЖАР,
ВОТ ПОЧЕМУ МЫ ВЫСОКО ПОДНЯЛИ
ЗНАМЯ, КОТОРОЕ РАЗВЕВАЛ ЧАВДАР.

Христо КЫРПАЧЕВ

ЗДРАВКО ГЕОРГИЕВ

ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ЗОНЫ

ВОСПОМИНАНИЯ

Перевод с болгарского
И. М. САБУРОВОЙ

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
Москва — 1976

И(болг.)
Г36

ЗДРАВКО ГЕОРГИЕВ
КОГАТО УМИРАХМЕ
ЗАПИСКИ НА НАЧАЛНИК-ЩАБА НА ЗОНАТА

«НАРОДНА МЛАДЕЖ»
Издательство на ЦК НА ДКМС, София — 1973.

Г $\frac{11202\text{-}020}{068(02)\text{-}76}$ 67-76

ВСТУПЛЕНИЕ

Мне хочется рассказать вам о моей, о нашей партии, неотъемлемой чертой деятельности которой стали доблесть и героизм каждого борца за народное дело.

...Годы все больше и больше отдаляют нас от тех памятных дней, и, может быть, именно поэтому мы все пристальнее вглядываемся в прошлое. Мне всегда казалось трудным даже в воспоминаниях снова пройти путь, приведший нас к свободе. И не только потому, что с тех пор прошло довольно много времени. Время ничего не значит, если ничто не забыто, если никто не забыт, если события тех далеких дней не померкли в нашей памяти. Дело в другом. Мне трудно потому, что не нахожу слов, чтобы описать пережитое, потому, что годы и время стирают в памяти многие подробности, да и научиться говорить красиво у нас не хватило времени.

Нашу правду тогда пришлось доказывать, проливая кровь и принося жертвы, проявляя подлинную самоотверженность. Ныне для кое-кого это, возможно, всего лишь слова, но для нас тогда в этой борьбе заключался весь смысл жизни. И может быть, именно поэтому сейчас, когда нужно снова возвращаться к нашей молодости, когда приходится уповать только на слова, нам так трудно. Нам трудно еще и потому, что мы не умеем рассказывать о себе. Ведь тогда и сейчас мы не считали и не считаем себя героями. Просто выполнение патриотического долга стало делом всей нашей жизни. И только партии, ей, единственной, мы обязаны всем: и нашей верой, и нашей смелостью, и нашей честью.

И если, несмотря на вышесказанное, я все-таки взялся за перо, то только потому, что рассматриваю свои «Записки...» как дань памяти и уважения к тем, с кем мне довелось делить опасности и испытания, с кем вместе строил великие надежды. Это мой долг — рассказать нашим сыновьям, какой ценой была завоевана наша и их свобода, и призвать их до конца осуществить заветы тех, кто сражался за новую Болгарию.

Мне не хотелось писать свои воспоминания от первого лица, и не из излишней скромности, а лишь потому, что обращение к читателю от первого лица (по мнению некоторых редакторов, обязательное для мемуарной литературы) превращает автора помимо его воли в центральную фигуру, в главную движущую силу событий. Все остальное отступает на задний план, и читатель остается при убеждении, что без участия автора мемуаров победы едва ли удалось бы добиться.

Борьба за свободу — дело всей нашей партии, всего свободолюбивого болгарского народа. И я снова повторяю: мы являлись рядовыми, лишь рядовыми этой партии и сыновьями этого народа. Такова правда жизни по самому большому счету, и никому не дано здесь ничего изменить.

Горжусь тем, что принадлежу к партии, которая за всю свою 80-летнюю историю не имела ни малейшего основания замалчивать правду или стыдиться ее. Наша партия всегда оставалась верна интересам рабочего класса и своего народа. В сентябре 1923 года она стала организатором и руководителем первого в мире антифашистского восстания, всегда находила силы, чтобы превозмочь временные поражения, воспрянуть даже после самых жестоких и коварных ударов врага и извлечь уроки для своего будущего развития. Такую партию нельзя победить!

Сразу же после разгрома Сентябрьского восстания в 1923 году партия приступила к организации партизанского движения. В последующие годы ее боевые ряды закалялись в массовых стачках и обагренных кровью демонстрациях, в неравных схватках с полицией. В июне 1941 года, сразу же после нападения гитлеровских полчищ на Советскую страну, Центральный Комитет партии призвал коммунистов, всех честных болгар к вооруженной борьбе за свержение монархофашистской диктатуры и установление подлинно народной власти.

В те дни первых военных успехов фашистов будущее всего человечества оказалось перед серьезной угрозой. Для множества людей война стала суровой и трудной проверкой их веры в непобедимую мощь Советского Союза, их преданности коммунистическим идеалам.

Не всем удалось выдержать это испытание. Кое-кто отступил, другие затаились, замкнулись в ожидании луч-

ших времен. Настоящие коммунисты, патриоты в эти трудные дни, презирая смерть, вступили в борьбу с врагом, внося свой вклад в дело разгрома фашизма.

К чести болгарских коммунистов, они ни на одно мгновение не удовлетворились только выражением сочувствия или ролью восторженных зрителей, аплодирующих победам Красной Армии, а влились в ряды борцов с черными силами фашизма.

Мы знали, что битва будет тяжелой, и если, несмотря на это, с первого до последнего дня верили в победу, то только потому, что мы были вооружены революционным опытом большевиков, опытом нашей собственной борьбы. В те самые трудные дни наша партия искусно сочетала вооруженную борьбу с массовой разъяснительной работой. Благодаря этому в нашей борьбе приняли участие не только коммунисты и ремсисты, ряды которых еще раньше были приведены в боевую готовность, но и широкие народные массы.

Борьба стала всенародным делом! Что может служить более ярким доказательством политической зрелости партии, ее авторитета и того доверия, которым она пользовалась среди народных масс!..

Начало было положено.

С первых же дней мы повели энергичную работу в армии — нужна была широкая сеть подпольных военных организаций. Только таким образом болгарская армия могла бы из опоры монархии и буржуазии стать опорой партии, защитницей интересов народа. В городах, селах и на предприятиях партия создала свои боевые ячейки, которые начали наносить удары по тылам фашистских войск — дезорганизовывали их снабжение, нарушали коммуникации. Именно они держали в страхе продажных болгарских правителей, укрепляли веру народа в скорую победу. В то же самое время усиленно создавались партизанские отряды, объединенные действия которых окончательно расшатали устои монархофашистской власти.

Разгорелась борьба не на жизнь, а на смерть. Единственной мерой всему стали наши дела. Сочувствие, революционные лозунги, моральная поддержка — всего этого уже было недостаточно.

Для того чтобы ликвидировать фашизм в Болгарии и пресечь предательство наших национальных интересов, необходимо было всегда и везде умело сочетать органи-

зованную вооруженную борьбу с активной пропагандистской деятельностью. Вот почему для работы на этом исключительно трудном и решающем участке партия выдвинула самых преданных своих сыновей, проверенных в классовых битвах, накопивших богатый революционный опыт и обладающих большим политическим авторитетом.

В самом начале руководство боевыми силами было доверено стойкому коммунисту полковнику Красной Армии Цвятко Радойнову. Его первыми помощниками и соратниками на том начальном этапе борьбы стали участники гражданской войны в Испании Симеон Славов (капитан Рак), Христо Ников, Никола Ботушев, Никола Шопов, Атанас Романов, Стефан Досев... (Нет возможности привести этот список полностью.)

Все они погибли в числе первых, еще в самом начале вооруженной борьбы. Но они не забыты, они были и остались среди нас! В самые трудные минуты их подвиги становились паролем революции, служили призывом к справедливому возмездию, наполняли нас верой в победу.

Антифашистское Сопротивление стало суровой школой для партии, для ее кадров, я бы даже сказал, для всего болгарского народа.

Но мы начинали не на пустом месте, а лишь продолжили дело тех, кто благодаря своему исключительному организаторскому таланту и политической прозорливости прокладывал в Болгарии путь к социализму и социальной справедливости. Здесь нет необходимости повторять имена тех блестящих трибунов партии, которые повели массы за собой, — они достаточно известны всем нам. Я позволю себе напомнить лишь об одном замечательном событии.

Вечером 27 мая 1919 года, буквально через несколько часов после того, как в зале театра «Корона» Димитр Благоев объявил закрытым Первый съезд Болгарской коммунистической партии, в одной из комнат Народного дома состоялось совещание, на котором были заложены основы первой военной организации партии.

Перед этой организацией партия поставила ясные задачи: систематически вести разведку в буржуазном государственном аппарате и тем самым обеспечить эффективность борьбы против политического террора; охранять партийное имущество и обеспечивать проведение массовых акций, стать щитом пролетарской революции.

Основными принципами формирования и работы этой организации являлись строжайшая конспирация и тщательный подбор кадров.

Я позволю себе полностью привести текст клятвы, которую давали принимаемые в эту организацию. Мне кажется, что это — еще одно свидетельство богатого наследия, завещанного нам теми, кто поднялся на борьбу первыми, доказательство преемственности в нашей борьбе:

«Клянусь, что во имя народа и пролетарской революции я готов отдать жизнь за свободу народа. Клянусь, что буду строго и свято хранить тайну военной организации, в которую вступаю, и, если потребуется, отдам жизнь за святое дело освобождения, которому она себя посвятила. Если же я изменю своей клятве, пусть буду наказан смертью. Клянусь!»

Не прошло и двух лет после того памятного вечера в Народном доме, а в стране уже не было ни одной партийной организации, которая не имела бы своей боевой группы. Подпольная военная организация создала свои ячейки и в Союзе молодежи, и в общем профессиональном союзе, и в Союзе учителей, и даже среди левых земледельцев. Члены военной организации проникали в органы общественной безопасности, во все министерства, включая военное министерство и министерство внутренних дел, в руководство буржуазных партий — буквально повсюду! И когда после невиданного террора в 1923—1925 годах буржуазия уверовала в то, что ей удалось обезглавить и навсегда ликвидировать военную организацию партии, когда с нескрываемым злорадством устраивались повсюду «панихиды» по коммунизму, уже в первых же последовавших за этим классовых битвах партия болгарских коммунистов показала свою жизненную силу. Сделав выводы из допущенных ошибок, она стала еще более сильной и более монолитной, чем прежде, завоевала еще больший авторитет и доверие среди народа.

И тогда — в те трудные дни Сопротивления, и сейчас — в часы раздумий я часто задавал себе вопрос: откуда все-таки бралась эта неисчерпаемая сила у партии, как рождались и рождаются герои?

Сила партии в глубокой и крепкой связи с народом, в ее политической прозорливости и последовательности, в реалистичности ее идеалов. К этому надо добавить, что она сама вырастила в своих рядах руководителей, кото-

рые закалялись в борьбе, мужали в жестоких сражениях, познали горечь поражений и радость побед...

В этих «Записках...» я расскажу о событиях, в которых участвовал сам, о людях, которых хорошо знал. О них я думаю и сейчас. Как могло так статься, что они, выросшие в условиях нищеты, зачастую так и не сумевшие получить образования, возвысились до уровня духовных руководителей нации?.. Не ищите в этом случайности — вы ее не найдете!

Я только в нескольких словах упомяну о Христо Никове и Николе Шопове.

Оба они были простыми рабочими кондитерской фабрики «Пеев», оба кристально чистые люди, патриоты, настоящие представители болгарского рабочего класса. Это, несомненно, исключительно ценные качества, но ведь только этого недостаточно, чтобы стать признанным всеми руководителем. А оба они не получили систематического образования, обоих их нищета с детства прогнала из школы.

Христо Никова и Николу Шопова отличали исключительное личное обаяние, богатая внутренняя культура, неразрывность слова и дела, их ставшие нарицательными работоспособность и железная воля.

Невозможно было, познакомившись с этими людьми, не полюбить и не уважать их. Христо Ников и Никола Шопов не имели своей личной жизни, полностью посвятили себя партии, своему народу. И не случайно именно они вместе с Николой Ботушевым после нападения гитлеровцев на Советский Союз стали одними из первых организаторов боевых групп в Софии. Христо Ников и Никола Шопов стали и одними из первых жертв фашизма. Их не сломили ни жестокие истязания, ни нависшая над ними угроза смерти, и они погибли, так и не проронив ни слова...

Нужно было видеть, как тяжело переживали весть об их трагической гибели товарищи с фабрики, и тогда, возможно, вы получили бы настоящее представление об их величии. Не могу забыть суровые лица рабочих, их сжатые кулаки, их безмолвную клятву отомстить врагу за погибших друзей. А это означало, что и после смерти герои не были забыты. Погибли не напрасно.

Каждый подвиг, вернее, каждый честно исполненный долг, каждая героическая смерть умножали ряды антифа-

шистов, и вскоре после того, как боевые силы партии окрепли, возникла необходимость обеспечить руководство всей боевой деятельностью.

В начале 1943 года был сформирован Главный штаб Народно-освободительной повстанческой армии (НОПА). Страну разделили на 12 повстанческих оперативных зон; и деятельностью партизанских отрядов, боевых групп и подпольных организаций в армии в каждой из них руководил штаб зоны.

С той поры приблизительно начинается и мой рассказ о создании и деятельности 1-й повстанческой оперативной зоны. Я постарался — насколько мне это позволили силы и возможности — рассказать об отдельных событиях, в которых лично участвовал, вернуться к событиям и фактам, сопутствовавшим разносторонней боевой и организаторской деятельности партии в одной из наиболее обширных по территории зон, какой являлась Софийская зона.

В этих «Записках...» я ссылаюсь на воспоминания своих боевых товарищей и поэтому пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить их за отзывчивость. Мной использованы также материалы, хранящиеся в архивах Министерства внутренних дел и в Центральном партийном архиве.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Сейчас общее внимание должно быть сосредоточено исключительно на подпольных коммунистических боевых группах. Борьбу с ними необходимо вести со всей серьезностью, умением и упорством... Их следует уничтожать, причем в самый кратчайший срок...»

(Из указаний главного инспектора полицейского управления)

I

Софийская, или, как ее тогда именовали, 1-я повстанческая оперативная, зона охватывала огромную территорию, ныне занятую Софийским, Перникским и Кюстендилским округами.

Штаб зоны зародился, если можно так выразиться, на квартире нашей преданной и верной помощницы Цветаны Велевой. Там, в Горна-Бане, в конце мая 1943 года был определён состав штаба и сформулированы его первые задачи. На совещании присутствовали Эмил Марков из Главного штаба НОПА, Свилен Русев из ЦК РМС, товарищи из окружного комитета партии, а также будущие члены штаба. В работе совещания принял также участие представитель Центрального Комитета партии и еще один товарищ, который был мне незнаком.

Доклад сделал Эмил Марков. Он сказал, что изменение военно-политической обстановки в Европе и в Болгарии после разгрома фашистов под Сталинградом диктует необходимость усилить нашу боевую деятельность. Нам уже удалось заложить основы повстанческой армии. Для того чтобы привлечь в ее ряды широкие массы трудящихся, повысить ее боевую и политическую мощь, были созданы Главный штаб НОПА и штабы 12 повстанческих оперативных зон. Центральный Комитет партии пришел к заключению, что существовавшие до тех пор партийные органы уже не в состоянии руководить всей боевой деятельностью партии и для этого нужны специальные органы управления.

Представитель штаба НОПА наметил и самые неотложные наши задачи. Прежде всего нам предстояло сделать все необходимое, чтобы существующие мелкие группы, состоящие из перешедших на нелегальное положение коммунистов (они стали основой партизанских отрядов), постепенно разрастаясь, превращались в ударную силу партии. А для этого требовалось направить в отряды коммунистов и ремсистов, работавших в городских и сельских организациях.

Нужно было не только свести партизанские отряды в крупные соединения, но и подготовить их к активным боевым действиям, а главное наладить массово-политическую работу, которая до этого момента велась слабо.

Очень остро встал вопрос и о вооружении партизанских отрядов. Необходимое оружие предстояло достать на военных складах, и сделать это с максимальной осторожностью, чтобы не допустить провала подпольных организаций в армии, на которые помимо снабжения партизан оружием возлагались и другие серьезные, ответственные задачи.

Партия требовала от всех нас обратить еще более серьезное внимание на подпольные организации в армии. С помощью Главного штаба НОПА и Центрального комитета РМС штаб зоны должен был установить прочную связь с находящимися на службе в армии коммунистами и ремсистами и активизировать свою работу среди людей призывного возраста.

Руководя деятельностью уже существующих боевых групп, мы также должны были позаботиться о создании новых. Перед боевыми группами стояла задача уничтожать склады, железнодорожные линии, мосты, карать провокаторов, предателей и активных проводников политики фашистских властей.

Спустя много лет в разговоре со мной Лев Главинчев напомнил мне, что доклад Эмила тогда длился примерно минут сорок. Должно быть, это так и было; наверное, я забыл и другие интересные подробности, тем более что за тридцать лет многое уже стерлось в моей памяти... Впрочем, я вспомнил еще и о том, что Эмил Марков, чтобы ознакомить нас с характером и границами зоны, с районами, где уже действовали или предстояло сформировать новые партизанские отряды, подготовил специальную топографическую карту...

В обсуждении доклада приняли участие, насколько я помню, все присутствовавшие. Затем по предложению Эмила Маркова был сформирован штаб зоны в следующем составе: командир — Лев Главинчев, комиссар — Георгий Чанков, начальник штаба — Здравко Георгиев, член штаба и ответственный за связь — Борис Новански́й.

Штаб приступил к работе, но вскоре остался без Бориса Нованского, который летом 1943 года, направляясь в Ихтиманский партизанский отряд, погиб в перестрелке с полицией в софийском квартале Подуяне. Чуть не забыл написать, что в самом начале бытовало мнение, что на должность начальника штаба следует назначить военного специалиста, кого-нибудь из числа патриотически настроенных офицеров, однако подходящего человека найти не удалось, а ждать было нельзя, и эту работу поручили мне.

Еще тогда, на совещании в Горна-Бане, Эмил Марков предупредил, что в этом составе штаб не будет в состоянии руководить многообразной деятельностью партизанских отрядов, боевых групп и подпольных организаций в армии без помощи так называемых военно-политических инструкторов, которым вменялось в обязанность доставлять указания штаба зоны в штабы отрядов, а также оказывать помощь в решении военных и политических вопросов.

Кроме того, на этом же совещании было принято решение, чтобы все члены штаба немедленно отбыли в партизанские отряды и на месте ознакомились с их состоянием и нуждами, а также разъяснили бы стоящие перед ними задачи... Думаю, что нет надобности доказывать, насколько полезным было такое решение. Через несколько дней мы отправились в путь: в Рилский отряд — Лев Главинчев, в Ихтиманский — Борис Новански́й, в отряд «Чавдар» — я.

Как я уже упоминал, Борис Новански́й вскоре погиб. Спустя много лет я попытался в архивах полиции найти какие-нибудь сведения о нем, узнать подробности его гибели. Обнаруженные сведения были очень скудными. Но два документа мне хотелось бы привести здесь.

Вот о чем писал Цветко Иванов Николов в своем рапорте в полицию (он работал архивариусом в 4-м полицейском участке столицы, а с 18 июля 1943 года служил

в полицейском подразделении 14-й группы противовоздушной обороны):

«Примерно в 19.00 со стороны улицы Оборище донеслись два выстрела. Я тотчас же выскочил на улицу. Увидел двух незнакомцев и преследовавшего их полицейского. У здания библиотеки-читальни полицейский пошатнулся и упал. Я выхватил пистолет и дважды выстрелил по беглецам. Они сбросили с плеч рюкзаки, несколько раз выстрелили в моем направлении и разбежались в разные стороны. Один из них побежал по улице Оборище, и я пустился за ним, стреляя на ходу. Вдруг он остановился, поднял пистолет, приставил его к виску, выстрелил и замертво упал на землю... Очевидно, это мои выстрелы заставили его покончить жизнь самоубийством» (убийца таким образом хотел подчеркнуть свои заслуги, чтобы получить денежную премию за расправу над Нованским. — *З. Г.*).

В личном строго секретном рапорте начальника ихтиманской уездной полиции на имя начальника отделения «А» отдела государственной безопасности дирекции софийской полиции от 25 июля 1943 года написано:

«Борис Иванов Нованский еще в гимназии проявил себя приверженцем коммунизма. После окончания гимназии являлся одним из активных убежденных коммунистов и организаторов коммунистического союза молодежи в городе и уезде. Был опасным коммунистом, очень умело, осторожно и хитро настраивал молодежь против властей. Очень сообразительный и общительный...»

Был опасным коммунистом! Был?.. Полиция и на этот раз ошиблась: Борис и после своей смерти, до последнего дня борьбы, оставался опасным для врагов коммунистом, потому что проявил мужество в своем последнем бою. О его жизни я бы мог рассказать многое, но это уже сделали товарищи, которым выпало счастье более продолжительное время работать с ним и ближе его узнать.

На учредительном совещании были определены и функциональные обязанности каждого члена штаба зоны.

На Льва Главинчева было возложено общее и военное руководство, поддержание постоянной связи с комиссаром и начальником штаба зоны.

Комиссар — он же являлся и первым секретарем окружного комитета партии — отвечал за партийно-политическую работу.

Начальник штаба зоны должен был поддерживать связь с партизанскими отрядами, передавать им соответствующие указания, собирать информацию об их деятельности, на основании которой в дальнейшем принимались необходимые решения. Ему также вменялось в обязанность поддерживать связь с руководством подпольной организации в армии и руководителями боевых групп в Софии и Софийской области.

В мае 1943 года закончилась работа по формированию штаба 1-й повстанческой оперативной зоны.

В сущности, учредительное совещание намечалось провести дней на десять раньше, и не в доме Цветаны Велевой, а на горе Витоша — как раз над нынешним Киноцентром, возле хижины «Камен дел». Там, под скалой, Эмил Марков оборудовал очень удобный тайник. В нем имелись постельные принадлежности, консервы... Разумеется, обо всем этом вряд ли можно говорить как об удобствах в общепринятом сейчас смысле этого слова. Ведь в тесной землянке было сыро и холодно, но для нас, подпольщиков, это и имевшиеся запасы тогда казались роскошью.

В условленный день мы с Эмилом Марковым отправились сначала к Моминой скале, где Марков встретился с генералом Тодором Тошевым, который тоже должен был присутствовать на совещании. Однако остальные товарищи не сумели добраться к условленному месту из-за полицейского заслона.

Мы расстались после того, как довольно долго напрасно ждали их. Эмил остался ночевать в землянке. Вместе с Тошевым я отправился в обратный путь. От Княжево он направился к городу, а я — в сторону Горна-Бани. На квартире у Цветаны Велевой я застал еще двух товарищей. Они ждали меня, чтобы договориться о встрече, узнать, когда и где будет совещание. Но об этом я уже рассказал...

2

Все товарищи, присутствовавшие на совещании в Горна-Бане, являлись активными деятелями партии, обладали богатым революционным опытом. Большинство из них уже были приговорены царским судом к смертной казни, бежали из тюрем и концентрационных лагерей или по

решению партии находились в подполье и, скрываясь от полиции, жили под вымышленными именами, как этого требовала конспирация.

Начиная с этого момента борьба то соединяла нас, то заставляла расставаться. Иногда мы расставались навсегда...

Сознавали ли мы тогда, какой долгий и трудный путь нас ждет? Думали ли мы об опасностях, которые теперь будут подстерегать нас на каждом шагу? Боялись ли мы смерти?.. Во всяком случае, об этом речь никогда не заходила. Мы говорили только о стоящих перед нами задачах и жили мыслями о справедливости нашей борьбы.

В то время никто не мог оставаться безучастным. Умирать, конечно, не хотелось, как не хотелось и попасть в лапы полиции, но больше всего мы пугались подлости, измены и молчаливого соучастия в злодействах... Не хочу, чтобы меня неправильно поняли, будто чувство страха всегда оставалось нам чуждым. По-моему, нет таких людей, которые в определенные моменты не испытали бы это омерзительное чувство, но все дело в том, чтобы не потерять присутствие духа, суметь овладеть собой. И в это самое трудное мгновение думать о своем долге, о доверии своих товарищей, о своей ответственности перед ними. И верить, очень сильно верить!.. Для себя, например, я принял решение: ни в коем случае живым не сдаваться полиции, ни при каких обстоятельствах. И вовсе не потому, что не дорожил жизнью. Как раз наоборот, мне страстно хотелось жить, но только так, как должен жить честный человек. А я знал и хорошо это усвоил, что смерть менее страшна, чем измена.

Из товарищей, участвовавших тогда в формировании штаба зоны, лучше других я знал Свилена Русева.

Слова все чаще будут приводить меня в смущение. По сути, что значит — знать или не знать кого-то?.. Я так часто задавал себе этот вопрос и, должен признаться, далеко не всегда находил точный ответ. Да и можно ли назвать просто знакомством нашу совместную жизнь в те трудные дни?

Со Свиленом мы учились в параллельных классах в гимназии. Нас связывала близкая и искренняя дружба и в детские годы, и в период нашей совместной работы в РМС, и в годы борьбы. И так до самой его гибели.

В нашей 3-й мужской гимназии было много прогрессивно настроенной молодежи. Основную массу учеников составляли сыновья рабочих, мелких чиновников. Они являлись благодатной средой для работы нашего комсомола. По 18—20 человек из каждого класса (а в них числилось по 35—36 учеников, не более) записались в марксистские кружки. А их организатором стал Свилен Русев вместе с еще несколькими товарищами, среди которых мне хотелось бы упомянуть хотя бы Евгения Червенкова — отличного ученика, крупного организатора, умершего совсем молодым от туберкулеза после того, как он подвергся истязаниям в полиции.

Свилен возглавлял школьную подпольную организацию. Его живой ум, сообразительность, врожденный организаторский талант неизменно накладывали отпечаток на наши совместные действия. Он не ведал ни страха, ни малодушия, ни усталости. И поспевал повсюду: поддержать павших духом, увлечь их личным примером, разоблачить провокаторов и воевать, воевать, воевать...

Ни одно мероприятие в гимназии, будь то распространение листовок или вывешивание красных знамен, не обходилось без его участия. Его квартира чаще всего использовалась для проведения заседаний руководства подпольной организации гимназистов.

Весной 1932 года Свилен стал организатором стачки в защиту интересов учащейся молодежи и в знак протеста против высокой платы за обучение. Он знал, что его ждет «исключение навсегда из всех гимназий в царстве», но не отступил... Свилен получил свой аттестат, когда мы давно уже окончили гимназию. Он поступил на юридический факультет. Но вскоре платить за учебу оказалось нечем, и ему пришлось пойти работать продавцом в лавку потребительской кооперации «Напред»...

(Мне снова приходится прибегать к забытым понятиям, и я не уверен, поймут ли сегодня наши сыновья и дочери точный и истинный их смысл... Говорю это не в упрек им! Не думаю, что во имя того, чтобы воспитать их достойными своих отцов, мы непременно должны относиться к ним сурово и лишать их тех благ, которые другие завоевали для них. Ведь ныне не лишения будут служить для них испытанием; на их плечах совсем другая ответственность!..)

Я вспомнил об этом лишь потому, что подумал о Свилене, о моих товарищах, которые навсегда остались молодыми. Мы не искали смерти! Мы хотели учиться, любить, жить, быть полезными. И если отказывались от всего и целиком посвящали себя борьбе, то вовсе не для того, чтобы исправить несправедливость по отношению к самим себе, и не для того, чтобы добиться для себя каких-то особых благ. Ведь если бы мои погибшие товарищи добивались чего-то только для себя, то были бы уже давно преданы забвению...

В те дни Свилена привлекли к работе в окружном комитете комсомола, а вскоре после этого, в 1934—1935 годах, и в Центральном комитете РМС. С той поры он и вступил на путь профессионального революционера... Член окружного комитета РМС, а несколько позже — управляющий делами Центрального комитета комсомола, инструктор и член ЦК.

В качестве инструктора Свилен объездил всю страну, помогал создавать и укреплять комсомольские организации в разных городах и селах. И так день за днем, пока не наступил трудный и решающий 1941 год... Тогда он ушел в подполье и, как член ЦК РМС, принял активное участие в подготовке вооруженного восстания.

Исключительно смелый и хладнокровный, Свилен проявил себя как один из самых умных и искусных конспираторов. Находчивость, опыт революционера помогали ему ускользать от полиции даже тогда, когда положение казалось совершенно безвыходным... Не знаю, возможно мои дружеские чувства к Свилену в данном случае сильнее трезвой оценки, но я и сейчас уверен, что, если бы обстоятельства не вынудили его отправиться в партизанский отряд и если бы из-за предательства он не должен был вступить в открытый и неравный бой с врагом, то и до сегодняшнего дня он жил бы и работал рядом с нами — ведь всегда и при любых обстоятельствах ему удавалось перехитрить полицию.

Он всегда был таким. Придет, присядет и устало улыбнется: «Большие гонки устроили мы сегодня...» — словно рассказывал о какой-то детской игре. И самая большая опасность — «игра» не на жизнь, а на смерть, — если она миновала, для него уже не имела никакого значения.

Свилен жил будущим. Однажды он остался без явочной квартиры, и, когда мы встретились, я отвел его к ко-

му-то из моих помощников. Мне кажется, что именно тогда я до конца узнал настоящего Свилена. Ему хватало и пяти минут, чтобы отдохнуть от усталости, тревожного бессонного бдения, напряжения, — все это словно бы растворялось, он становился спокойным, уверенным и сразу же заводил речь о стоящих перед нами задачах.

И никогда, ни при каких обстоятельствах он не нарушал самые важные принципы конспирации. Был очень осторожен, но эта его осторожность никогда не походила на подозрительность, потому что благодаря какому-то врожденному чувству он отличал своих преследователей от случайных прохожих. Он разбирался в людях и хорошо знал их.

Сколько часов мы провели вместе? Начиная с наших гимназических лет, когда почти ежедневно я ходил к нему в скромную квартиру его семьи в доме номер 7 по улице Фурка, и до того дня, когда он отправился в партизанский отряд... Мне кажется, что нет такой темы, которую бы мы с ним не обсуждали. Говорили о прошлом, о пережитых днях, о нашем коммунистическом будущем. Каким оно будет, ни он, ни я не имели представления, мы оба не верили в то, что доживем до него... Иногда, чаще всего после успешной операции или просто после выполнения задания, мы позволяли себе и помечтать. Тогда он всегда говорил мне:

— Что бы ни случилось, я все равно останусь комсомольским работником!

— Ну хорошо, — возражал я, — но можно ли быть комсомольским работником, когда тебе будет шестьдесят?

А он:

— ...Вот-те на, ведь и твоя профессия уже определилась, ты станешь военным специалистом!

— Кто знает. Прежде чем я стану военным специалистом, возможно...

— Это твое дело, ну а я останусь комсомольским работником.

Таким он и остался.

Свилена очень высоко ценили Катя (Йорданка Николова) и Малчика. Он был их воспитанником. Свилен оказался нужен всем нам благодаря своей исключительной работоспособности, самоотверженности и сообразительности — от него никто не мог ожидать необдуманных поступков...

Вот еще один эпизод. Напомнила мне о нем Цветана Велева — наша верная помощница, с которой мы столько дней делили тревоги и опасности.

«...Когда он впервые появился у меня в доме, если помнишь, ты, Здравко, уехал в провинцию. Перед этим ты предупредил о том, что к нам домой придет один товарищ... И явился Свилен. Он показался мне чрезвычайно осторожным, медлительным, все время смущенно оглядывался...»

Не могу упрекнуть Цветану в отсутствии прозорливости — просто времена тогда были такие. И Свилен, как настоящий конспиратор, не любил щеголять своей безумной храбростью. Он делал свое дело бесшумно, без ненужного риска и, как истинный герой, не хотел, чтобы окружающие его люди приходили в восторг от его смелости. Он оставлял для себя все трудности и опасности, а когда обстоятельства позволяли, делился с товарищами любой своей радостью и победой.

Невольно вспоминается...

Небольшая нарядная вилла среди большого яблоневого сада в Горна-Бане длительное время служила нам одной из самых надежных наших конспиративных квартир. Здесь, как я уже говорил, жила наша помощница Цветана Велева с дочерью Мишей, учившейся в последнем классе гимназии.

Тетя Ценка, как мы все звали ее, была спокойной, мудрой и храброй женщиной. Чаще всего она сидела дома, терпеливо и спокойно ожидая нашего сигнала. Услыхав его, она тихонько приоткрывала дверь и гасила лампу в прихожей, чтобы никто не заподозрил, что у нее в доме иногда ночуют «чужие» люди.

Труднее приходилось ее дочери — красивой девушке, которая часто выполняла обязанности нашего курьера (именно поэтому в целях конспирации мы приказали ей прервать всякие связи с ремсистской организацией... Такое тогда было время — каждому приходилось делать только то, что ему поручала партия, отказываясь при этом от личных интересов и желаний).

Комната, где спали мы со Свиленом, считалась комнатой хозяев виллы (родственников тети Ценки), в которой якобы были заперты их вещи. Эта версия нам понадобилась на тот случай, если неожиданно нагрянет поли-

ция и у нас не окажется времени, чтобы укрыться в тайнике на чердаке.

В одну из апрельских ночей мы со Свиленом долго не могли заснуть. Через раскрытое окно проникал в комнату запах расцветших яблонь, навевая мысль о чем-то далеком, неуловимом и таком интимном, что казалось невозможным поделиться даже со своим самым близким товарищем. Мы только время от времени обменивались несколькими словами. Но и этого нам хватало.

— Ну, пора спать... — в который уже раз предлагали мы друг другу.

— Хорошо, закрой окно!

Словно во всем виновато открытое окно, а не расцветшие яблони, луна и весна. И наша молодость.

Нас разбудил резкий, настойчивый стук в дверь. Кто-то барабанил по ней кулаками.

Было два часа ночи — полицейский час!

Через занавеси мы увидели, что на террасе стоят несколько человек. В саду мелькали чьи-то тени.

В следующее мгновение дверь в нашу комнату приоткрылась и вошла тетя Ценка — босая, в накинутом на ночную сорочку пальто, немного растерянная.

— Эмил, Стефан!.. (Тогда это были наши подпольные клички, и под этими именами мы представились нашей хозяйке.)

А удары в дверь не утихали.

Хотя мы все давным-давно обдумали и решили, но все же еще раз напомнили ей:

— У тебя нет ключа от этой комнаты. Он у хозяев. Если начнут высаживать дверь, ты уйдешь к себе в спальню, чтобы в тебя не попала шальная пуля. Кто мы такие и как сюда попали, ты не знаешь!

— Эмил...

— Ну же, иди!

— Стефан...

— И не забывай, если начнут высаживать дверь...

Мы снова остались одни. Совсем одни, со всех сторон окруженные опасностями. Кто знает, почему Свилен обратился ко мне, назвав мое настоящее имя, и сказал:

— Я буду держать под обстрелом дверь, а ты бросишь через окно гранаты. Потом оба выпрыгнем через окно во двор.

И об этом мы договорились заблаговременно, но, кто знает почему, хотелось повторить все заново.

Стук в дверь внезапно прекратился — должно быть, тетя Ценка уже открыла ее.

— Давай простимся! — одновременно сказали мы и обнялись. Щеки Свилена порядком обросли, и я это почувствовал.

— А ты не побрился вчера...

— Не успел, — потрогал он рукой лицо и повторил: — Не успел. Сегодня непременно побреюсь.

И мы оба замолчали: а будет ли у нас это «сегодня»?

На террасе тетя Ценка разговаривала с каким-то мужчиной. Мы молчали. Старались разобрать хоть что-нибудь, но нам так ничего и не удалось расслышать. Неужели полиция отказалась от обычного резкого и грубого тона и стала настолько благовоспитанной и учтивой?

Потом дверь с шумом захлопнулась, и шаги стали удаляться. А мы стояли со Свиленом, прильнув лицом к окну. Неужели опасность действительно миновала?..

В дверь тихо постучали. Тетя Ценка вошла и без сил прижалась к стене.

— Кто приходил? — спросили мы.

— Приезжие... Из Кюстендилского уезда... Приехали на вокзал. И отправились искать земляков. Им негде ночевать и... Я им посоветовала, куда обратиться, и они ушли...

— Вот и хорошо. Тогда давайте спать.

Но как можно уснуть после таких переживаний.

— Я подумала, что они за вами пришли...

В этот раз не за нами. А когда через несколько месяцев полиция все же нагрянула сюда, нас уже не было.

С тетей Ценкой и ее дочерью мы увиделись только после Девятого сентября, после того, как обе эти женщины «прошли высшую школу» в тюрьме.

Но не будем опережать события...

Из участников учредительного совещания, правда больше по рассказам, я знал и Льва Главинчева, одного из деятелей революционного движения в Македонии. В то время он считался хорошо подготовленным в военном отношении руководителем — ему доводилось возглавлять боевые группы и отряды в Македонии.

Знал я и Эмила Маркова, с которым неоднократно встречался сначала по работе в военной организации, а

позже — когда создавался штаб зоны. Встречи с ним осуществлялись через Свилена Русева. От Эмила Маркова мы получали самые важные указания — он имел исключительно богатый организационный и боевой опыт. Отлично руководил работой нашего штаба до дня своей гибели.

Придется все же сказать несколько слов и о себе.

В дни, когда создавался штаб зоны, мне только что исполнилось 28 лет. И возможно, мне доверили трудный и ответственный пост начальника штаба потому, что у меня был опыт организаторской работы. Мне довелось быть инструктором ЦК РМС, членом окружного комитета, секретарем районного комитета и ответственным сотрудником технического аппарата ЦК партии... И самое главное: я проходил военную службу в школе офицеров запаса. И в те первые дни, когда развертывалось движение Сопротивления, в известном смысле мог считаться военным специалистом (тогда даже и таких людей в рядах партии насчитывалось немного). Во всяком случае, я несколько лучше других был знаком с военным делом.

С самых юных лет я приобщился к революционному движению, пошел по стопам брата — Веселина Георгиева, который уже работал в партии и часто приносил домой партийные издания и марксистскую литературу. Это произошло еще в 1931—1932 годах, когда я учился в 3-й софийской мужской гимназии. Видимо, сказалось и то, что мои родители были народными учителями; мать состояла в партии тесных социалистов[1], отец тоже был социалистом. Окончательный же мой выбор предопределила дружба со Свиленом Русевым и Евгением Червенковым, равно как и с другими прогрессивно настроенными молодыми людьми, которые впоследствии стали активными деятелями молодежной организации и партии.

После окончания гимназии я поступил в университет и сразу же включился в деятельность БОНСС. Но вскоре по решению партии мне пришлось уйти из рядов бонсистов и включиться в работу ремсистской организации нынешнего третьего района в качестве члена районного комитета. Позже меня перевели в технический аппарат

---

[1] Революционное течение в Болгарской социал-демократической партии, а с 1903 года — самостоятельная марксистская партия болгарского рабочего класса, предшественница Болгарской коммунистической партии. — *Прим. ред.*

Центрального Комитета партии, где я ведал изданием и распространением всей подпольной партийной литературы. Было создано несколько складов, где хранилась нелегальная литература, а также целая сеть курьеров, распространявших по всей стране печатные издания партии.

Так было до весны 1936 года, когда после провала происшедшего в техническом аппарате ЦК, мне пришлось снова перейти на работу в РМС — уже в качестве секретаря организации нынешнего шестого района. Секретарем районного комитета партии в то время являлся Адальберт Антонов — Малчика. Вместе с ним я проработал почти год.

В конце 1937 года я был переведен в окружной комитет РМС, стал членом его бюро и ответственным за несколько районов, а также и за работу в библиотеках-читальнях в Софии и Софийском округе. Позже меня привлекли к работе в Центральном комитете РМС. В мои обязанности входили поездки по стране для разъяснения и пропаганды нового курса, намеченного нашей партией после Седьмого конгресса Коминтерна и Шестого конгресса КИМ.

В 1938 году я решил отправиться в Испанию, где на стороне республиканцев сражался мой брат. Ехать мне пришлось через Прагу — там в то время создали специальное бюро во главе с Любчо Ханджиевым, которое занималось отправкой добровольцев в Испанию... Но, прибыв в Прагу, я узнал, что больше не будут посылать пополнение в Испанию — положение там становилось все более тревожным и разгром республики был уже лишь вопросом времени.

Мне пришлось смириться с этим решением и проститься со своей мечтой. И чтобы найти какой-нибудь предлог для своего продолжительного, почти двухмесячного, пребывания в чехословацкой столице, я записался на курсы индустриальной химии. Написал об этом родителям, но они ответили, что не имеют возможности содержать меня и чтобы я как можно скорее возвращался обратно — тем более что в Софии я сдал почти все семестровые экзамены по праву. Между тем, пока я вел эту переписку с родителями, было подписано Мюнхенское соглашение. Чехословакию предали сначала английские и французские лидеры, несколько позже — и собственное буржуазное правительство. А народ был готов защищать

честь своей родины. В чехословацкую армию записывались тысячи добровольцев, среди первых записались и мы — прогрессивные болгарские студенты. Но, как я уже сказал, Бенеш и его правительство предпочли сопротивлению оккупацию. Пришлось возвращаться в Болгарию.

Моя поездка превратилась в настоящую одиссею. Из Праги через Вену (аншлюс в Австрии уже стал свершившимся фактом), Будапешт, Белград в Софию — без денег, без продуктов, в чрезвычайно сложной обстановке. В чемодане с двойным дном я вез по поручению Любчо Ханджиева партийную корреспонденцию и два номера советского журнала «Большевик», в котором впервые печаталась история ВКП(б).

С Софийского вокзала я отправился прямо в дом Невены, ставшей впоследствии моей женой; она и ее сестра Аннушка Драгиева вместе со мной были первыми, кто прочел Краткий курс истории партии большевиков. На следующий день, захватив привезенные материалы, я явился по указанному мне адресу. Оказалось, что там живет тетя Мита, жена Аврама Стоянова. Она дала мне пароль для следующей встречи в одном из ресторанов на площади Славейкова. Я отправился туда и передал материалы. И до нынешнего дня никак не могу освободиться от впечатления, что человек, который тогда взял у меня материалы, был не кто иной, как Эмил Марков, — тот же спокойный голос, та же уверенность. Но, пока был жив Эмил, я так и не успел его об этом спросить. Да и по законам конспирации не имел на то права.

После возвращения в Софию я сразу же включился в работу ЦК РМС, но несколько месяцев спустя, в феврале 1939 года, я был арестован и выслан в Ивайловград. Освободили меня в конце того же года — нужно было отбывать воинскую повинность в школе офицеров запаса. После окончания этой школы меня направили в 41-й пехотный полк, дислоцировавшийся тогда на турецкой границе.

Осенью 1941 года, когда полк вернулся в Софию, по решению партии и Центрального комитета РМС я перешел на нелегальное положение. Мне поручили поддерживать связь с подпольными организациями в армии.

Так я стал подпольщиком. Это был, вероятно, один из самых важных психологических моментов в моей жизни, как и в жизни любого коммуниста, по крайней мере, я

именно так его воспринял... До этого я, как и все люди, мог спокойно расхаживать по улицам, зайти в первое попавшееся кафе или ресторан, лишь бы мне этого захотелось и нашлись бы деньги. И вдруг наступил конец всему этому. Днем нельзя было никуда выходить, вечером — только по необходимости — на очередную встречу, явку, задание. Но и в этом случае нужно выбирать более темные улицы, постоянно проверять, нет ли за тобой слежки, не находится ли твоя временная квартира под наблюдением... Потом возвращаться к себе «домой», испытывая чувство неловкости перед гостеприимными хозяевами из-за того, что подвергаешь их опасности. Все более мучительной становилась разлука с близкими людьми... И так ждешь не дождешься следующей ночи, а за ней последующей и... Нет, я бы не сказал, что подпольщика вечно преследует чувство страха. Все это просто обязательные принципы конспирации, и многие товарищи погибли только потому, что не соблюдали их всегда и повсюду. Но хочу сказать, что все эти чувства испытываешь только в самом начале. Потом, поглощенный работой, до такой степени привыкаешь к подобному образу жизни, что прошлое «нормальное» бытие кажется тебе чем-то далеким и нереальным.

После того как я перешел на нелегальное положение, окончательно рухнула мечта моего отца увидеть меня и Веселина за письменными столами адвокатской конторы, на двери которой висела бы табличка «Братья Георгиевы»... Отец нелегко примирился с тем, что мечты его не сбылись. Сознавая опасность, грозившую нам, он пытался нас «спасти».

Я расскажу лишь об одной из этих его попыток.

...Это случилось в 1934 году. Я являлся членом районного комитета комсомола в нынешнем Димитровском районе. Позвонила мне однажды моя знакомая, комсомолка, и сообщила, что один товарищ хочет со мной встретиться. Мы договорились, и на условленной встрече я познакомился с Петром Нешевым Петровским, честным и преданным коммунистом, который тогда по поручению ЦК партии ведал подпольными типографиями, хранением и распространением нелегальных изданий.

Он расспросил меня о том о сем и вдруг задал вопрос:

— Ты женат?

— Нет, — говорю.

А он:

— Это нехорошо! Это очень нехорошо!..

— Вот-те на. Что же в этом плохого? Я молод, еще успею...

— Эх, да ведь мне ты нужен женатый...

Петровский поинтересовался моей семьей, и оказалось, что он знаком с моим братом. Потом мы расстались, договорились через несколько дней встретиться снова.

При второй нашей встрече он начал без всяких предисловий:

— Нам необходима, крайне необходима молодая бездетная семья. Нужно, чтобы это были свои люди, коммунисты или комсомольцы, которые сняли бы дом и там организовали подпольную типографию. Мы остановили свой выбор на тебе.

— Это все хорошо, но ведь я же неженат! — напомнил я.

— Женишься! — последовал ответ.

— Но если мне не на ком?

— Подыщем для тебя. А ты согласен? Брак ваш будет чисто формальным.

Мне, конечно, пришлось согласиться.

Прошло не более двух-трех дней, и Петровский устроил мне встречу с одной девушкой. Оказалось, что мы уже давно знакомы. С ней вели тот же разговор, и она уже дала согласие. Вот тут-то и начались затруднения. Прежде всего я отправился в родное село, чтобы получить разрешение от попа. Без такого документа тогда брак было оформить нельзя. Поскольку девушка была еврейкой, ей пришлось принять христианскую веру... Но, к несчастью, поп был приятелем моего отца, и, чтобы добиться его расположения, мне пришлось плести разные небылицы.

— Она из очень богатой семьи, единственный ребенок, — рассказывал я. — У них в Софии трехэтажный дом на углу оживленной улицы...

Поп меня благословил, искренне обрадовавшись, что младший сын учителя наконец-то устроился. (Между прочим, моя «супруга» работала портнихой, была беднее, чем я, активная комсомолка.) Благополучно совершился и обряд крещения — ее теперь уже звали Лилианой. Нас венчали в церкви «Святой Спас» на улице Лавеле.

Мы наняли дом в районе Слатинского редута, неподалеку от нынешнего зала «Универсиада» — в те времена это была окраина города.

Вот тогда-то и случилось то, о чем я заранее предупреждал товарищей. Поскольку мой отец знал меня лучше, чем поп, он не поверил ни в наличие трехэтажного дома, ни тому, что тот стоит на оживленном перекрестке, ни... Буквально через несколько дней он прибыл в Софию, узнал в справочном бюро мой адрес и заявился прямо к нам.

Отец стал приходить каждый день, побуждаемый заботой о моем «спасении», пока, дескать, еще не совсем поздно. Как только он входил в дверь, я выпрыгивал в окно. Отчаявшись, испугавшись за мое будущее, он как-то сел писать письмо в полицию. Хорошо еще, что матери удалось его образумить. Ведь отец был очень упрямым человеком. Он успокоился лишь тогда, когда через двадцать дней мы с «женой» расстались и я вернулся домой...

Но тревоги для него теперь только начинались...

После этого я стал секретарем районного и членом окружного комитета РМС, а несколько позже перешел на работу в ЦК РМС.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«...Дух у войск и населения — высокий. Вера в окончательную победу непоколебима!»

«...Наконец Трынский отряд получил автоматы, но, сколько их и каких они систем, службе неизвестно. Командование отряда просило прислать военного специалиста из Дупницкого партизанского отряда».

«Преследователям выдать по 100 патронов и 2 гранаты, а на каждый пулемет — по 1000 патронов».

«...Коммунистическая угроза в казарме может оказаться более опасной, чем предполагается».

«Дух населения поколеблен в результате временных успехов большевиков на Восточном фронте и усиления пропаганды противника, предсказывающей германским войскам полный крах».

«...Влияет и ненадежность в развитии государственной жизни».

(Из разведывательных донесений штаба армии)

1

В районе Стара-Планины, на вершине Мургаш, Тодо Переновский, Добри Джуров, Иван Шонев и еще несколько товарищей заложили основы отряда «Чавдар». В Ихтиманском Среднегорье родился Ихтиманский отряд. Дупницкие коммунисты, во главе которых с первых и до последних дней борьбы стоял Василь Демиревский (Желю), ушли в дебри Рилы. Действовал и Трынский отряд...

Партизанское движение охватывало все новые и новые районы страны, и в начале 1943 года наши отряды превратились в реальную боевую силу. Именно это и заставило сформировать штабы зон, которым на данном этапе предстояло взять на себя руководство партизанскими отрядами, координировать их совместную деятельность, а также отрядов, боевых групп и подпольных организаций в армии.

Еще когда формировался штаб 1-й повстанческой оперативной зоны, которая не только по территории, но и по числу партизанских отрядов являлась самой крупной, мы распределили между собой всю работу. Командир руководил боевой деятельностью на территории зоны и поддерживал постоянную связь с членами штаба. Мне поручили работу с подпольными организациями в армии, я также должен был поддерживать связь со всеми отрядами. После гибели Бориса Нованского это стало еще более необходимым. Я поддерживал постоянные контакты и с товарищем, руководившим тогда деятельностью боевой группы в Софии.

Чтобы руководить кем-то, чтобы твоя помощь поистине стала действенной и своевременной, нужно прежде всего хорошо узнать людей, стать сопричастным к их заботам и успехам. И с первого до последнего дня борьбы для нас это являлось святым законом, несмотря на опасности и угрозу смерти!.. Но, если бы мы не участвовали самым непосредственным образом в жизни партизанских отрядов, если бы не знали досконально сильные и слабые их стороны, как тогда смогли бы стать им полезными?

Как я уже говорил, сразу же после учредительного совещания в Горна-Бане все члены штаба отправились в партизанские отряды. Незадолго до этого мы сумели установить связь с Трынским отрядом, и в квартале Ючбунарь я впервые встретился с членом штаба отряда Делчо Симовым (Гошо).

Какова численность и организация отряда? — спросил я и сначала никак не мог понять смущения своего товарища.

Но только сначала. Оказалось, что, хотя на боевом счету отряда было немало смелых операций, он насчитывал всего 5—6 человек и организационно даже не был оформлен.

Вскоре я убедился, что нисколько не лучше положение и в других отрядах, хотя они были несколько более многочисленными.

9 июня 1943 года, совершив под командованием Бойчо двухдневный переход под проливным дождем, мы прибыли в лагерь чавдарцев, расположенный у Радиной реки. На следующее утро состоялось первое общее собрание. Прежде всего меня познакомили с деятельностью, состоя-

нием отряда и его вооружением, с выводами, сделанными после проведенных операций, и с планами на будущее. Мы решили и некоторые неотложные организационные вопросы. Во время моего пребывания в отряде вместе с товарищами встретили и новое партизанское пополнение.

Помнится, что тогда я познакомился с опытом проведения операций и в других боевых единицах партии, действовавших на территории зоны. Я рассказал партизанам о деятельности Трынского отряда. Несмотря на малочисленность, этот отряд развил такую боевую и политическую активность, что о нем ходили настоящие легенды. Часто они распространялись нашими врагами.

От имени штаба зоны я поставил перед отрядом следующие наиболее важные задачи:

— усилить и укрепить связи с районными партийными комитетами на территории действий отряда;

— в кратчайший период удвоить численность отряда и создать из него два отряда — это программа-минимум;

— немедленно заняться усиленной военной подготовкой;

— изучить возможности проведения актов саботажа на нескольких крупных военных объектах (конкретно: Макоцевский туннель, где тогда хранился авиационный бензин для нужд гитлеровских войск);

— активизировать боевую деятельность, чтобы присутствие отряда стало более ощутимо как для местного населения, так и для наших врагов.

Сразу же после того, как мы закончили заседание, собрался здесь же сформированный новый штаб отряда. Я рассказал товарищам о том, какие меры принимаются штабом зоны для снабжения отряда оружием. Мы вместе обсудили, куда направить группу партизан, чтобы встретить грузовик с оружием и боеприпасами, которые подпольная военная организация готовилась вывезти из механических мастерских. Этой организацией руководил тогда унтер-офицер коммунист Атанас Хаджиянчев.

Это общее собрание партизан чавдарцы назвали первой Мургашской конференцией. Она имела решающее значение для подготовки и организации последующих операций. Хотя и не все они оказались успешными, но все же именно эти операции завершили для отряда период, когда он организационно оформлялся и когда главное внимание уделялось агитационной работе среди населения. От-

ряд превратился в грозную боевую силу, с которой вынужден был считаться враг.

Но по-настоящему активными действия чавдарцев стали немного позже, когда пришлось снова отправиться в отряд и поставить ребром ряд вопросов политического и организационного характера. Но об этом будет сказано в свое время.

Мой приезд товарищи восприняли как проявление внимания со стороны штаба зоны, они более глубоко почувствовали новые масштабы борьбы... Мне не хотелось бы создавать у читателей ошибочное впечатление, что я стремлюсь возвеличить свою роль в этой первой встрече с чавдарцами. Дело не в личности! Просто более чем когда-либо раньше товарищи осознали, что они не одиноки, что борьба — отныдь не дело только группы смельчаков, что она приобретает всенародный характер. Они поняли свою силу и свое место на этом новом этапе борьбы!

Об этом же свидетельствуют и записки Добри Джурова (Лазара), которые он написал по моей просьбе:

«Мы, чавдарцы, постоянно чувствовали, что нами руководит штаб зоны.

На каждом этапе нашей борьбы штаб ставил перед отрядом (бригадой) конкретные задачи, уточняя их по мере изменения обстановки.

Штаб зоны помогал решать организационные вопросы, утверждал состав штаба отряда (бригады), командиров и комиссаров его подразделений, а также руководил работой партийных и ремсистских организаций.

При непосредственном участии штаба зоны определялась тактика наших действий, а военные инструкторы штаба помогали нам в организации и проведении боевой подготовки личного состава отряда.

Штаб проявлял постоянную заботу о снабжении отряда оружием. Добиваясь расширения партизанского движения, он обеспечивал пополнение отряда (бригады) новыми бойцами.

Штаб оказывал нам помощь в создании боевых групп в Чавдарском районе и руководстве их действиями».

Сразу же после возвращения в Софию мне пришлось отправиться в Трынский отряд, чтобы решить ряд организационных вопросов, а также чтобы обсудить и решить вопросы, связанные с его пополнением.

Развертывание партизанского движения! Вот с чего надо было начинать и с чего мы действительно начали под непосредственным руководством и с помощью окружного комитета партии. Мы поддерживали постоянную связь с окружным и Центральным комитетами комсомола, получали от них неоценимую поддержку, вместе с ними переправляли в отряд пополнение из числа коммунистов и комсомольцев.

Развертывание партизанского движения для нас означало не просто увеличение количественного состава наших партизанских соединений; это — первооснова всенародного характера антифашистской борьбы.

Значительные трудности мы испытывали, решая проблему обеспечения партизанских отрядов оружием. Того, чем они тогда располагали, было совершенно недостаточно, да и качеством это оружие не отличалось. Не хватало хороших винтовок, а об автоматах и пулеметах приходилось только мечтать.

Мы, члены штаба зоны, уже тогда понимали, что столь необходимое нам оружие можно раздобыть лишь отняв его в бою у врага или с военных складов с помощью наших подпольных организаций в армии. Оба эти способа являлись одинаково рискованными и опасными, но другого выхода не было.

Помимо всего прочего нужно было быстрее обеспечить постоянное снабжение отрядов продуктами, одеждой и всем другим необходимым для жизни и боя.

Все эти задачи мы считали самыми неотложными и самыми важными. Наш успех во многом зависел и от правильного выбора тактики действий партизанских отрядов. В те дни каждый отряд решал эту проблему по-своему, не всегда принятая тактика оказывалась верной.

Существовали и такие отряды, тактика и линия поведения которых сводилась к тому, чтобы укрыться от противника. Через своих помощников из числа членов местных партийных и ремсистских организаций они обеспечивали себя продуктами, но при этом не вели никакой целенаправленной боевой и политической деятельности... Подобное положение вначале сложилось в отряде «Чавдар», так было и в Рилском, и в Ихтиманском отрядах... Кое-кто считал тогда, что самое главное — создать как можно больше продуктовых баз в горах, всячески избегать столкновения с полицией и войсками до тех пор,

пока отряд не вырастет численно и не окрепнет в организационном отношении. Эти товарищи рассуждали так не из-за страха перед противником, а исходя из того, что необходимо беречь силы для решительного боя. На практике же получалось так, что эти отряды, не решая конкретных боевых и политических задач, не оправдывали своего существования.

Разумеется, как я уже сказал, не везде дело обстояло таким образом. Уже с первых дней создания отряда трынские партизаны проявляли большую активность. Они совершали нападения на населенные пункты, уничтожали архивы и налоговые книги общин, изымали продукты на сыроварнях, работавших на немцев, и большую часть из них раздавали населению. И люди убеждались в том, что партизаны, которых власти преследовали и называли разбойниками, преступниками, смутьянами, на деле являются их единственными защитниками. Партизаны стали очень популярны в народе, что впоследствии сыграло решающую роль во всей борьбе партии против монархофашистской власти.

Мы считали своим долгом внушить всем руководителям партизанских отрядов, что единственно правильной тактикой является непрестанное наращивание их боевой и политической активности!.. Разумеется, это могло стоить нам новых жертв, но ведь мы вступили в эту борьбу добровольно, по зову сердца, и нам не к лицу было отступать перед страхом смерти. Всем, особенно командирам, следовало понять, что если отряды находятся в непрерывном движении, если они отвечают на удары врага умелыми и точными ударами, берут под защиту население и не позволяют фашистам безнаказанно его грабить, то только тогда сможет укрепиться их авторитет среди людей, только тогда народ будет готов им помогать при всех случаях и всем, чем только сможет.

Чтобы довести эту мысль до каждого командира и бойца, все члены штаба зоны, как и некоторые товарищи из окружного комитета партии, отправились в различные партизанские отряды. Здесь, вероятно, следует сказать несколько слов о том, как осуществлялась связь между штабом зоны, штабами партизанских отрядов и остальными боевыми подразделениями.

Штаб каждого отряда имел в Софии своих помощников и через них проводил работу в городе. Каждый от-

ряд, кроме того, имел и своих курьеров, поддерживавших связь со штабом зоны (особенно аккуратными в этом отношении проявили себя чавдарцы). Каждую неделю, а иногда и два раза в неделю, проходили встречи между представителями штаба зоны и курьером соответствующего отряда. Курьер получал последние приказы штаба, его указания (в письменной или устной форме). Те же курьеры доставляли и доклады командиров отрядов как о проведенных, так и предстоящих операциях.

Из Софии в отряды мы добирались по специальным маршрутам, останавливались лишь в домах или на квартирах наших помощников.

Маршрут в Трынский партизанский отряд, например, проходил через село Банкя (там содержал аптеку наш товарищ Георгиев), а оттуда — через село Рыстник, где мы останавливались на квартире у Бориса Йорданова, а затем — через села Глоговица (квартира Дочки) и Знеполе в село Калиа под вершиной Тумба. Подобные же маршруты существовали и в отряд «Чавдар». Один из них проходил через село Осоица и вел на вершину Мургаш; другой — через село Чурек, тоже на Мургаш, в запасе имелся и третий — через село Локорско...

Этими маршрутами пользовались наши помощники и курьеры, шли в отряды представители штаба зоны, партизаны, направлявшиеся с заданиями в Софию, и пополнение для отрядов.

Информация, которую мы получали из отрядов, доставлялась письменно или устно курьерами. Разумеется, никакого специального архива наш штаб не вел. Да это было бы и неразумно по соображениям конспирации — каждый без труда может себе представить, какой бы нас постиг провал, если бы подобный архив случайно попал в руки полиции...

Между штабом нашей зоны и Главным штабом Народно-освободительной повстанческой армии связь сначала осуществлялась через командира, комиссара, а иногда и через начальника штаба зоны. Позже, когда командиром зоны стал Владо Тричков, он лично поддерживал эти контакты. Владо Тричков имел прямую и постоянную связь с Христо Михайловым, который после убийства Эмила Маркова был назначен командующим НОПА. Для нас огромное значение имел тот факт, что почти на всех заседаниях штаба зоны присутствовали представители

Главного штаба — чаще всего Христо Михайлов, чьи выводы и указания всегда поражали нас своей глубиной и точностью.

Наш штаб во многих отношениях, несомненно, находился в более благоприятных условиях, чем штабы других зон. Мы чаще всего первыми и непосредственно от руководства НОПА получали необходимые указания. Это в значительной степени обусловило более крупный по сравнению с другими зонами размах боевой и политической деятельности отрядов в нашей зоне, поскольку характер наших задач требовал поддержания постоянной связи с Центральным Комитетом и Политбюро партии. Встречи с руководителями партии являлись для нас настоящей политической школой.

Конспиративные встречи чаще всего назначались на немноголюдных улицах, в небольших кондитерских... Предварительно всегда проводились контрольные встречи, заранее уточнялись пароли. Самые важные заседания штаба зоны, на которых присутствовали представители Главного штаба и окружного комитета партии, происходили на специально определенных для этой цели квартирах. Выбор этих квартир определялся прежде всего личными качествами и политической зрелостью хозяев, а также соображениями конспирации.

Главная квартира штаба зоны помещалась в доме Ивана Кафалиева на улице Малуша, в квартале Лозенец. Иван Кафалиев и его семья полностью предоставили свой дом в распоряжение партии и охотно выполняли возложенные на них поручения. Штаб мог пользоваться этой квартирой в любое время суток.

В нашем распоряжении находились также квартиры Александра Пешева в районе Овча-Купел, Драгана Орлова — на улице Пиротска (ныне улица Жданова). Для заседаний военного бюро при штабе зоны (это бюро помимо выполнения других задач осуществляло руководство подпольной организацией в армии) чаще всего использовалась квартира Димитра и Йонки Неновых в квартале Ивана Асена.

На заседания мы собирались в зависимости от необходимости: иногда раз в неделю, в других случаях — раз в две недели, а то и реже. На этих заседаниях обычно отчитывались отдельные члены штаба, особенно после возвращения из партизанских отрядов. Мы обсуждали по-

ложительный опыт деятельности партизанских отрядов, чтобы распространить его во всех отрядах. К недостаткам мы относились с революционной непримиримостью и принимали необходимые меры, чтобы устранить их.

Обсуждалось и состояние подпольных организаций в армии, а также деятельность боевых групп на территории зоны...

Случались ли споры и разногласия? Разумеется, но не о том, продолжать нам борьбу или прекратить ее, не о том — сражаться или передохнуть. Для всех нас на эти вопросы существовал один-единственный ответ. Споры возникали, когда обсуждались конкретные формы работы отрядов. Революция для нас являлась единственной политической и военной школой, и нам приходилось учиться на собственном практическом опыте. Вот в оценке этого опыта и возникали разногласия. Они рождались в самих отрядах, но в ходе дискуссий всегда удавалось добиться единодушия независимо даже от того, что в соответствии с уставом последнее слово оставалось за командиром.

О чем же мы спорили?

Одни, например, считали, что ни в коем случае не следует создавать тайники и продуктовые базы, а нужно действовать всегда в гуще масс. Согласно этой точке зрения отряды должны были часто менять место расположения, то есть, пробыв некоторое время в одном селе, переходить в другое, чтобы поддерживать более тесные связи с населением, вести целенаправленную политическую работу и обеспечивать себя продуктами, одеждой и т. д. Они считали, что партизанам нужно иметь запас продуктов лишь на два-три дня или только на то время, когда отряд будет находиться вне населенных пунктов.

В некоторых отрядах бытовало противоположное мнение. Там считали, что основным принципом снабжения должно стать создание специальных складов продуктов и баз в горах. Эта точка зрения мотивировалась следующим образом: благодаря созданным запасам будут устранены возможные опасения партизан, что они останутся без продовольствия.

Эти вопросы подвергались серьезному обсуждению в штабе зоны, пока мы не пришли в конце концов к полному единодушию. Некоторым отрядам рекомендовалось отказаться от создания складов и баз, ибо в противном случае они отрывались от населенных пунктов, обрекали

себя на бездействие или в лучшем случае лишались возможности влиять на население. Несомненно, более правильным было, чтобы партизаны всегда находились в гуще народа. В этом случае решался не только вопрос об их снабжении — каждый миг, каждый час они укрепляли веру народа в победу, влияли на его политическое сознание и приобщали его к коммунистическим идеям.

В дальнейшем практика подтвердила правильность нашего выбора. Многие села превратились в настоящие партизанские крепости. Нам удалось привлечь на свою сторону тысячи новых борцов за свободу. Наши помощники, убедившись, что мы представляем собой хорошо вооруженную силу, смелее и самоотверженнее включились в борьбу, превратились в надежный резерв наших отрядов. К этому хочется еще добавить, что в различные периоды существования и деятельности штаба зоны у нас возникали разногласия по вопросу о численности партизанских отрядов и соединений.

Кое-кто из товарищей высказывал мысль, что не нужно создавать крупные партизанские соединения, потому что им будет трудно скрываться, а также и потому, что такие соединения труднее снабжать оружием, продуктами и всем необходимым. Согласно этой точке зрения, чем малочисленнее будут партизанские подразделения, тем труднее врагу будет их обнаружить, тем успешнее они смогут маневрировать, тем крепче будут в организационном отношении.

Существовало и другое мнение, сторонники которого считали необходимым готовиться к крупным операциям против многочисленного противника, постоянно нанося ему серьезные удары.

Жизнь заставила нас придерживаться этой второй точки зрения. И когда мы поставили задачу овладевать территориями, то совсем не могли обойтись без мощных партизанских соединений, какими являлись бригады, а на решающем этапе — дивизии.

Крупные партизанские соединения стали абсолютно необходимыми в 1944 году. Они полностью оправдали свое существование и сыграли решающую роль в вооруженной борьбе. Партизанские соединения уже не только давали отпор крупным полицейским и жандармским формированиям, но все чаще и чаще сами наносили им серьезные удары. Партизанские бригады нанесли сокруши-

тельные поражения многим фашистским частям и подразделениям. Этим достигался не только военный, но и политический эффект — народ видел в партизанских соединениях победоносную армию, способную защитить его, армию, борющуюся за его будущее.

Окончательные решения, разрешите мне подчеркнуть это еще раз, мы всегда принимали исходя из конкретных условий борьбы. Своеобразны, например, были условия, в которых действовал Трынский отряд. В районе его действий было множество хуторов и небольших деревушек. В случае крайней опасности партизаны могли перейти и на югославскую территорию, в освобожденную партизанами зону. В совершенно иных условиях приходилось действовать чавдарцам: буквально под носом у врага, в 20—25 километрах от столицы, в населенных пунктах, где сосредоточивались крупные силы противника.

В штабе зоны серьезно обсуждалась и деятельность боевых групп. Среди нас существовали разногласия в выборе методов и средств борьбы. Приходилось выбирать между открытыми выступлениями и строго законспирированными операциями. Разнородный характер операций, осуществляемых боевыми группами, диктовал нам различные средства и методы действий. Одним способом, например, приходилось действовать при ликвидации кого-нибудь из отъявленных врагов, совсем другим — при уничтожении промышленных объектов...

Обычно, приняв во внимание мнения руководителей боевых групп, штаб разрабатывал различные варианты действий в полном соответствии с конкретной обстановкой.

Каков будет политический эффект? Это для нас всегда являлось руководящим правилом! А иногда поистине трудно было оценить все плюсы и минусы той или иной операции. Взорван состав с боеприпасами, подожжены фашистские склады с продуктами, заготовленными для отправки на советско-германский фронт. Каким будет экономический эффект — ясно, но политический? А не погибнут ли невинные люди, не пострадает ли население? Как воспримет наши действия народ — вот что было важно для нас. Поэтому все операции боевых групп планировались, организовывались и проводились под руководством штаба зоны. Например, ликвидация бывшего шефа полиции полковника Пантева и отъявленных фашистов

генерала Лукова и Сотира Янева была произведена с разрешения партийного руководства. Самые важные операции, способные повлечь за собой весьма серьезные политические последствия, штаб планировал в самом тесном сотрудничестве с товарищами из окружного и Центрального комитетов партии, с Главным штабом НОПА. Только ликвидацию Кулчо Янакиева (это он проводил мероприятия по созданию помех в работе радиостанции имени Христо Ботева и приеме передачи из Москвы) боевые группы организовали без необходимого согласования, и в результате — неудача и провал, повлекшие за собой неоправданные жертвы.

Много споров велось и в связи с созданием подпольной организации в армии и руководством ее деятельностью. Эта работа для нас была связана с особенно большим риском и сложностью, так как военная контрразведка, вся фашистская верхушка проявляли чрезвычайную настороженность, всячески противодействуя нашей работе в армии. Штаб зоны, как и высшее руководство, хорошо знал об этом и стремился, насколько возможно, избегать крайнего риска.

Активность военной контрразведки (основательной проверке подвергался каждый солдат, каждый унтер-офицер, каждый офицер) объяснялась прежде всего нашими успехами в подпольной работе в армии. Любая наша ошибка влекла за собой массовые репрессии. Армейское начальство принимало все меры к тому, чтобы раскрыть подпольную организацию. И следует признать, что иногда ему удавалось достичь своей цели. Погибло много наших замечательных коммунистов и ремсистов.

Вот почему соблюдение конспирации, всех ее принципов стало железным законом. Однако это отнюдь не означало, что эти законы могли служить поводом для отказа или просто отсрочки в выполнении заданий, поставленных перед подпольной организацией в армии. На нашей стороне было огромное преимущество. Армия постоянно пополнялась новыми призывниками. А это были бывшие рабочие и крестьяне или их сыновья, многие из которых еще до прихода в казарму становились нашими единомышленниками. Именно они и продолжали борьбу.

Чтобы обеспечить правильное и успешное руководство всей боевой деятельностью на территории зоны, штабу еще с самого начала пришлось организовать постоянно

действующую разведку, ставшую еще более необходимой тогда, когда партизанское движение разрослось и боевая деятельность отрядов активизировалась.

Осознав, какую мощную силу мы собой представляем, враг мобилизовал все свои резервы. И чтобы наши удары становились все более результативными, чтобы предотвратить возможные неожиданности и напрасные жертвы, нужно было заранее узнавать замыслы врага. Нам требовалась постоянная и надежная информация!

Штаб зоны собирал необходимые ему сведения о расположении противника, об его намерениях, используя для этой цели прежде всего партизанские отряды, боевые группы, подпольные организации в армии, партийные и ремсистские организации в городах и селах, а также широкую сеть своих помощников.

Нет необходимости объяснять, почему самыми ценными для нас являлись сведения, получаемые из подпольных организаций в армии. Эта информация помогала правильно определить настроения отдельных командиров в связи с теми или иными внутренними и международными событиями. От этих организаций чаще всего поступали и сведения, связанные с ближайшими и более отдаленными планами фашистского командования. В работе подпольных организаций помимо солдат участвовали некоторые унтер-офицеры и патриотически настроенные офицеры. Связь с офицерами осуществлялась главным образом ЦК партии и Главным штабом НОПА. Выполнение этой задачи было возложено на Петра Врачева и еще на нескольких товарищей.

Штабы отрядов регулярно представляли сведения о дислокации частей противника в районах их действий, о местах расположения складов боеприпасов, продуктов питания и т. п.

Все сведения, получаемые штабом зоны, обобщались и рассылались в партизанские отряды, в партийные и ремсистские организации, в соответствующие руководящие органы. Информировались также и боевые группы, но только по вопросам, непосредственно связанным с их деятельностью. Со своей стороны эти группы тоже занимались сбором информации, широко используя для этих целей партийные и ремсистские организации.

И все же, несмотря на все усилия, несмотря на категорическое решение штаба зоны, создание специального

разведывательного органа, располагающего постоянными сотрудниками, так и осталось неосуществившейся мечтой. Кое-чего мы, разумеется, добились, но не того, к чему стремились и что нам казалось необходимым.

Сведения о намерениях противника оказывались особенно необходимыми тогда, когда враг проводил большие блокады в Софии и обширных районах, где действовали партизанские отряды.

Предварительно полученные данные о предстоящих блокадах в Софии давали возможность партийным и ремсистским организациям принять необходимые меры для сохранения своих кадров. В подобных случаях подпольщики покидали город своевременно и скрывались до тех пор, пока опасность не проходила...

Именно так произошло осенью 1942 года. Партийное руководство заранее узнало о предстоящей блокаде. Хотя она продолжалась целых 24 часа, полиция не сумела обнаружить и схватить ни одного подпольщика. Большинство партийных и ремсистских активистов, находившихся на нелегальном положении, на несколько дней покинули столицу.

Тогда и я сам — в то время я отвечал за военную работу в окружном комитете партии — вместе с видным деятелем партии Пеко Таковым и укрывавшим нас Иваном Сугаревым отправился в Родопы, над городом Пещтера, к родственникам Сугарева, там мы дождались конца блокады.

Но совсем по-другому получилось в мае 1943 года. Сведения о блокаде мы получили очень поздно, и это лишило нас возможности предупредить всех... И многие стали жертвами полицейских облав. На известное время партия лишилась некоторых своих испытанных и преданных бойцов.

2

Сколь долгим должен быть путь к завоеванию свободы?

Сколько раз мы спотыкались и падали, но, забыв о боли, поднимались и с той же непоколебимой верой шли в следующее сражение, к следующей победе! Сколько раз фашисты шумно объявляли, что партизаны окончательно уничтожены...

Никогда, ни на один миг мы не сомневались в конечном исходе нашей борьбы, но никто из нас не строил иллюзий, что битва будет легкой и короткой... Ведь это была не первая наша схватка, и мы хорошо знали силу, жестокость и коварство врага, в неравном бою с ним мы потеряли столько смелых и преданных партии сыновей!..

Вот почему иногда — да простят меня за это — я с невольной улыбкой читаю некоторые наши художественные произведения, где рассказывается о движении Сопротивления: в них фашисты непременно выглядят очень глупыми и трусливыми, а бои показаны иногда, как какая-нибудь приятная прогулка... Все это неправда. Враг был силен, коварен и более опытен, чем мы, особенно в начальный период борьбы. Все военные преимущества находились на его стороне. Тем более — скажем и об этом откровенно, — что в селах и городах нас не всегда встречали с распростертыми объятиями. Мы добились всего ценой большого труда, многих жертв, благодаря огромной самоотверженности... И если, несмотря на все, мы победили, то только потому, что для нас борьба стала смыслом жизни, в то время как для большинства наших противников она являлась просто средством к существованию. Мы победили потому, что сумели даже свои поражения превратить в победу, потому, что не только разбудили в народе симпатии к себе, но и заставили его презреть свой собственный страх перед репрессиями и бесчинствами фашистов. А все это потому произошло, что мы не были одиноки в борьбе с фашизмом — победы Красной Армии являлись и нашими победами.

В те решительные дни молчаливое сочувствие борющемуся народу, отказ от участия в движении Сопротивления были равнозначны предательству. Говорю об этом не в укор. В тот период массовых репрессий, террора, убийств (согласно приговору суда и без такового) требовались огромная воля и мужество, чтобы подняться на борьбу против фашизма. В первое время, растерявшись перед коварством и жестокостью врага, кое-кто отстранился от борьбы. Это, разумеется, не было массовым явлением. Но наша партия вернула веру тем, кто ее утратил. И постепенно эти люди возвратились в наши ряды, активно включились в народно-освободительную борьбу, и многие из них пали смертью храбрых.

Я уже говорил об этом и еще раз повторяю: мы не искали смерти, но и не могли сложив руки наблюдать, как торжествует несправедливость. Мы хотели учиться, хотели любить, хотели жить, однако в те мрачные и суровые времена только борьба стала для нас смыслом всей нашей жизни... Но разве можно все это описать словами? Если бы вы только знали, как непосильно трудно всегда и повсюду носить в себе воспоминания о самых лучших, самых преданных погибших товарищах...

Столько лет прошло с тех пор, но ни одно их слово не потускнело в моей памяти, не поблекла ни одна из мельчайших, связанных с ними подробностей... В те дни, когда до меня доносилась жестокая весть, мне в голову всегда приходила одна и та же мысль: я думал, что смерть товарища будет непоправимой утратой для партии. Я не мог себе представить, что кто-то сумеет заполнить эту огромную пустоту в наших рядах.

Но ряды достойных не редели: их словно бы становилось еще больше после каждой героической смерти. Несмотря на выстрелы из засады, несмотря на террор, несмотря на виселицы, число достойных не убывало. Потому, что наряду с нашей большой скорбью в нас зрела и гордость оттого, что среди нас, безымянных и еще вчера неизвестных пролетариев, выросли такие герои. Каждая героическая смерть, каждый пример достойного поведения попавшего в руки полиции товарища становились как бы паролем революции!

Я один из тех счастливых людей, кому довелось жить и работать с такими выдающимися деятелями партии, как Йорданка Николова и Лиляна Димитрова, Свилен Русев и Сашо Димитров, Эмил Марков, Владо Тричков и Христо Михайлов... Вот и сейчас я вспомнил об Эмиле Маркове. Он сохранился в моей памяти как кристально чистый, обаятельный, поистине великий человек!

...Однажды мы ночевали в доме Цветаны Велевой. Рано утром она ушла, чтобы купить газеты. Домой вернулась с заплаканными глазами и смогла вымолвить лишь одно: «Дядюшку убили!» (Она так называла Эмила). В следующее мгновение Цветана рухнула на стул.

Что угодно, но только не это! Невозможно было поверить в то, что Эмил убит. Мы были настолько ошеломлены горестной вестью, что даже не могли сразу осознать происшедшее.

Едва познакомившись с Эмилом, каждый проникался к нему уважением и любовью. Не помню, чтобы он произнес когда-либо хоть одно неискреннее слово. Столько дней и ночей мы провели рядом, но ни разу я не слышал от него какой-нибудь жалобы. За что бы он ни брался, все делал замечательно и с присущим только ему умением... Помню, однажды я вернулся с некоторым опозданием на квартиру Цветаны и увидел там Эмила и Свилева. Я застал их в тот момент, когда они вместе с Цветаной и Мишей... играли в яблоневом саду в прятки. Я и не заметил, как включился в игру, даже не подумав о том, что это занятие не очень-то подходит для людей нашего возраста...

И вдруг: «Дядюшку убили!»

Подмастерье часовщика, рабочий-строитель, учащийся, исключенный из всех гимназий, комсомолец, профессиональный революционер, член Центрального Комитета партии, руководитель Военного центра, главнокомандующий Народно-освободительной повстанческой армией, любящий супрут, нежный отец, коммунист димитровской гвардии Эмил Марков — убит. Мы все не хотели этому верить...

Его помнили повстанцы 1923 года. Он был курьером, доставившим из Софии в Берковицу сигнал к началу восстания. Его помнили комсомольцы, служившие в трудовых формированиях в Горна-Бане, солдаты бывшего гвардейского полка; его помнили делегаты Витошской конференции. Помнили его и фашистские агенты...

Вскоре после того, как за участие в одном из мероприятий прогрессивной молодежи Эмила исключили из берковицкой гимназии, он провел дерзкую акцию, буквально потрясшую городские власти, — выкрал оружие со склада расквартированной в Берковице белогвардейской части генерала Кутепова.

В кровавые дни апреля 1925 года Эмил Марков попал в руки полиции, и его в течение многих дней подвергали невыносимым пыткам. Эмил вынес все истязания, прошел через все пытки. А когда увидел, что силы его покидают, что любое сказанное в забытье слово может привести к позору предательства, Эмил предпочел смерть — он выбросился с четвертого этажа здания полиции. Эмил чудом спасся: падая, он зацепился за телеграфные провода, и это смягчило удар... Потом начался судебный

процесс. Эмил Марков пришел в суд на костылях. Его осудили на четыре с половиной года тюремного заключения, но моральным победителем на процессе стал он, Эмил, а обвиняемыми — фашисты.

После кратковременного пребывания в Советском Союзе по поручению Заграничного бюро партии он вернулся в Болгарию и вел борьбу за преодоление левосектантского уклона, за утверждение нового, димитровского курса.

Полиции вновь удалось схватить Эмила Маркова, и он был сослан в концентрационный лагерь «Гонда-Вода». Вскоре Эмил сумел бежать и опять включился в борьбу.

Жизнь его была наполнена непрерывным трудом во имя революции. А сколько неожиданностей, опасностей подстерегало его на этом пути. Конспиративные встречи, полицейские засады, бессонные ночи. Ему помогали непоколебимая твердость духа, бесстрашие и самоотверженность, необыкновенная выдержка.

Однажды квартиру, где скрывался Эмил, окружили полиция и солдаты. Заметив это, Марков ничем не выдал своего волнения, закурил сигарету и сказал, чтобы успокоить присутствующих:

— Это служебные лица, охраняющие сон граждан. Нам незачем беспокоиться. — Потом он отозвал в сторону хозяина и добавил решительно: — Я ни в коем случае не сдамся им в руки живым!..

Хозяин, поняв всю серьезность положения, спросил, какие последние поручения он хотел бы передать. Эмил ответил спокойно:

— Почему последние? Таков мой путь...

Когда преследования со стороны фашистских властей стали особенно упорными и жизни Эмила Маркова угрожала реальная опасность, было решено, что он отправится в один из партизанских отрядов. Все были убеждены, что ему необходимо как можно скорее уехать, покинуть Софию, но работа все время удерживала его в столице. И так до той роковой ночи.

В последний раз на конспиративной квартире он находился вместе со Львом Главинчевым. Их хозяйке пришлось по своим делам отправиться в квартал Кирпичные заводы. Вернувшись, она сообщила, что заметила на улицах много полицейских и переодетых в гражданскую одежду агентов. А именно в этом квартале и в этот самый вечер Эмилу Маркову предстояло встретиться с Эми-

лом Поповым, чтобы получить от него радиостанцию. Все его убеждали отложить встречу, но Эмил Марков остался непреклонным: уже некоторое время не было связи с Москвой, и сейчас, после стольких усилий, остаться без необходимой нам радиостанции только потому, что ему грозит опасность!.. «Да что мы такое без Москвы, без Георгия Димитрова?!»

За несколько часов до этого Эмилу выпало счастье увидеть своего шестимесячного сына — как оказалось, в первый и последний раз. Неумолимые законы конспирации лишали нас даже такой простой радости, а ведь это Эмилу Маркову принадлежат слова: «Наша цель в борьбе: обеспечить лучшие условия жизни детям, относиться к ним как к будущим гражданам, не забывая воспитывать их в духе верности народу...»

...Мы осиротели без Эмила. Спустя много лет Цветана Велева сказала мне: «Все вы были для меня близкими и дорогими, но, когда приходил Дядюшка, в доме наступал праздник...» Что еще могу я добавить к этим словам?

Мне хочется еще раз подчеркнуть: штаб зоны являлся боевым органом окружного комитета партии. Без руководства со стороны партийных органов, без их постоянной, действенной и конкретной помощи трудно было бы мобилизовать массы и привлечь их к участию в движении Сопротивления, а также активизировать действия партизанских отрядов. В отряды нашей зоны окружной комитет партии направил самых лучших коммунистов, обладавших богатым революционным опытом. И они принимали участие в жизни отрядов не только тем, что давали советы и указания. В самые трудные минуты они находились в первых рядах, показывая пример личной храбрости и мужества. Такими руководителями были: Тодор Живков — в отряде «Чавдар», Георгий Аврамов — в Трынском отряде, Раденко Видинский, работавший в Кюстендилском крае...

Такова правда!

Уже с первых дней стало ясно: чтобы успешно выполнять свои задания, обязанности, члены штаба зоны должны постоянно опираться на проверенных помощников, которыми являлись военные инструкторы, политработники, направляемые в отряды с конкретными заданиями. Кроме того, были курьеры, помогавшие поддер-

живать связь с отрядами и между отдельными членами штаба зоны. Как правило, этой работой занимались товарищи, находившиеся на легальном положении; днем они работали, как все мирные граждане, а вечером разносили устные и письменные указания штаба зоны, собирали информацию, стояли на посту, пока в их квартирах ночевали подпольщики...

О двух этих товарищах, с которыми мне довелось работать наиболее продолжительное время, хотелось бы сейчас рассказать.

Калина Вескова была моим курьером. Мне никогда не приходилось ни уговаривать ее, ни укорять за невыполнение задания. Опасности ее не пугали, хотя буквально каждый день был для нее настоящим испытанием: она разносила нелегальные материалы, устанавливала связи, доставляла мне новые указания, новые пароли. И я и товарищи, к которым я ее посылал, находились на нелегальном положении; нас повсюду разыскивала полиция, а Калина не имела права носить при себе оружие. Смелая, осторожная, находчивая Калина, идя на задание, всегда выглядела так, словно отправлялась на встречу с любимым... Откуда брались силы у такой хрупкой девушки? Многие товарищи находили приют в ее доме. Для каждого из них Калина находила доброе слово. Сколько дней и ночей Калина, ее сестра Анна и их глухонемой дядя бодрствовали на посту, пока в их доме шли важные совещания или просто укрывались подпольщики. Мне трудно даже описать, как они любили друг друга. Калина и ее дядя выработали для общения между собой особый язык, и дядя неоднократно спасал нас. Никто не мог заподозрить, что этот глухонемой человек из любви к своей племяннице занимается столь опасными делами. Когда он находился на посту, мы всегда могли быть спокойными.

Калина не дожила до дня свободы. После провала она перешла на нелегальное положение, потом ее направили в бригаду «Чавдар». Сражаясь в рядах партизан, она погибла. Погибла, как и жила, на своем посту, как патриот и коммунист.

Такая же трагическая участь постигла и другого моего самого близкого сотрудника — студента медицинского института Марина Димитрова. Он представил и себя самого, и свои студенческие квартиры всецело в распоря-

жение штаба зоны. Последняя квартира — здесь он показал один из десятков примеров своего исключительного конспиративного чутья и предприимчивости — помещалась в доме бывшего начальника полиции Мирчева на улице Ивайло. При этом Марин сумел убедить своего хозяина в том, что и он сам, и его частые гости — это люди «патриотически настроенные, абсолютно лояльные к властям»... Именно по этой причине у него долгое время скрывались многие товарищи, находившиеся на нелегальном положении.

Но этим не исчерпывалась деятельность Марина Димитрова. Я не раз посылал его на конспиративные встречи с членами штаба, с нашими сотрудниками, с прибывшими в Софию посланцами партизанских отрядов. Мы всегда были уверены в его преданности делу партии, исключительной смелости, самоотверженности.

Его назначили сотрудником штаба зоны. В то время он являлся одним из самых активных бонсистов [1]. По приказанию штаба ему пришлось отойти от своих прежних товарищей, даже продемонстрировать, что он испугался и «поумнел»... Ему пришлось вынести и молчаливое презрение его прежних друзей, и обвинения в трусости. Но мы не слышали от него жалоб.

Когда в результате предательства полиция арестовала Марина в его родном селе, по дороге в тюрьму ему удалось бежать с Софийского вокзала. Марин установил связь с нами. Вскоре мы с ним переправились в район действий Трынского отряда. В первом же сражении у Яничковой-Чуки, когда нас окружила жандармерия, Марин погиб. Работая в подполье, Марин всегда мечтал уйти в партизаны, чтобы открыто сражаться с врагом. Он погиб в бою как истинный коммунист, партизан, боец.

---

[1] Член Болгарского общенародного студенческого союза, антифашистской организации, созданной под руководством БКП.— *Прим. ред.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«...Партизанское движение стало решающим фактором в политической жизни страны».

«В связи с объявлением мобилизации в партизанские соединения возникло несколько проблем: часть бойцов не обучена военному делу, не подготовлена морально к преодолению трудностей. В составе отрядов есть и молодые люди, и люди старших возрастов, всем им не хватает оружия. Это рождает у командования некоторых отрядов мысль о том, что, дескать, больше не следует проводить мобилизацию».

(Из Директивы штаба 1-й повстанческой оперативной зоны)

«С целью уничтожения партизан мобилизованы три военно-полицейских батальона, сформированы 12 карательных отрядов, в том числе два в Софийском округе (1-й и 7-й)».

(Из разведывательного донесения штаба армии)

«...То, о чем мы давно говорили болгарскому народу, близится... Поражение фашистских армий под Сталинградом кладет начало их разгрому...

Ныне каждый мыслящий патриот понимает неизбежность поражения фашизма... Понимают это и предатели, но они до конца связали себя с Гитлером и по-прежнему выполняют его приказы, отчаянно стремятся сохранить свою власть...

Если мы вовремя не сорвем их подлые замыслы, болгарскому народу придется расплачиваться за их новую авантюру реками крови, разорением, опустошением и разделом своей Родины...»

(Из Директивы ЦК БКП о работе партии и РМС в армии)

1

Вначале партизанские отряды, действовавшие на территории зоны, были весьма малочисленны. Но в их ряды

вступили самые достойные, беззаветно преданные партии коммунисты и ремсисты, готовые на любые испытания, непоколебимо верящие в дело партии.

Но борьба заставляла нас мыслить новыми масштабами.

Как я уже упоминал, в те июньские дни 1943 года в Рылский партизанский отряд отправился командир зоны Лев Главинчев, в Ихтиманский — Борис Securities Нованский, который по пути в отряд погиб в перестрелке с полицией. (Позже пришлось послать в этот отряд члена окружного комитета партии Николу Дончева.)

О моих встречах с чавдарцами, о моих первых впечатлениях и выводах я уже рассказал... Практически ничем не отличалось и положение в других отрядах. Товарищи из штаба зоны и окружного комитета партии, понимая всю ответственность своей миссии, оставались много дней и недель среди партизан, помогая им всем, чем только могли. Помощь их была неоценима, потому что все они были проверенными в борьбе руководителями, имели богатый революционный опыт.

Однако, несмотря на ясные указания, несмотря на меры, совместно обсуждавшиеся и намечавшиеся, перемены, столь желанные перемены, не наступили повсюду и сразу. Поэтому членам штаба зоны позже пришлось снова отправиться в партизанские отряды, чтобы активизировать их деятельность.

Разумеется, было бы неправильно утверждать, что наши товарищи тогда не испытывали никаких трудностей. Еще более несправедливо недооценивать деятельность чавдарцев и других партизанских соединений в тот начальный период. В те дни председатель Совета министров Богдан Филов, выступая в Народном собрании, призывал начать новые репрессии. «Правительство будет действовать беспощадно», — сказал он.

Правительство будет действовать беспощадно!.. И всего лишь несколько дней спустя, 18 июля 1943 года, воинские части и полиция из Софии, Врацы, Ботевграда, Новосельцев блокировали весь район, где действовали чавдарцы. Все, кто попал под подозрение, были арестованы и подверглись истязаниям. В руках властей оказалось много преданных нам помощников. Крестьянам, выходившим в поле и в лес, категорически запретили брать с собой хлеб. Цель была ясна: оторвать партизан от их по-

мощников, вынудить их принять открытый и неравный бой или же заставить сдаться... Власти обещали «покончить с сопротивлением в этом крае раз и навсегда».

Несмотря на это, обе четы отряда «Чавдар» сумели не только вырваться из окружения, но и создать новую надежную сеть своих помощников в других районах действий. Отряд пополнился новыми бойцами. Успешная операция в селе Буново, проведенная именно в этот момент, имела огромный политический резонанс среди населения; она укрепила веру в боевые силы отряда и среди самих партизан.

Конечно, сделано было немало, но все-таки недостаточно. После Сталинградской эпопеи и последовавших за ней сокрушительных ударов Красной Армии даже у врагов не оставалось никаких сомнений в исходе войны. Капитуляция Италии в сентябре 1943 года также приблизила крах фашизма. Смерть царя Бориса еще более углубила политический кризис в стране. Следовало до конца использовать эту благоприятную для нас ситуацию. Недовольство народа политикой правительства, революционный энтузиазм масс требовали уже новых масштабов борьбы, применения новых, более действенных ее форм. Наша задача облегчалась тем, что мнение руководства партии искренне разделяло большинство партизан. Чавдарцы, например, уже тогда ясно сознавали, что деятельность отряда отстает от революционных требований новой политической обстановки.

Осенью 1943 года в отряд «Чавдар» прибыл председатель окружного комитета партии Тодор Живков(Янко). Одновременно с ним, хотя и другим путем, пришел туда я.

Вторая Мургашская конференция состоялась 11 и 12 октября 1943 года у истоков реки Напрыдка. Кроме руководства отряда в ней участвовали и партизаны из четы имени Бойчо Огнянова.

Доклад сделал Тодор Живков. Мы обсудили положение дел и наметили конкретные меры по устранению недостатков. Помимо других мероприятий (о них будет сказано позже) были проведены и некоторые организационные изменения. Прежнее руководство отряда недооценивало создавшуюся революционную ситуацию, считая, что, прежде чем приступить к активным боевым действиям, отряд должен окрепнуть, значительно вырасти

численно, а также создать надежную сеть помощников. Но обстоятельства требовали другого подхода к делу. Это сознавали все присутствовавшие. И товарищи из штаба отряда правильно, как настоящие коммунисты, восприняли справедливую критику.

На второй Мургашской конференции были уточнены, дополнены и расширены задачи отряда. Нападение на Етропольскую сыроварню и особенно операция в селе Буново окрылили партизан, стали примером для будущей деятельности отряда.

— Но только примером! Конкретные условия, новые требования, которые партия предъявляет ко всем нам, дают основание окружному комитету партии оценить прежнюю деятельность чавдарцев как весьма недостаточную. Не использовались в полной мере революционный энтузиазм партизан и рост недовольства населения для проведения операций с более значительным боевым и политическим эффектом, — говорил Тодор Живков.

По предложению Тодора Живкова командиром отряда «Чавдар» был назначен Добри Джуров (Лазар). Определили новый состав руководства отряда, назначили командиров и комиссаров. Перестраивалась партийная и ремсистская работа в районе действий отряда. По инициативе товарища Живкова были созданы чавдарские районные комитеты партии и РМС, которые не подменяли территориальных районных комитетов, а действовали совместно с ними.

Ответственность за партийную и ремсистскую работу в отряде, как и прежде, возлагалась на политического комиссара, который руководствовался указаниями окружного комитета партии.

Секретарем Чавдарского районного комитета партии был избран бывший политкомиссар отряда Ангел Гешков, секретарем районного комитета РМС — Прокопий Хаджихристов. Оба эти комитета находились в отряде и вели работу в селах и других населенных пунктах района.

Были назначены и «апостолы». Так тогда называли партийных и ремсистских инструкторов, которые вели разъяснительную работу среди населения.

...Я не мог не согласиться с оценками и предложениями товарища Живкова. Скажу только, что еще тогда меня поразило его замечательное умение оценивать лю-

дей по их поступкам, оберегать их достоинство, не допуская при этом беспринципности.

После выступления товарища Живкова и данных им указаний мне оставалось только сформулировать основные направления в действиях отряда. Более конкретно это выглядело так.

Во-первых: тщательно планировать и постоянно проводить боевые и политические операции, овладевать селами и созывать общие сельские собрания, на которых разъяснять политику партии и программу Отечественного фронта; организовывать снабжение отряда оружием и продуктами; сжигать налоговые книги, раздавать населению приготовленные для вывоза из страны продукты.

Во-вторых: совершать нападения на отдельные полицейские посты, чтобы посеять панику в рядах полиции (к этому времени большинство полицейских частей было укомплектовано призванными по мобилизации).

В-третьих: ликвидировать всех предателей и отъявленных фашистов, изменников, осужденных партизанским трибуналом.

Позже, летом 1944 года, по предложению окружного комитета партии и штаба зоны было принято решение преобразовать отряд в бригаду. Мы утвердили ее организационную структуру, назначили руководство бригады, а также командиров и комиссаров батальонов...

«Дальнейшие организационные изменения, происшедшие весной и летом 1944 года (разделение батальонов на отряды, а потом формирование на их основе батальонов, преобразование батальона Стефана Халанчева в бригаду), — пишет в своих воспоминаниях Добри Джуров, — производились также по указанию штаба зоны и окружного комитета партии.

Вторая Мургашская конференция завершилась к полудню 11 октября 1943 года. Товарищи Тодор Живков и Здравко Георгиев сразу же после этого отправились в путь, с ними ушел и Тоне Переновский, переведенный на подпольную партийную работу в Софию».

Третья конференция партизан отряда «Чавдар» состоялась в хижине «Владко» у самой вершины Мургаша. Добри Джуров и я только что вернулись из Осоицы. Чуть раньше нас к месту, где проводилась конференция, прибыл представитель окружного комитета партии Тодор Живков. Здесь собрался штаб отряда, все командиры

и комиссары чет, руководители партийных и молодежных организаций: Васо, Захарий, Кочо, Делчо, Дечо, Андро и другие.

Конференция продолжалась два дня — 3 и 4 февраля 1944 года. Были обсуждены вопросы, связанные с внутренним и международным положением Болгарии, а также решение Центрального Комитета партии о развертывании борьбы против фашизма, проанализированы боевое и политическое состояние отряда, партийная и ремсистская работа в районе.

Конференция решила усилить массово-политическую работу партийных и ремсистских групп на местах, обязала инструкторов и прикрепленных к ним товарищей побывать во всех партийных и ремсистских организациях, созвать собрания и поставить на них вопрос о мобилизаций.

В своем выступлении я подчеркнул, что штаб зоны в общем одобряет деятельность отряда и отметил, что решения второй Мургашской конференции выполняются.

Конференция поручила штабу отряда разработать план проведения мобилизации. Ему поручили также выступить с призывом к охотникам в районе, предупредив их, что партизаны запрещают охоту и что нарушителей будут наказывать. Кроме того, штаб обязали отправить всем полицейским письма с предупреждением, что оружие они могут носить только на ремне и ни в коем случае не держать в руках...

Тодор Живков изложил содержание циркуляра № 2 Центрального Комитета партии. Этот документ сыграл решающую роль для дальнейшего развертывания антифашистского движения Сопротивления в нашей стране в 1944 году.

Партия призывала нас:

«Партизанским отрядам необходимо перейти к решительным действиям, провести мобилизацию, вырасти численно до таких размеров, чтобы можно было овладевать целыми районами, надежно их удерживать, сделать источником пополнения своих сил и роста числа помощников партизан. Повстанческие районы должны послужить базой для всенародного восстания, для установления народной власти».

На следующий день мы вместе с Тодором Живковым отправились через Локорско обратно в Софию. Инструк-

торы, как и члены штаба отряда, ушли в назначенные им районы, чтобы разъяснять повсюду циркуляр ЦК партии и решения третьей конференции партизан отряда «Чавдар».

2 апреля 1944 года около хижины «Владко» открылась четвертая конференция партизан отряда «Чавдар». В ее работе приняли участие около ста человек: все партизаны из четы имени Бойчо Огнянова и четы имени Филипа Тотю, все партийные и ремсистские инструкторы, штаб отряда. На ней снова присутствовали Тодор Живков и я. Не смогли прибыть только партизаны из четы имени Бачо Киро во главе с командиром Стефаном Халачевым (Велко) и инструкторы из Пирдопского района Андро и Колка.

В повестке дня конференции были следующие вопросы:

1. Доклад о внутреннем и международном положении — докладчик Янко.

2. Доклад о предстоящей мобилизации — докладчик Калоян [1].

3. Обсуждение проекта плана мобилизации, предложенного Лазаром.

В своем докладе я прежде всего остановился на положении дел в зоне, подчеркнув, что чавдарцы достойно выполняют решения своих второй и третьей конференций. Я говорил подробно и о значении мобилизации в Чавдарском районе, о практических мероприятиях, которые необходимо осуществить, чтобы обеспечить выполнение поставленных партией задач.

Конференция решила завершить партизанскую мобилизацию к 25 апреля и преобразовать отряд в бригаду.

Огромное значение для разъяснения задач бригады имело и общее собрание партизан, состоявшееся в Жерковском овраге 25 апреля 1944 года, а также совещание, созванное 23 июля 1944 года под вершиной Мургаш, на котором перед батальонами и отрядами были поставлены задачи в свете создавшейся новой обстановки.

Всегда, когда ставились новые задачи, с учетом конкретной обстановки разрабатывалась и тактика действий

---

[1] Партизанский псевдоним Здравко Георгиева. — *Прим. ред.*

отряда (бригады) — общая и отдельно для каждой отдельной операции.

«Каждый раз,— вспоминает Добри Джуров,— когда начальник штаба зоны бывал в отряде, планы операций обсуждались совместно с ним.

Еще на совещании, известном как первая Мургашская конференция, штаб зоны поставил задачу приступить к активным боевым действиям. Партийное руководство подчеркивало необходимость освоить и постоянно применять более маневренную тактику, при которой удары противнику наносятся там, где он меньше всего их ожидает. Пришлось заняться усиленной военной подготовкой, овладением военным искусством. Это должно было обеспечить нам успех и свести до минимума жертвы, а ведь жизнь партизан и сохранность отрядов являлись постоянной заботой как штаба зоны, так и окружных комитетов партии».

В то время в высшем руководстве, как и в отрядах, оформились две точки зрения на методы ведения партизанской войны.

Кое-кто из товарищей считал, что по примеру югославских партизан нужно завоевывать территорию, проводить мобилизацию населения, создавать регулярную армию и осуществлять постепенное наступление, пока не возьмем в свои руки всю власть в стране.

Другое мнение сводилось к следующему: вести маневренную войну небольшими партизанскими группами и отрядами, не давать покоя властям, готовясь к решительному часу всенародного восстания.

Чавдарцы спорили много и горячо, пока не пришел приказ штаба зоны о будущей деятельности отряда.

Второй батальон должен был присоединиться к партизанским отрядам и бригадам, действовавшим в Юго-Западной Болгарии, чтобы совместными усилиями освободить и удерживать эти районы.

Третьему батальону предстояло отправиться к Ихтиману, принять в свой состав мобилизованных и развернуться в бригаду.

Первый батальон оставался в прежнем районе действий бригады.

В последний момент план действий бригады изменили. Второму батальону приказали установить связь с партизанами из Ленковского батальона и вместе с ними

отправиться в Родопы. Совместно с партизанами 2-й и 3-й повстанческих оперативных зон (Пловдивской и Пазарджикской) они должны были освободить и удерживать соответствующие районы страны. Туда же отправлялись и партизанские части из Западной Болгарии.

Об этих изменениях я сообщил чавдарцам, прибыв к ним 28 апреля 1944 года из Софии через Локорско.

Позже, на совещании, состоявшемся 23 июля 1944 года под вершиной Мургаш, мы обсудили организационные изменения в бригаде и батальонах, а также тактику действий бригады. Были определены районы действий каждого батальона, последовательность нанесения ударов, мероприятия по введению противника в заблуждение.

Задачи бригады и тактика действий уточнялись штабом зоны и на последнем этапе борьбы за свержение монархофашистской власти...

...Возвращаюсь снова к лету 1943 года.

В начале августа при содействии окружного комитета партии мы сумели отправить в отряды значительное пополнение. Разумеется, эту задачу выполнить было нелегко. Многие из наших товарищей находились в фашистских застенках, в концентрационных лагерях, другие погибли... Но у нас не было никаких затруднений при проведении мобилизации. Партия была тесно связана с народом. Борьба приобретала все больший размах и, заботясь о количественном росте партизанских соединений, мы принимали меры к усилению военной подготовки партизан. Ведь на новом этапе борьбы выносливость, тактическая зрелость партизан, боеспособность наших отрядов играли решающую роль в успехе любой операции.

Конкретным примером постоянной заботы штаба зоны о боевой подготовке партизанских частей является командирование нашего военного инструктора Димитра Пчелинского (Фильо) в отряд «Чавдар».

Пчелинский уже находился на нелегальном положении, когда во время одной из наших встреч я ему сообщил, что по решению штаба 1-й повстанческой оперативной зоны на него возлагаются обязанности военного инструктора. Это означало, что ему придется периодически бывать в партизанских отрядах, действующих на территории зоны, и оказывать им помощь в организации

боевой подготовки. Как бывший офицер, закончивший школу офицеров запаса, Пчелинский мог преподавать тактику действий взвода и роты, обучать партизан стрельбе, обращению с оружием...

Решили, что прежде всего он отправится в отряд «Чавдар». Перед ним поставили две задачи: организовать и проводить военное обучение подразделений отряда, а также участвовать в подготовке и проведении некоторых операций.

Кажется, в конце июля или начале августа 1943 года военный инструктор штаба зоны Димитр Пчелинский отправился в отряд «Чавдар» вместе с Иваном Хариевым.

Там он находился почти два месяца, ежедневно проводя занятия по боевой подготовке. Работа Пчелинского оказала благотворное влияние на дальнейшую деятельность отряда.

Вот что рассказывает сам Пчелинский о своей деятельности: «На первом заседании руководства отряда в присутствии Тоне Переновского, Добри Джурова, Ивана Шонева (Митре), Стояна Хаджипенчева и других я рассказал о поставленных передо мной задачах, мы вместе проанализировали деятельность отряда за прошедший период.

Товарищи весьма самокритично говорили о своей работе, считая, что боевая деятельность отряда до этого момента являлась неудовлетворительной. Они рассказали о своей первой операции в Макоцевском туннеле и заявили, что в неудаче виновны прежде всего руководители отряда, которые удовлетворились ролью наблюдателей вместо того, чтобы взять на себя руководство операцией и увлечь партизан личным примером...

В чете, располагавшейся в районе Дива-Горы, на западных склонах вершины Готен, из-за неблагоприятных условий местности не удавалось наладить систематическое военное обучение. Партизаны фактически занимались лишь изучением оружия — пистолетов, винтовок и гранат.

Через некоторое время руководство отряда решило отправить меня в другую чету, в Етропольские горы. Я пошел туда вместе с комиссаром отряда Ангелом Гешковым.

Лагерь четы имени Бачо Киро располагался в вековом буковом лесу. Здесь условия для военного обучения

оказались очень благоприятными. Поэтому вместе с командиром отряда Тодором Дачевым мы немедленно приступили к разработке плана занятий по изучению оружия, стрельбе и тактике. По нашему мнению, все это было необходимо для боевой деятельности партизан. Очень интересными были различные строевые занятия, хотя сначала они воспринимались не особенно хорошо. Разумеется, самыми важными являлись занятия по тактике наступательного и оборонительного боя.

Наша работа строилась таким образом: я разрабатывал план занятий, обсуждал его с Тоне Переновским и Добри Джуровым, а только потом начинались занятия. Партизаны проявляли высокую дисциплинированность и большое старание.

«С боем» мы преодолевали огромные расстояния. С особенным энтузиазмом проводилась «атака». Развертывание в цепь, перебежки, снова сбор — все выполнялось очень четко. Знания и навыки, полученные за время службы в армии, теперь помогли мне в организации боевой подготовки партизан.

Организованно проходили и занятия по изучению оружия и стрелковому делу. Партизаны подробно знакомились с устройством и действием винтовок, пистолетов, гранат, учились быстро их разбирать и собирать, устранять мелкие поломки. Изучались также различные правила стрельбы.

Когда курс военного обучения партизан четы имени Бачо Киро был завершен, по предложению Добри Джурова мы приступили к подготовке и проведению боевой операции.

Мы заинтересовались селом Буново. Как нам удалось установить, там находились склады продовольствия. Руководство отряда приняло решение ликвидировать эту базу, воспользоваться пребыванием в селе, чтобы разъяснить населению политику нашей партии, цели и задачи партизанской борьбы.

Чета остановилась на ночевку на восточных склонах вершины Баба. Перед проведением намеченной операции в селе Буново командование отряда решило проверить бдительность бойцов и убедиться, что внезапное нападение противника не вызовет у партизан паники. Посреди ночи мы вместе с Тоне Переновским и Ангелом Гешковым выбрались из лагеря и внезапно открыли

стрельбу. Из партизан, находившихся в лагере, лишь один Добри Джуров знал о задуманной нами проверке, но он должен был сделать вид, что ничего не знает, и принять на себя командование. Услышав стрельбу, встревоженные партизаны вскочили, но Джуров скомандовал: «Залечь! Ждать приказа об открытии огня!»

К чести партизан, никто не растерялся, все быстро схватили оружие и изготовились к бою. Проанализировав результаты проверки, мы сочли, что готовы к предстоящим схваткам с врагом».

2

Я несколько более подробно рассказал о той помощи, которую оказывал штаб зоны партизанскому отряду «Чавдар», потому что знал об этом больше, так как был непосредственным участником событий. Такую же работу проводили остальные члены штаба в других партизанских отрядах. Например, после того как в Дупницком (Рилском) отряде побывал командир зоны Лев Главинчев, отряд значительно активизировал свою боевую деятельность.

Одним словом, главной задачей и постоянной заботой штаба зоны являлись поддержание постоянной связи с партизанскими отрядами, руководство ими, оказание им конкретной помощи в исправлении ошибок и устранении недостатков. Штаб зоны должен был сделать все возможное, чтобы отряды могли успешно проводить в жизнь решения Центрального Комитета партии и выполнять приказы Главного штаба НОПА.

Вот что рассказал мне Лев Главинчев о своем пребывании в Дупницком (Рилском) и Ихтиманском отрядах:

«На Риле я побывал три раза. Дважды я встречался с Василем Демиревским в селе Саморапово. В третий раз мы отправились к рилчанам вчетвером: Никола Парапунов, Арсо Пандурский, Моис Аврамов и я.

В первый раз мне в горах встретились отдельные небольшие группы, действовавшие без постоянной связи между собой. Поэтому моя первая забота заключалась в том, чтобы покончить с разногласиями по некоторым вопросам, которые возникли между Василем Демиревским, Моисом Аврамовым, Бончуком, с одной стороны,

и Славе Константиновым, Соколовым и некоторыми другими — с другой.

Мы добились желанного единства, сформировали общее руководство. Командиром отряда избрали Василя Демиревского, комиссаром — Асена Васева (Хаджи), помощником командира — Асена Оранского, а помощником комиссара — Бончука. Заведующим хозяйством отряда стал Моис Аврамов. Партизан насчитывалось всего человек семь — десять, они были вооружены преимущественно пистолетами и гранатами...»

Вначале Василь Демиревский считал, что партизанам лучше иметь легкое оружие, тогда они будут более подвижными, смогут легче передвигаться с одного места на другое, действовать успешнее. Но для выполнения выдвинутых партией новых задач этого было недостаточно. Легкое оружие подходило для ведения коротких перестрелок с полицией, но не для ведения серьезных боев. Сейчас нужны были винтовки, автоматы, а также легкие пулеметы.

Прошло не так много времени, и все пришли к такому же заключению, принялись старательно добывать оружие. Под руководством Василя Демиревского Дупницкий отряд окреп и стал представлять серьезную угрозу для местных фашистских властей.

Выполнив поставленные перед ними задачи в различных партизанских отрядах, все члены штаба вернулись в Софию, чтобы отчитаться о результатах проведенной работы. Через некоторое время возникли новые задачи, и нам опять пришлось отправиться к партизанам. Лев Главинчев ушел в Ихтиманский отряд, а я в Трынский уезд.

«...Я прибыл туда в начале сентября 1943 года, — рассказывал Главинчев. — Застал там тридцать хорошо вооруженных партизан. Но командование отряда оказалось не на должной высоте. В частности, комиссар Хершкович, вместо того чтобы оказывать помощь командиру в организации и проведении боевой деятельности, занялся лишь устройством партизан в какой-то хижине. И там они отсиживались уже целых три месяца. Партизаны не занимались ни изучением оружия, ни освоением тактики партизанской борьбы и способов ведения боя. Комиссар все свои силы посвятил организации художественной самодеятельности и культурно-просветительной работы в са-

мых широких масштабах. Это, разумеется, отрицательно сказалось на боеспособности партизан и могло привести к гибели отряда».

К тому времени в отряде уже было два провала. Какой-то пастух заметил партизан и сообщил об этом властям. Однажды утром тридцать полицейских окружили поляну, началась перестрелка. Партизаны, разделившись на три группы, стали отходить. Позже одну из этих групп окружила в каком-то овраге полиция. Многие партизаны погибли, в том числе и командир отряда Дончев. К счастью, обе другие группы уцелели.

В одной из них Главинчев провел около месяца. Состав группы был очень разнороден: в нее входили партизаны из Ихтиманского, Софийского, Ломского уездов и из других краев Болгарии, что, естественно, создавало дополнительные трудности.

Дав соответствующую оценку предшествующей деятельности отряда, Главинчев поставил перед партизанами боевую задачу, разъяснил новую тактику ведения боевых действий и организации снабжения. Командир зоны подробно остановился на организаторской роли отряда в создании комитетов Отечественного фронта. Он особенно подчеркнул необходимость приложить все усилия для привлечения на свою сторону рабочих лесозаготовок. Эти люди могли снабжать партизан продуктами, давать информацию о намерениях местных властей. В районах Ихтиманского Среднегорья, покрытых зарослями молодого бука, не хватало воды. Здесь было всего несколько родников. Если бы полиция проявила большую прозорливость, то, взяв под контроль родники, поставила бы отряд в исключительно тяжелое положение.

Исходя из решений штаба зоны, Главинчев разъяснил партизанам стоящие перед ними задачи, и ихтиманцы, одобрив новую тактику партизанской борьбы, приступили к практическим действиям.

Для своей первой операции они выбрали село Белица. Группа партизан из семи человек под командованием Главинчева совершила внезапное нападение на село и обезоружила местных «блюстителей порядка». Партизаны провели в селе митинг, изъяли у богатеев продукты.

Некоторое время спустя партизаны организовали митинг на одном из самых оживленных перекрестков дорог, по которым в этот базарный день в город направлялись

жители многих сел. Это сильно перепугало не только местных представителей власти, но и уездное начальство. Успех, которого добились партизаны, был поистине огромным.

Благодаря проведенным операциям у партизан поднялось настроение, впрочем, как и у всех их единомышленников из окрестных сел. Ихтиманский партизанский отряд вскоре превратился в мощную боевую силу..

Впоследствии ихтиманцы провели множество других операций.

3

По решению штаба зоны в начале сентября 1943 года мне пришлось отправиться в Трынский отряд. Из Софии я вышел вместе с Делчо Симовым и группой партизан (среди них находился и Марин Димитров, до этого являвшийся сотрудником штаба зоны; в связи с провалом Марина разыскивала полиция, и ему пришлось перейти на нелегальное положение). 5 сентября мы встретились с отрядом Стефана Рангелова и на следующий день вместе пошли к селу Кална, где в тот момент находились и остальные партизаны отряда.

Дальше пришлось идти уже по партизанским тропам. В ночь на 7 октября пошел проливной дождь, спустился густой туман, казалось, начался настоящий потоп. Укрыться было негде, а идти дальше становилось все труднее и труднее. Все промокли до нитки, основательно промерзли, но упрямо, без жалоб шли вперед. Даже новички отлично выдержали этот ночной переход. И утро не принесло нам облегчения — мы сбились с дороги и очутились в районе покинутого, полуразрушенного пограничного поста Яничкова-Чука, что чуть выше села Бохово.

Поскольку днем двигаться было опасно, да и за ночь мы изрядно вымотались, то решили здесь дождаться следующей ночи. Завесили полотнищами окна с выбитыми стеклами, разожгли костер и начали сушить одежду.

Помнится, что часовым на посту оставили Марина Димитрова. Не прошло и часа, как он прибежал к нам и еще с порога крикнул:

— Люди с винтовками!..

Мы вскочили, быстро оделись, схватили оружие и... Со всех сторон на нас посыпался град пуль.

Оказалось, что нас окружила жандармерия. Здание поста находилось на поляне, которую со всех сторон обступал вековой лес. Вокруг здания был отрыт окоп, заросший травой. Я решил, что в нем удобнее всего держать оборону. Под огнем противника мы ползком добрались до окопа. Но в помещении поста остались крайне необходимые нам вещи и боеприпасы. Одна молодая партизанка устремилась к зданию. Уже на обратном пути буквально в метре от спасительного окопа она была смертельно ранена. Девушка умерла у меня на руках. Я так и не успел спросить, как ее зовут. Знаю только, что в отряде ее называли Цеца. Память о девушке-героине навсегда сохранилась в моем сердце.

Стефан Рангелов, командир отряда, уже взял на себя руководство боем. Мы вскоре поняли, где расположился враг. Посоветовавшись, решили немедленно атаковать противника одновременно на двух направлениях. Во главе одной группы стал Стефан Рангелов, во главе второй — Делчо Симов.

Мы поползли к лесу, прокладывая себе путь ручными гранатами. Жандармы не ожидали нашей атаки, начали отстреливаться, но их огонь стал уже совсем беспорядочным. Нам удалось прорваться. И мы двинулись к Знеполе, а потом...

Группа, в которой находился я, направлялась к Дысчен-Кладенцу, где нам предстояло встретиться с партизанами из другой группы. Но те в условленный час не явились, и оставаться там становилось уже опасно.

Поздно вечером мы наконец добрались до села Кална. Через несколько дней туда пришли и остальные товарищи, участвовавшие в бою у Яничковой-Чуки. Пришли, но не все: трое погибли.

Во время атаки второй группы пал от вражеской пули Стефан Рангелов. В этом же бою был убит Марин Димитров, сотрудник штаба зоны. Наткнувшись на засаду, погиб Велин Ангелов.

Мы потеряли четырех бойцов, четырех самоотверженных товарищей. Если бы хоть на мгновение нас охватила паника, покинуло самообладание, если бы мы не выбрали самое правильное решение — неожиданно и стремительно атаковать врага на двух направлениях и таким образом расчленить его силы, окруженный отряд неминуемо был бы уничтожен, потому что враг превосходил нас в

силе. Как мы позже узнали, эхо первых выстрелов донеслось до ближайших сел, откуда сразу же сообщили по телефону в Трын. К месту сражения выслали подкрепление жандармам.

Бой у Яничковой-Чуки еще раз подтвердил всю правильность линии Центрального Комитета партии, Главного штаба Народно-освободительной повстанческой армии и штаба 1-й повстанческой оперативной зоны: чтобы бить врага, партизанские соединения должны вырасти количественно, быть лучше вооружены, действовать наступательно.

На сборный пункт неподалеку от села Кална явился и Славчо Трынский. В течение нескольких дней мы решили все организационные вопросы. Проблемы были примерно те же, что и в отряде «Чавдар», и поэтому нет необходимости останавливаться на них. В последующих боях Трынский отряд вновь понес потери, но и тогда не ослабил своей активности, не самоустранился от борьбы. Наоборот, отряд непрерывно множил свои ряды и после проведения партийной и ремсистской мобилизации перерос в бригаду, способную выполнять важные боевые задания.

Я покинул село Кална вместе со Славчо Трынским. Мы отправились в Софию, где меня ждали новые задания, а Славчо предстояло получить дополнительные указания о действиях его отряда. Вместе с нами пошла и одна югославская партизанка (если мне не изменяет память, ее звали Даница). Только немедленная операция могла спасти ей жизнь. Легко сказать операция, но... было очень трудно в тех условиях, когда повсюду таилась опасность, сделать эту операцию Но, несмотря на все трудности, нам удалось спасти жизнь девушки. После ее снова перебросили на территорию, где действовала ее партизанская часть. Но и это было не просто. Пришлось пробиваться через многочисленные засады, через блокады, которые в Софии и во всем округе устраивали полиция и войска.

Хочу рассказать вам об однодневной блокаде Софии в ноябре 1942 года.

В то время я жил в квартире моего старого друга агронома Марина Неделчева. Он работал в Министерстве земледелия и жил на улице Евлогия Георгиева (ныне улица Клемента Готвальда), недалеко от военного учили-

ща... Я спал в холле, Марин в своей комнате, а один служащий из министерства — в кухне. Этот служащий утром обычно уходил первым. Рано он ушел и в то утро, но сразу же вернулся и сказал, что вокруг все блокировано войсками и полицией, каждого, кто выходит из дому, заставляют вернуться обратно.

Началась очередная блокада, облавы и обыски.

Нельзя было терять ни мгновения. Сначала мы было бросились на чердак, но и там было небезопасно. Все громче топот кованых сапог, слышались отрывистые команды. Казалось, что выхода нет... Из окна кухни я увидел двух агентов и одного полицейского в форме. Они входили в дом!

Марин в этот момент вышел к соседям по этажу, и в квартире остались только я и служащий министерства. У наших дверей уже слышались голоса полицейских.

Я быстро вышел из кухни в прихожую и, открыв окно, выходившее во внутренний двор, прыгнул вниз.

Установив подлинность документов Марина и служащего министерства, полицейские продолжили свою проверку в других квартирах дома. Через черный ход я незаметно вернулся к себе.

Многих наших товарищей арестовали во время этой облавы, некоторые погибли в перестрелке с полицией. А меня спасла счастливая случайность.

4

В штабе зоны знали, что в Кюстендилском уезде имеются две-три малочисленные подпольные группы, которые действуют разобщенно. Прежде всего следовало установить связь с ними, познакомиться с их деятельностью и объединить их усилия. Но это оказалось не так-то легко сделать. Человек, направленный нами для связи, под нажимом своих близких, введенных в заблуждение фашистской пропагандой, еще в Пернике решил легализоваться. Его сразу же арестовали и отправили в концентрационный лагерь. И только некоторое время спустя нам удалось связаться с кюстендилскими товарищами. В этом заслуга Саши Стоянова (сейчас он известный театральный режиссер).

За сравнительно короткий срок — с середины мая до октября 1943 года — наш штаб сумел объединить усилия

почти всех боевых частей Народно-освободительной повстанческой армии, действовавших на территории зоны. С ними мы поддерживали постоянную связь, активно содействовали увеличению численного состава партизанских отрядов, повышению качества боевой подготовки, улучшению вооружения. Штаб координировал совместные действия партизанских частей и руководил не только планированием операций, но и их проведением.

Члены штаба принимали непосредственное участие в боевых действиях отрядов. В штаб зоны регулярно прибывали партизанские курьеры с донесениями. С ними мы отправляли в отряды указания и инструкции. Каждая крупная операция проводилась только с разрешения штаба зоны. Без утверждения штаба не мог быть приведен в исполнение ни один смертный приговор. Разумеется, исключения, вызванные обстоятельствами, бывали, но я здесь говорю о принципе.

Указания, которые увозили с собой партизанские курьеры, в известном смысле носили отрывочный характер; чаще всего они касались только отдельных сторон жизни того или иного отряда. Вот почему еще с первых дней существования штаба возникла необходимость в каком-то общем документе, руководствуясь которым отряды могли бы развертывать боевую и политическую деятельность.

В мае 1943 года Эмил Марков (идея принадлежала ему), Лев Главинчев и я за три дня разработали Боевую инструкцию для партизан и Общие указания по боевой подготовке, которые были разосланы во все отряды.

Коротко остановлюсь на некоторых основных положениях разработанных нами документов. Прежде всего не следует забывать о том, в какой период они разрабатывались — май 1943 года. В дальнейшем революционная практика вынудила нас исключить некоторые положения, а другие уточнить. Но основные принципы нашли подтверждение в ходе борьбы. Говорю об этом не потому, что участвовал в разработке этих документов. Они, как и остальные партийные документы, создавались на основании богатого и поучительного опыта партии большевиков, на основании нашего собственного революционного опыта. Честь их создания целиком принадлежит коллективному разуму партии.

Железная дисциплина, высокая сознательность, нравственная чистота, святое соблюдение партийного принци-

па демократического централизма — на основе именно этих принципов мы создали и Боевую инструкцию, и Общие указания по боевой подготовке. Поэтому и сейчас мы их оцениваем не только как правила тактической грамотности, но и как политические документы партии.

Что же касается тактики, то ее основные положения определялись нашими революционными принципами: наступательность, готовность к самопожертвованию, глубокая и постоянная связь с народом, умелое сочетание организационно-политической и боевой деятельности партии. В этих документах особо подчеркивалось значение разведки и инициативы в бою («Руководить — значит предвидеть!»), внезапности и решительности действий («Нет невыполнимых задач»), постоянной активности («Лучше ошибочно действовать, чем безошибочно бездействовать!») и т. д.

Когда эти основные принципы нарушались или ими пренебрегали, мы терпели неудачи. Возьмем, к примеру, неудачную операцию чавдарцев в Макоцевском туннеле. Впоследствии товарищи признали самым серьезным недостатком слабую разведку: они не приняли во внимание то обстоятельство, что придется взбираться по крутому, осыпающемуся склону, где невозможно передвигаться бесшумно. Кроме того, в ходе операции руководители оставались в основном в роли наблюдателей, вместо того чтобы повести в атаку отдельные группы. В решительный момент командир отряда (затем его сменили), встревоженный беспорядочной стрельбой противника, отдал приказ об отступлении... Если и ныне мы можем с той же уверенностью утверждать, что даже и эта неудачная операция сыграла какую-то положительную роль, если мы всегда быстро вставали на ноги даже после самых тяжелых ударов, то этим мы обязаны только нашей непримиримости к собственным слабостям.

Уже в первых документах штаба зоны уделялось специальное внимание моральной подготовке бойцов. Доблесть, сознательная дисциплина, высокая нравственность, самоотверженность — вот неотъемлемые черты нашего морального кодекса. Помню, как на третьей конференции партизан отряда «Чавдар» обсуждался вопрос о том, что кто-то из партизан попытался злоупотребить доверием и гостеприимством одной из преданных нам помощниц. И многие из нас потребовали для него самого сурового

наказания — расстрела — за то, что он запятнал честь партизана. Потом он искупил свою вину многими храбрыми и доблестными поступками.

К этому надо добавить самое важное: самая крупная боевая операция оценивалась нами прежде всего с точки зрения ее политического резонанса. Незадолго до начала операции в селе Буново один из местных крестьян совершил предательство. Его поймали. Согласно партизанским законам этого человека ждал смертный приговор. Справедливая кара! Тоне Переновский, тогдашний командир чавдарцев, заставил изменника держать ответ перед общим собранием жителей села и рассказал о его гнусном поступке.

— По нашим законам предательство карается смертью, — сказал он, обращаясь к крестьянам. — Но мы хотим, чтобы вы сами вынесли ему приговор...

— Пощадите его, господин командир! Это же бедняк. У него трое голодных детей! Помилуйте его, мы сами с ним разберемся!.. — такой оказалась воля собрания. А воля народа являлась для нас самым святым законом. Один предатель остался безнаказанным, но чавдарцы навсегда завоевали доверие крестьян села Буново. И не только их...

В заключение отмечу, что оба вышеназванных документа свидетельствуют о том, какое внимание уделяли штабы вопросам, связанным с организацией, подготовкой и выполнением боевых и политических задач партизанскими отрядами. Разумеется, время требовало вносить и кое-какие необходимые изменения в руководящие документы. Мы всегда учитывали эти перемены в условиях жизни и боевой деятельности наших партизанских подразделений.

Наступала зима, и нам следовало серьезно задуматься над тем, где и как ее проведут партизанские отряды.

Мы знали, что враг непременно попытается воспользоваться трудностями, которые зима создает для нас, чтобы разгромить партизанские части. Раньше в это время боевая деятельность обычно замирала; некоторые партизанские части даже расформировывались, и партизаны возвращались в свои родные места или же к верным помощникам, чтобы там укрыться до весны. А как только наступала весна, они снова собирались вместе в горах... Кое-кто из товарищей намеревался поступить таким же образом и этой зимой.

Но создавшаяся обстановка, общепризнанный политический авторитет партизан, народное доверие к нам и прежде всего крупные победы Красной Армии, приближавшие час и нашего освобождения, потребовали совсем иного решения. Никакого отступления от уже завоеванных позиций! Ни в коем случае не допускать промедления в борьбе!

Чтобы уточнить задачи и выяснить кое-какие моменты, связанные с деятельностью партизанских отрядов в зимний период, в доме одного нашего помощника на улице Луки Кунина (позади нынешнего Дворца пионеров) состоялось совещание штаба зоны под руководством Христо Михайлова, возглавлявшего тогда Главный штаб НОПА. Присутствовали представители окружного комитета партии, Лев Главинчев и я. Христо Михайлов информировал нас о состоянии отрядов и их будущей деятельности.

По мнению Центрального Комитета партии и Главного штаба НОПА и по нашему глубокому убеждению, отряды ни в коем случае нельзя было расформировывать. Нужно было лишь изменить формы и методы действий, чтобы весной вновь развернуть партизанские отряды в более крупные боевые соединения — бригады, дивизии...

Штаб зоны сразу же занялся выполнением этой задачи. Мы встретили полное понимание в отрядах. Несмотря на трудности, в короткий срок, соблюдая правила конспирации, мы создали несколько продовольственных баз, укрытий и землянок, чтобы сохранить партизанские отряды как организованную боевую силу. С наступлением весны они могли начать еще более активную боевую и политическую деятельность. Больше того, даже в суровые зимние месяцы партизаны не бездействовали, а продолжали наносить противнику удары. Иногда им приходилось преодолевать огромные расстояния, идти по ледяной воде, чтобы не оставлять следов, иногда они голодали по нескольку дней, оставались без крова, но воля к борьбе вела их вперед, укрепляла веру в собственные силы. Некоторые отряды зимовали в населенных пунктах, абсолютно ничего не изменив в той тактике, которой они придерживались в летний период. Это стало возможным благодаря огромной помощи и доверию, которые оказывало нашим партизанам население.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Накопленный опыт свидетельствует о том, что необходимо немедленно приступить к созданию широкой сети боевых групп во всех населенных пунктах. Задача этих групп: оказывать всестороннюю помощь партизанским частям, проводить мобилизацию новых бойцов... осуществлять отдельные акты саботажа, диверсионные акты и акты возмездия. Если понадобится, они могут принимать участие в более крупных операциях, помогать партизанским отрядам, батальонам и бригадам в их проведении. Они должны организовать и вести в широком масштабе разведку, своевременно доставлять партизанским частям необходимые сведения о расположении, силах и передвижениях противника, об объектах нападения, фашистских организациях и лицах, подлежащих ликвидации, о настроениях масс и т. п. Они обязаны установить прочные связи друг с другом и с партизанскими отрядами, организовать сбор одежды, обуви и других необходимых для бойцов вещей и продуктов, обеспечивать расквартирование партизан при занятии ими населенных пунктов, а также укрытие и лечение больных и раненых бойцов...»

(Из Директивы штаба 1-й повстанческой оперативной зоны)

1

Когда создавался штаб зоны, во главе боевых групп в Софии стоял Иван Бонев (Витан), который впоследствии стал командиром Шопского отряда, а осенью 1943 года деятельностью этих групп руководил Веселин Георгиев. Первые боевые группы были образованы и действовали уже с самого начала войны. Тогда ими непосредственно занимался специальный отдел ЦК партии и отдел в окружном комитете Софийской партийной организации.

Вначале деятельность боевых групп сводилась к проведению отдельных актов саботажа на предприятиях. Ра-

бочие, члены этих групп, старались все делать как можно медленнее, некачественнее, задерживали выпуск продукции. Вскоре, когда боевые группы стали многочисленнее и накопили опыт, они начали выполнять и более ответственные задания: уничтожали целые объекты, склады и железнодорожные составы с готовой продукцией, предназначенной для гитлеровцев, совершали акты возмездия над врагами народа...

В 1942 году боевая группа, в состав которой входили Славчо Радомирский, Иван Бураджиев, Виолетта Якова, Величко Николов и другие, уничтожила склад зимней одежды, принадлежавший кооперации «Святой Илия». Склад находился в центре столицы, на углу улиц Лавале и Александра Стамболийского. Одежда общей стоимостью 31 миллион левов предназначалась для отправки гитлеровским войскам на советско-германский фронт.

Эта дерзкая операция не на шутку обеспокоила правительственные круги. Да и полиция совершенно ясно понимала, что этот акт отнюдь не случайность, а хорошо организованная и подготовленная операция. Для выявления организаторов саботажа и предотвращения подобных наших операций полиция выделила свои наиболее подготовленные кадры, часть из них обучалась борьбе против саботажа в Германии. Но и они не добились успеха, и, что важнее всего, это их поражение не стало последним.

Один из участников этой операции Славчо Радомирский рассказывал:

«...Мы знали, что история нас осудит и партия когда-нибудь призовет к ответственности, если мы допустим, чтобы болгарская одежда спасала фашистских завоевателей от суровой русской зимы.

Мы встретились, обдумали все и решили, как лучше выполнить намеченную задачу. Прежде всего потребовалось найти достаточное количество взрывчатки и бензина — ведь с помощью одних спичек столько одежды не подожжешь. И когда все уже было подготовлено, 5 сентября в 4 часа 45 минут мы собрались недалеко от складов. Если не считать взрывчатых веществ, мы тогда располагали лишь одним пистолетом без патронов и одним кинжалом... Никакого другого оружия у нас не было. Впрочем, это не так: мы были вооружены в достаточной степени верой, преисполнены решимости вести борьбу, горели ненавистью к врагу.

Двое из наших остались перед воротами и не позволяли никому ни войти внутрь, ни выйти. Они выдавали себя за агентов полиции, явившихся произвести обыск и схватить коммунистов.

Вместе с Иваном Бураджиевым мы сравнительно легко обезвредили охрану складов. Она состояла из трех рабочих, вооруженных карабинами. Им приказали повернуться лицом к стене и не шевелиться... В это время Виолетта Якова и Иван Тодоров уже облили одежду бензином и заложили взрывчатку. Все это они проделали за каких-нибудь 15—20 минут, не больше. Мы стали разыскивать телефон, чтобы перерезать провода, но так их и не обнаружили... Мне поручили поджечь фитиль. В другом конце склада одежда уже загорелась. Но пока зажигал сигарету — а я никогда до этого не курил, — то потерял больше времени, чем было предусмотрено. До меня донеслось завывание сирены пожарной команды... Звук сирены приближался. Ну скорее же, скорее бы задымилась эта чертова сигарета! Хорошо еще, что я имел достаточно времени, чтобы зажечь фитиль...

Товарищи уже покинули помещение, когда разгорелся пожар на другой стороне склада. Зашипел и подожженный мною фитиль. В следующее мгновение я уже мчался по коридору. У выхода мне повстречалось несколько человек. В темноте я их хорошо не рассмотрел, но понял, что это пожарники... Можете себе представить мое положение!

Пожарники ворвались в коридор с криками: «Где здесь краны?!» К счастью, я знал, где находятся краны (в этом здании помещалось ремесленное училище, где я учился), и указал им на одну из запертых дверей, где, конечно, никаких кранов не было. В суматохе, пока они начали высаживать дверь, я успел выскочить во двор и смешаться с толпой...

Это была наша первая операция в центре Софии. Она произвела большое впечатление на жителей города и обошлась без жертв».

В то время, о котором идет речь, за работу боевых групп отвечал секретарь окружного комитета партии Методий Шаторов. Под его руководством началось формирование первых групп, проводились первые ответственные операции. Хочу рассказать об одной из них — о ликвида-

ции опасного провокатора Николы Христова Тодорова (Кутуза).

Методий Шаторов — видный партийный деятель, человек исключительного личного обаяния, обладавший огромным опытом организаторской и конспиративной работы. Он неустанно предупреждал: «Не забывайте об участи первых членов боевых групп! Не забывайте о Христо Никове, Николе Ботушеве, Николе Шопове...» (Их группы были раскрыты еще в начале 1942 года; почти всех казнили; Христо Ников умер еще во время допросов в полиции.)

Шаторов требовал от всех участников боевых групп суровой дисциплины, строгого соблюдения принципов конспирации, выдержки при выполнении боевых заданий... В кратчайший срок боевые группы сумели сменить металлические кастеты, старые кинжалы, негодные пистолеты на настоящее боевое оружие, которое чаще всего добывалось во время проведения боевых операций.

Боевой группе во главе с Виолеттой Яковой поручили ликвидировать опасного провокатора Кутуза. Этот предатель сумел пробраться в высший партийный аппарат. Именно Кутузу мы «обязаны» многими серьезными провалами, которые произошли в Центральном Комитете партии в 1941—1944 годах.

На совещании боевых групп, происходившем на горе Люлин, Виолетта очень настаивала на том, чтобы ликвидацию провокатора поручили ее группе.

«Я хочу, чтобы ликвидировать этого опасного предателя поручили моей группе и лично мне, — заявила она тогда, — потому что я уже приговорена врагами к смерти, и если меня поймают, то, по крайней мере, погибну не зря. Если я буду знать, что ликвидировала такого преступника, то пойду на виселицу или на расстрел с сознанием выполненного долга».

Просьбу Виолетты удовлетворили. 8 января 1943 года в 17 часов 30 минут ее группа ликвидировала Кутуза. Вместе с Виолеттой Яковой в первой паре действовал Станьо Василев. В состав второй пары входили Славчо Радомирский и Величко Николов. С нашей стороны потерь не было. Хочу остановиться на вопросе о провокаторах в рядах нашей партии. Делаю я это не потому, что ищу оправдания провалам, которые нам довелось пережить. Все дело в том, что, несмотря на принятые нами

меры предосторожности, враг сумел, воспользовавшись предательством, нанести нам жестокие удары. Но никогда я не смогу согласиться с утверждениями некоторых людей о том, что в наших рядах предательство было частым явлением. Исторические победы нашей партии, ее прежняя и теперешняя мощь неоспоримо доказывают всю несостоятельность подобных утверждений.

В сущности, провокаторы могли существовать только там, где отсутствовала достаточная бдительность и не соблюдались правила конспирации. А некоторые товарищи, особенно в начальный период борьбы, относились к правилам конспирации, как к излишней обузе.

А с чего начинался чаще всего путь какого-нибудь провокатора? Незачем останавливаться на тех случаях, когда врагу удавалось внедрить в наши ряды своих агентов, — они сравнительно редки, тем более что обычно нам удавалось в короткий срок их разоблачить. Я говорю сейчас не о них, а о тех, кто когда-то состоял в наших рядах и предал своих товарищей. Такое случалось чаще всего в часы наивысших испытаний, когда враг наносил нам жестокие удары, когда без суда уничтожались десятки, сотни коммунистов и комсомольцев. Тогда враги выискивали самых слабых и малодушных, не выдержавших и первых истязаний, и начинали обрабатывать их, пока не удавалось заставить трусов сотрудничать с полицией. И находились слабовольные люди, предпочитавшие достойной смерти самое черное предательство.

Может быть, кое-кто шел на это ради того, чтобы спастись от нечеловеческих истязаний; может быть, кое-кто считал, что это только временный компромисс. Когда этих людей выпускали на свободу, они стыдились признать свое малодушие перед своими товарищами. И молчали, надеясь на то, что им самим удастся скрыть следы своей подлости. Но полиция опутывала их все крепче и крепче, хитро затягивая в расставленные сети... И так продолжалось до тех пор, пока не исчезали все пути к сохранению верности и чести, и эти люди превращались в слепое орудие полиции. Разумеется, были и такие товарищи — причем не один и не два, — которые откровенно признавали первую свою ошибку, по-мужски перенесли вынесенное им суровое наказание и в дальнейшем всей жизнью, а многие даже и своей смертью доказывали, что их трусли-

вый поступок был лишь их минутной слабостью, что они готовы и впредь переносить все испытания борьбы.

К провокаторам мы относились беспощадно. И не только потому, что они наносили огромный вред нашему движению, но и потому, что для нас самым большим преступлением считалось предать своего товарища, изменить идеям, которым присягал по собственной воле.

Величие и силу нашей партии я вижу в том, что даже в те невероятно трудные, полные опасностей годы доверие к людям ценилось превыше всего. Никто не имел права обвинить кого-либо в предательстве, если не располагал неопровержимыми доказательствами. Бывали случаи, когда мы прибегали к временной изоляции отдельных товарищей до выяснения тех или иных сомнительных фактов в их поведении: случалось, что мы проверяли их, но это делалось очень осторожно, чтобы не оскорбить человеческого достоинства. Приведу лишь один пример: случай со ставшим позже известным провокатором Цыпленком, работавшим в ЦК РМС.

Мы давно располагали очень серьезными уликами, свидетельствовавшими о предательстве этого человека. Работавшие с ним товарищи один за другим попадали в западню... (Между прочим, он — первый человек, от которого полиция получила сведения о моей подпольной деятельности.)

И вот однажды, когда после нескольких провалов мы изолировали подозреваемого в предательстве, ко мне пришел Свилен Русев и передал по поручению Йорданки Николовой (Кати), что нужно снова включить Цыпленка в нашу работу, потому что его предательство не доказано. Нам надлежало быть начеку, но не бросать его на произвол судьбы.

Мы со Свиленом долго ломали себе голову. Интуиция подсказывала нам, что в данном случае нет никакой ошибки. Но тогда мы еще не располагали абсолютно достоверными данными, и через несколько дней Свилен назначил Цыпленку встречу через одного нашего товарища. Хорошо, что Цыпленок не явился, — это могло обойтись нам очень дорого. Вероятно, изменник решил, что с ним хотят рассчитаться и скрылся. Наши опасения стали подтверждаться. А после Девятого сентября, когда нашли досье этого агента в полиции и его предательство стало доказанным, он, разумеется, получил по заслугам.

Но права ли все-таки была тогда Катя? Безусловно! Наша организация находилась на нелегальном положении, мы работали в исключительно трудных условиях, и любое проявление недоверия, любое несправедливое обвинение могло нанести нам больше вреда, чем даже провокаторы. Именно поэтому и наши партийные руководители неизменно ставили на первое место доверие к людям, с которыми они работали. Так было даже тогда, когда ради этого приходилось пренебрегать собственной безопасностью. Чаще всего партийные руководители сами брались за проверку фактов, как только возникало подозрение в чьем-то предательстве.

Но вернемся к деятельности боевых групп. В Софии были ликвидированы бывший директор полиции полковник Пантев и бывший военный министр генерал Луков, которые принимали самое активное участие в кровавой расправе над болгарским народом во время Сентябрьского восстания 1923 года, в репрессиях, последовавших после покушения в церкви «Св. Неделя». Но это не единственная причина, обусловившая вынесение им смертного приговора от имени партии. Этих врагов народа следовало ликвидировать еще и потому, что в подготовлявшемся тогда дворцовом перевороте генералу Лукову предназначался пост премьер-министра, а Пантеву — пост министра внутренних дел. А это безусловно привело бы к новым репрессиям, усилению кровавого террора, а также создало бы весьма реальную опасность вовлечения Болгарии в войну против Советского Союза...

В ночь на 13 февраля 1943 года боевая группа Ивана Бураджиева уничтожила генерала Лукова. 3 мая того же года боевая группа, в состав которой входили Величко Николов, Митка Грыбчева, Виолетта Якова, Леон Калаора, Славчо Радомирский и Здравка Кемилева, привела в исполнение смертный приговор над полковником Пантевым.

Дерзкие действия боевых групп в столице вызвали настоящую панику в правительственных фашиствующих кругах, а также и в полиции. Каждая операция, каждый точно нанесенный удар был актом возмездия, суровой карой предателям родины. Больше того, действия боевых групп являлись свидетельством того, что среди антифашистов уже есть достаточно много людей, которые, презирая смерть, готовы на все, чтобы предотвратить нависшую

пад страной третью национальную катастрофу, чтобы завоевать свободу для болгарского народа.

Власти уже пролили много крови и не стеснялись в выборе средств. Террор, новые смертные приговоры, массовые репрессии стали повседневным явлением. Но они не посеяли ни страха, ни паники, а только вызвали решительный отпор.

После убийства полковника Пантева на протяжении двух суток войска и полиция блокировали столицу, чтобы «очистить ее от бандитов, террористов и разбойников». Власти надеялись ликвидировать не только членов боевых групп, но и всех скрывавшихся в Софии партийных и ремсистских деятелей, находившихся на нелегальном положении. Но это не принесло полиции ожидаемых результатов. Народ с любовью относился к тем, кто сражался за его светлое будущее, и оказывал им всяческую помощь.

Всего через несколько дней после проведения блокады операции боевых групп возобновились в более широком масштабе.

Группа Марина Ницова ликвидировала известного полицейского агента и палача Николова. Вместе со своими товарищами Никола Драганов привел в исполнение народный приговор над бывшим социал-демократом ренегатом Сотиром Яневым, которого монархические круги выдвигали на пост министра иностранных дел.

Группе во главе с Сыби Дичевым, проявившим себя смелым бойцом во время гражданской войны в Испании, предстояло уничтожить Кулчо Янакиева, который руководил мероприятиями по созданию помех в приеме передач из Москвы и радиостанции имени Христо Ботева...

Я уже упоминал, что эту операцию, к сожалению, не разработали детально, провели без предварительной подготовки, без одобрения партийного и военного руководства. В результате обе попытки оказались безуспешными, не обошлось и без трагических последствий.

При первой попытке привести в исполнение смертный приговор над предателем полиции удалось схватить наших товарищей Менахема Папо и Донку Ганчовскую. Их приговорили к смертной казни. Менахем Папо был повешен, а Донке Ганчовской, как несовершеннолетней, смертный приговор заменили пожизненным заключением.

В тот момент, когда их схватили, группа охраны во

главе с Николой Драгановым бросилась им на помощь, но полицейские уже окружили весь квартал, посты стояли на каждом углу, отрезав все пути к спасению. Погибли еще четверо и командир группы Никола Драганов. Сначала он успел скрыться в одном из сточных каналов и провел там почти двое суток. На третий день он добрался до одного из открытых колодцев, но выбраться не смог. Мимо колодца проходила какая-то женщина, Никола попросил ее подать ему доску, чтобы с ее помощью вылезти на поверхность. Женщина, то ли испугавшись, то ли польстившись на обещанную награду, объявленную за поимку Драганова, подняла крик... Тотчас прибыли патрулировавшие поблизости полицейские и, поняв, в чем дело, начали стрелять и бросать гранаты в колодец. Никто из полицейских не осмеливался спуститься вниз. Они начали уговаривать Николу Драганова сдаться. Он сделал вид, что готов повиноваться, и тогда принесли лестницу. Никола Драганов вылез из колодца. Увидев, что его окружает кольцо полицейских, он сделал несколько выстрелов из пистолета и спрыгнул в колодец. Понимая всю безнадежность своего положения, последней пулей Драганов покончил с собой.

...В истории боевых групп, действовавших в тот период на территории нашей зоны, есть еще много героических и дерзких операций.

Смертью храбрых погиб Станьо Василев, осуществлявший акты саботажа на предприятиях, которые производили продукцию для нужд Германии. Полиция застала его в одном из домов на улице имени Кирилла и Мефодия, ему пришлось вести тяжелый бой, и только последнюю пулю он приберег для себя.

Расстреляли Дянко Стефанова — вдохновенного борца, истинного патриота и коммуниста. Он работал секретарем окружного комитета РМС в Русе и дважды заочно был приговорен к смертной казни.

Погибли еще многие молодые ребята и девушки, память о которых будет жить вечно.

Власти усилили репрессии. Полиция зверски расправлялась с каждым, кто попал под подозрение. Следует признать, что после неудачной операции против Кулчо Янакиева фашисты сумели нанести серьезный удар по нашим боевым организациям в столице. Но даже и тогда, в те трудные дни, боевые группы не прекратили своего

существования, изменилась лишь тактика их действий. Самым испытанным, проверенным бойцам из боевых групп пришлось уйти в партизанские отряды, так как полиция напала на их след. Но место ушедших заняли десятки новых молодых товарищей, которые хоть и не имели опыта, но были столь же самоотверженны и преданы своему делу, как и их предшественники. Именно в то время, когда фашисты хвастались, что обезглавили боевые группы в Софии, подпольщики ликвидировали нескольких фашистских головорезов. В тот период самые важные операции групп имели целью расстроить экономику страны, которую продажные болгарские правители целиком подчинили интересам фашистской Германии.

2

В сентябре 1943 года перед штабом 1-й повстанческой оперативной зоны встала неотложная задача создать еще более широкую сеть боевых групп на территории зоны, повысить эффективность их действий. Эти группы должны были действовать в крупных городах, постоянно наносить удары по врагу, деморализовывать его...

Боевые группы являлись вооруженной силой партии в организации Отечественного фронта в городах и больших селах. В Софии, несмотря на неимоверные трудности, их численный состав за короткий срок вырос почти вдвое благодаря вступлению в их ряды патриотов, готовых действовать с оружием в руках.

Как и раньше, боевые группы карали предателей, нарушали коммуникации и уничтожали продовольственные склады немецких войск, дезорганизовывали работу их тыла, уничтожали живую силу противника.

Для большей оперативности руководства боевыми группами штаб нашей зоны решил создать в Софии бюро в составе трех человек, сосредоточить боевые группы в трех основных районах во главе с одним из членов бюро, в которое вошли Станко Тодоров (Боян), Иван Бонев (Витан) и Веселин Георгиев. Боевые группы должны были насчитывать от 3 до 5 человек.

Первыми командирами групп в сентябре 1943 года стали Величко Николов (Баджан), Тодор Косерков (Стойчо), Эмма Бозаджиева (Магда), Здравка Кемилева, Ганка Рашева и другие, ранее уже участвовавшие в дея-

тельности боевых групп. С сентября 1943 до марта 1944 года было сформировано 15 групп, распределенных по отдельным районам, и в них состояло 75 бойцов.

Обучение боевых групп правилам стрельбы проводилось на горах Витоша и Люлин, а иногда и в городе. Для этой цели использовались погреба и другие подходящие помещения. Осенью 1943 года на Витоше проводились занятия по стрелковой подготовке под руководством Тодора Косеркова. Бойцы изучали оружие — и то, которым располагали сами, и то, которое имел враг. Боевые группы учились нарушать коммуникации врага, подрывать и поджигать склады и т. д.

Вступая в боевую группу, каждый боец давал партизанскую клятву:

«С гордостью и радостью принимаю звание бойца отряда народно-освободительного движения. Обещаю перед лицом своих товарищей, своего народа и памятью героически погибших бойцов Отечественного фронта, что отдам все свои силы и жизнь борьбе за освобождение родины, против гитлеровских захватчиков, их болгарских прислужников и фашистской тирании.

Обещаю с оружием в руках бороться за осуществление программы Отечественного фронта.

Обещаю, что буду выполнять боевые приказы своих командиров, не выдам тайны, которой враг сможет воспользоваться.

Пусть постигнет меня суровое наказание и позор, если я изменю этой клятве.

Да здравствует Отечественный фронт!

Да здравствует Народно-освободительная повстанческая армия!

Смерть фашизму — свободу народу!»

Боевая группа Асена Иванова Рангелова в тот период считалась одной из самых активных. За очень короткий срок она сумела обучить своих бойцов и обеспечить себя оружием. Ею были ликвидированы в Софии трое высших гитлеровских офицеров. При проведении одной из операций врагу удалось схватить Эмму Бозаджиеву.

Боевая группа во главе с Ганкой Рашевой неоднократно нарушала проводные линии связи немецких войск, размещенных в Софии. К сожалению, и здесь не обошлось

без жертв. Во время одной из операций в перестрелке с полицией Ганка Рашева была убита, а член этой же группы Славка Русева попала в руки полиции. (30 марта 1944 года во время бомбардировки Софии авиацией союзников ей удалось бежать.)

В самом центре столицы боевые группы подожгли три немецких военных склада. Группа, действовавшая в районе Центрального вокзала и состоявшая из железнодорожников, выпустила весь бензин из цистерн в железнодорожном составе, предназначенном для отправки на советско-германский фронт.

Группа Момчо Петкова, действовавшая в квартале Лозенец, сумела поджечь склад с материалами, также предназначавшимися для немецких войск на советско-германском фронте. Эти же товарищи сделали попытку ликвидировать одного из агентов, участвовавшего в аресте Эмила Маркова. Агент был ранен и вскоре покончил жизнь самоубийством.

Станко Тодоров вместе с Дечо Стафановым из отряда «Чавдар» и Георгием Зенгеловым заставили владельца типографии в квартале Коньовица отпечатать воззвание Отечественного фронта к болгарскому народу в связи с бомбардировкой Софии 10 января 1944 года. Та же группа на Ополченской улице обезоружила одного полицейского, а другого, оказавшего сопротивление, уничтожила.

Боевая организация в Софии готовила пополнение для Трынского партизанского отряда и отряда «Чавдар», как, впрочем, и для остальных отрядов, действовавших на территории зоны. С помощью своих бойцов, работавших в больницах, боевая организация снабжала отряды медикаментами и перевязочными материалами. Боевые группы организовывали побег товарищам, арестованным полицией. Приведу один пример. 19 февраля 1944 года при перестрелке с полицией в квартале Лозенец был тяжело ранен и затем схвачен член штаба боевой организации Станко Тодоров. Полицейские, отличившиеся при поимке Станко Тодорова, получили награду по 50 тыс. левов каждый. В этой схватке попала в руки полиции и Пенка Дамянова, подпольщица, член РМС.

Благодаря широким связям, которые поддерживала боевая организация, штабу вскоре стало известно, что Станко Тодоров находится в больнице Красного Креста.

Штаб сразу же предпринял попытку освободить его, но полиция внезапно перевела заключенного в другую больницу. Во время бомбардировки Софии 30 марта 1944 года с помощью одного из членов боевой группы Станко Тодорову удалось бежать. Несмотря на тяжелое состояние здоровья, он сразу же активно включился в борьбу.

24 февраля 1944 года на конспиративной квартире в доме номер 5 по улице Брегалница собрались наши товарищи Иван Крыстев Бонев, Асен Иванов Рангелов и Цветана (партизанский псевдоним — Лиляна). По доносу предателя полиции стало известно об этой квартире, во время заседания полицейские ворвались в дом. Завязалась смертельная схватка. Пал изрешеченный пулями Асен Рангелов, тяжело ранили в голову Цветану, кровь струилась из руки Ивана Бонева... Но выручила хитрость Ивана Бонева, который имел опыт гражданской войны в Испании и многих лет подпольной борьбы. Он отдал приказ изготовить к бою гранаты и также громко стал отсчитывать секунды... Никаких гранат у товарищей не было, но мгновенного замешательства полицейских оказалось достаточно, чтобы прорваться через кольцо окружения. В дальнейшем Тодор Косерков укрыл их от преследования и организовал лечение раненых.

Участившиеся в начале 1944 года разрушительные бомбардировки заставили значительную часть жителей Софии эвакуироваться в провинцию. Это обстоятельство создало серьезные затруднения для деятельности боевых групп. Все более тяжелыми становились будни подпольных партийных и ремсистских работников, участились аресты. Чтобы не подвергать людей излишнему риску, Центральный Комитет партии, Главный штаб НОПА и штаб зоны решили перебросить находящихся на нелегальном положении членов боевых групп и антифашистов, способных вести вооруженную борьбу, в партизанские отряды. Эту задачу возложили на Ивана Бонева и Тодора Косеркова.

Разумеется, как я уже отмечал, боевая организация в столице не прекратила своего существования. Молодые ремсисты и коммунисты, до этого находившиеся на легальном положении, продолжали наносить врагу удары, осуществляя акты саботажа и карая предателей...

Как и прежде, политическая обстановка предопределяла выбор тактики и стратегии нашей борьбы. Крыста-

ну Крыстанову, который являлся партийным руководителем Шопского района, поручили сформировать Шопский партизанский отряд. Наряду с этим его обязали с помощью надежных товарищей создать широкую сеть боевых групп в селах вокруг Софии, а Станко Тодоров занялся созданием боевых групп в селах Панчаревского района.

Во многих случаях боевые группы в селах не только вели разведку, осуществляли акты саботажа и помогали укрывать наших товарищей от преследований полиции, но и сами непосредственно участвовали в боевых операциях партизан. Значительную помощь оказали боевые группы отряду «Чавдар» во время проведения кремиковской операции.

Перед боевыми группами, действовавшими в селах Локорского района, штаб зоны заблаговременно поставил задачи. Секретарь районного комитета партии Димитр Тошков (Захарий) поручил кремиковским коммунистам подробно разведать обстановку, выяснить, где находятся секретные полицейские посты, а также маршруты движения ночных патрулей.

Операция проводилась в ночь на 8 марта 1944 года по строго согласованному между партизанами и боевыми группами плану. Им не понадобилось много времени, чтобы обезвредить охрану, овладеть всеми важнейшими объектами в селе. Более двух с половиной часов наши боевые силы являлись здесь полными хозяевами. Этого времени вполне хватило для проведения намеченной заранее политической и организационной работы. Потом также организованно и в полном порядке вся сводная группа покинула село. Партизаны отходили, провожаемые восторженно настроенным населением. Участники боевых групп вернулись в свои села и утром снова превратились в мирных «благонадежных» крестьян.

Успех кремиковской операции был поистине замечательным. Ведь она была проведена всего в двадцати километрах от столицы, под носом у врага, и явилась неоспоримым свидетельством наступивших перемен в соотношении сил. Кроме того, как я уже отмечал, каждую боевую операцию мы оценивали в зависимости от ее политического резонанса. В занятых селах мы предоставляли народу право самому решать многие вопросы. Жители са-

ми определяли степень возмездия предателям, сами распределяли продукты, сжигали налоговые списки. Без всего этого наши боевые операции потеряли бы смысл.

Подобных примеров весьма результативной совместной деятельности партизан и боевых групп в населенных пунктах на территории 1-й повстанческой оперативной зоны можно привести очень много.

Боевая группа из радомирских сел Извор и Кленовик, насчитывавшая примерно 35 человек, совместно с партизанами провела дерзкую операцию, в результате которой было отобрано оружие у сельской стражи, а крестьянам были розданы ранее реквизированные у них продукты. Другая группа, действовавшая в районе сел Долна-Диканя и Друган, при поддержке партизазанского подразделения совершала нападения на немецких солдат и болгарских полицейских и отбирала у них оружие. Товарищи из села Враня-Стена провели более 15 боевых операций, не потеряв при этом ни одного бойца. Группа из Габров-Дола во главе с Василем Митовым и Василем Стоичковым обеспечила переброску в Трынский отряд более 300 товарищей, не допустив ни единого провала. На основе этой боевой группы был создан Радомирский партизанский отряд. В общем, трудно даже просто перечислить все операции, проведенные боевыми группами только в Софийской зоне...

Считаю обязательным сказать несколько слов и о целях этих наших боевых операций, тем более что и ныне наши враги часто пытаются фальсифицировать события этого периода истории партии. Авантюризм и индивидуальный террор были всегда чужды настоящим коммунистам и революционерам. Они остались чужды и нашим боевым группам, и ни в одном случае их действия не были продиктованы мотивами личной мести. Революционное насилие не имеет ничего общего с авантюризмом и индивидуальным террором. Все наши действия являлись лишь частью общей политической борьбы, нас вынудили поступать так действия самого врага. Могли ли мы оставаться безучастными, когда фашисты истребляли без суда тысячи защитников свободы народа, могли ли мы оставить без возмездия бесчинства, террор, предательство национальных интересов? Нет, все наши операции и боевые действия являлись справедливым, единственно возможным ответом народа на фашистский террор.

В подобные предельно напряженные мгновения лжегуманность неизменно означала ни больше и ни меньше, как предательство классовых интересов. Всем хорошо известно: наша партия ушла в подполье не по доброй воле. Это произошло только тогда, когда монархофашистская власть отняла у нас все средства ведения легальной борьбы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

«С октября Отечественный фронт сосредоточил все свое внимание на пропаганде среди командных кадров, перешел к более законспирированным формам проведения подпольной работы в армии. Военное руководство Отечественного фронта освоило (с ноября 1943 года) новые формы и весьма опасные методы работы в войсках — активисты уже не сводятся в подпольные группы, легко разоблачаемые войсковой контрразведкой. Ими руководят специальные отделы при областном руководстве».

«...Достаточно наказать одного-двух разоблаченных подпольщиков, чтобы у избежавших разоблачения отбить охоту впредь заниматься подпольной работой в войсках».

«Солдаты — коммунисты и ремсисты не поддаются воспитанию. Их нужно увольнять с действительной службы и направлять в трудовые команды».

«Рекомендуется собирать сведения о солдатах и ограничивать их связи с посторонними лицами, негласно просматривать получаемые солдатами письма, вскрывать посылки».

(Из разведывательного донесения штаба армии)

1

Создание стройной, активно действующей подпольной организации в войсковых подразделениях и гарнизонах на территории зоны являлось третьим главным направлением в работе нашего штаба.

В 1941—1942 годах первыми подпольными организациями в армии руководил непосредственно окружной комитет партии, а лично за эту работу отвечал испытанный

коммунист и партийный работник Стефан Досев. К сожалению, его арестовали еще во время происшедших в 1942 году провалов. Но, несмотря на нечеловеческие пытки, которым его подвергли, военной контрразведке и полиции так и не удалось ничего выведать. Стефана Досева расстреляли в подвале гарнизонного полигона.

Об этом человеке можно рассказать много. Я же хочу привести здесь лишь несколько строк из его предсмертного письма. Мне кажется, что они не нуждаются ни в комментариях, ни в дополнительных разъяснениях.

«Товарищи!

Я твердо верю, что это последняя битва. Жертвы, которые приносят рабочие, не пройдут даром, победа будет на их стороне. Память о погибших навсегда сохранится в сердцах молодежи, которая придет вам на смену.

Прощайте, мои братья. Мне очень хочется быть вместе с вами, жить и работать. Но священная борьба не обходится без жертв, без разлук.

Так расстаемся и мы.

Стефан».

Мы расстались с еще одним прекрасным товарищем, но, как и прежде, даже самые тяжелые жертвы не могли заставить нас отказаться от борьбы, не могли остановить исторический ход событий. Самые коварные и жестокие удары врага мы расценивали как горький урок, как призыв к еще более активным действиям!

И в самом деле, едва угасла молодая жизнь Стефана Досева, еще не заглохло эхо выстрелов на полигоне, когда мы начали восстанавливать связи с войсковыми подразделениями Софийского гарнизона и создавать новые подпольные организации.

По указанию Главного штаба НОПА мы создали специальный руководящий орган, который возглавил работу подпольных организаций в армии. Он подчинялся штабу зоны и через меня, начальника штаба, поддерживал прямые и постоянные связи с нами.

Пока не был сформирован штаб зоны, руководством подпольными организациями в армии занимался я, а впоследствии эту работу вел опытный коммунист Асен Кажаров-Чаракчиев.

«...Летом 1942 года мне сообщили, что меня переводят на партийную работу, — вспоминает о днях нашей совместной деятельности одна из моих тогдашних сотрудниц.— На указанной мне явке в доме на улице Пенчо Славейкова я впервые встретилась со Здравко Георгиевым. Он сказал мне, что теперь я буду работать в военной организации партии и поддерживать связь с отдельными группами в армии. Он передал мне пароли...»

А я даже забыл название улицы и... Стерлись из памяти и другие подробности. Помню только то, о чем мы говорили тогда. Помню еще лица голодных людей. Для них война шла где-то очень, очень далеко, и все их счастье в те трудные времена сводилось к желанию быть сытыми и хорошо одетыми. А может быть, я несправедлив к ним? Возможно, люди, наблюдавшие со стороны, и о нас думали то же самое. Ну как мог бы кто-нибудь догадаться, что внимательный «кавалер» разговаривает с «дамой» вовсе не о летних жарких днях, не о молодости и суете жизни?..

Словно пытаясь внушить это и самому себе, я повторял девушке, что после большого провала, происшедшего в нашей подпольной организации в армии, необходимо быть особенно осторожным. Это, разумеется, ни в коем случае не означало быть пассивным... Наша задача состояла в том, чтобы заново создать организацию, изучить людей в воинских частях и поддерживать с ними постоянную связь. Все нужно было сделать быстро, несмотря на возникшие новые трудности, несмотря на самые крутые карательные меры, принимаемые военной контрразведкой.

Я изложил также указания штаба зоны по организационным вопросам работы в армии. В каждой войсковой части следовало найти ответственного товарища, и тот со своей стороны, строжайшим образом соблюдая правила конспирации, должен отыскать преданных людей и включить их в работу партийной группы. Пока группа не окрепнет, с каждым человеком следовало поддерживать связь отдельно. Созданная группа должна была действовать осторожно, разъясняя солдатам линию партии и смысл политических событий...

И я еще раз повторил: всегда и везде — строжайшая конспирация.

«...Первой воинской частью, с которой я установила связь, стала инженерная мастерская, где работал наш человек, унтер-офицер Атанас Хаджиянчев, — продолжала свой рассказ моя бывшая сотрудница. — В соответствии с предварительной договоренностью я позвонила ему по телефону. Первая наша встреча состоялась у ворот инженерной мастерской. На второй встрече Хаджиянчев рассказал мне, что в части, где он служит, есть еще несколько коммунистов и что с ними он поддерживает постоянный контакт. Со своей стороны, я передала ему указания штаба зоны.

Во время наших последующих встреч я информировала Атанаса о событиях на советско-германском фронте, приносила газету «Работническо дело» и отдельные воззвания партии. Как-то он передал мне пистолет, патроны и ручные гранаты. Все это я доставила Здравко Георгиеву.

Однажды Хаджиянчев настоял на том, чтобы мы провели собрание партийной группы части. Сначала я воспротивилась, так как имела указание не встречаться ни с кем, кроме Атанаса. Но он меня убедил в том, что это поднимет дух товарищей и укрепит их группу.

Встреча состоялась в инженерной мастерской. Хаджиянчев устроил так, что на посту находился наш товарищ. Он встретил меня у ворот и проводил в помещение, где нас уже ждали остальные солдаты, члены группы.

Я информировала их о текущих событиях, прочитала несколько статей из газеты «Работническо дело» и ответила на заданные мне вопросы. Мы обсудили работу группы, наметили ближайшие задачи.

От Хаджиянчева я получала имена и явки для встреч с товарищами из других воинских частей. Но сейчас уже не могу вспомнить всего...»

А вот что рассказал Асен Кажаров-Чаракчиев:

«...В конце октября 1943 года я работал в городском комитете партии в Софии и ведал делами партийных организаций одного из подрайонов Центрального района столицы. Мне неожиданно объявили решение о назначении председателем бюро штаба 1-й повстанческой оперативной зоны по работе в воинских частях, дислоцировавшихся в Софийской области. Это решение было основано на явном недоразумении: кто-то рассказал товарищам из Центрального Комитета партии, что я — офицер запаса,

а ведь на самом деле мне довелось служить простым солдатом строительного батальона. Однако изменить решение было уже нельзя.

Представителем штаба зоны, непосредственно руководившим нами, был Здравко Георгиев.

Первоочередная задача в тот момент заключалась в том, чтобы в кратчайший срок перестроить нашу работу в воинских частях, вести ее под лозунгами Отечественного фронта, привлечь к борьбе всех патриотов и антифашистов независимо от партийной принадлежности...»

С этого мы и начали. Связь с нашими организациями в воинских частях софийского гарнизона осуществляли члены бюро, созданного при штабе зоны, а работой в более отдаленных гарнизонах — в Пернике, Драгомане, Дупнице, Сливнице и других — руководил Асен Кажаров-Чаракчиев. По соображениям конспирации члены бюро при штабе зоны поддерживали связь с организациями не лично, а через своих помощников-инструкторов. Это были преимущественно девушки, которым было легче устанавливать и поддерживать связи с нашими товарищами и единомышленниками в казармах, не вызывая при этом подозрений.

К работе в армии — ответственной и рискованной — привлекались коммунисты и ремсисты, до конца преданные делу партии. Но смелость и бесстрашие были бы здесь недостаточны, требовались и сообразительность, и хладнокровие, и самоотверженность. Многие из них относились к постоянному риску с изумительным спокойствием и готовностью. Я не перечисляю их имена, потому что список был бы чересчур длинным. А не хотелось бы никого пропустить. Каждый был по-своему героем. В конце этой главы я еще попытаюсь коротко рассказать вам только о тех, кого знал ближе.

2

Каковы же конкретные задачи, которые мы ставили тогда перед подпольными организациями в армии?

Во-первых, организовать в подпольные группы, преимущественно тройки, всех коммунистов и ремсистов, всех антифашистов и патриотов, находившихся в то время на военной службе.

Во-вторых, систематически вести политическую разъяснительную работу среди военнослужащих в духе идей Отечественного фронта. Солдаты должны сознательно саботировать приказания фашистских властей и по возможности помогать в проведении мероприятий партии и Отечественного фронта. Нужно было объяснить солдатам, как вести себя при встрече с партизанами, как в подходящий момент перейти на их сторону.

В-третьих, организовать и систематически вести разведывательную деятельность. Собирать и передавать в штаб зоны сведения о складах оружия и боеприпасов — объектах нападения наших боевых групп и партизанских отрядов, сведения о дислокации гитлеровских и болгарских войск, полицейских и жандармских подразделений, а также о предстоящих их действиях против партизан. Важно было получить сведения о прогрессивно настроенных офицерах и унтер-офицерах. (Этим вопросом специально интересовался Главный штаб НОПА.)

В-четвертых, постоянно изыскивать возможности для снабжения партизанских отрядов и боевых групп оружием и боеприпасами; упорно работать над тем, чтобы отдельные военнослужащие и целые подразделения в подходящий момент и при благоприятных условиях переходили на сторону Народно-освободительной повстанческой армии.

Политико-разъяснительная работа среди военнослужащих проводилась и в устной форме, и с помощью распространения печатной литературы. Но в 1943—1944 годах штаб зоны и окружной комитет партии не имели возможности обеспечить постоянный выпуск печатных изданий в нужном количестве. А тогда особенно важно было своевременно освещать ход событий на советско-германском фронте, рассказывать о победах Красной Армии, а также правду о внутриполитической обстановке. Такую информацию военнослужащим было получить труднее, чем другим гражданам страны.

Разрушительные бомбардировки Софии в начале 1944 года создали для нас дополнительные трудности. Но задача была неотложной. Руководству подпольными организациями в армии приходилось своими силами и сред-

ствами обеспечивать себя необходимыми пропагандистскими материалами.

В январе 1944 года в нескольких тысячах экземпляров было отпечатано воззвание к солдатам и офицерам армии. Мы сумели сделать это благодаря помощи партийной и ремсистской групп типографии «Графист».

Воззвание было распространено во всех воинских частях софийского гарнизона. Руководство подпольных организаций в армии получило по этому поводу поздравление от штаба зоны и Главного штаба НОПА, который участвовал в разработке текста воззвания.

Окрыленные первым успехом, товарищи подготовили и организовали выпуск новых печатных изданий.

Остановлюсь более подробно лишь на одном из них. Воззвание, озаглавленное «Что должен знать и делать каждый солдат», было написано в форме приказа. Пункт первый, например, гласил: «Ты дал присягу верно служить отечеству, а не гитлеровской Германии и ее марионеткам — нынешним продажным правителям Болгарии...» Далее говорилось: «Будь готов в любой момент пожертвовать жизнью во имя спасения отечества! Получишь ли приказ или сам примешь какое-то решение, действуй быстро и смело! Победа будет за нами, потому что цель наша святая — освободить отечество».

Организационная и пропагандистская деятельность, которую развернули подпольные организации в армии, несомненно, сказалась на настроениях солдат, вызвала смятение в высших офицерских кругах.

Несмотря на репрессии, несмотря на крутые меры военной контрразведки, каждый день в армии рождались все новые и новые подпольные организации и все более плодотворной становилась их деятельность. Об этом свидетельствуют и разведывательные донесения штаба армии:

«Коммунистические проявления в войсках все еще представляют собой единичные и изолированные факты, то есть это дело солдат-одиночек или малочисленных групп в некоторых частях» (дальше высказываются догадки, что это, возможно, продиктовано тактическими соображениями. — *З. Г.*).

«...Для успеха и безопасности в работе солдаты-коммунисты стремятся проявить себя самыми послушными, самыми примерными и дисциплинированными воинами и

заслужить доверие у своих начальников и товарищей... Они стараются устроиться каптенармусами, связными в штабах, при командирах или работать в оружейных мастерских, чтобы потом снабжать партизан оружием, одеждой и давать им нужную информацию».

«Возможно, коммунистическая опасность в казарме значительно более реальна, чем мы предполагаем...»

«Партизанский отдел при центральном руководстве БКП (надо понимать — Главный штаб НОПА. — *З. Г.*) принял новый метод работы в воинских частях. Поэтому намечалось начать объединение единомышленников в небольшие группы.

...Стремление завоевать доверие офицерского состава становится все более настойчивым».

В одном из донесений сообщалось, что активисты Отечественного фронта в письмах офицерам и солдатам пишут о том, что в 1-м и 6-м пехотных полках раскрыты подпольные организации, арестовано около 20 молодых солдат.

«...В истекшем 1943 году верховное руководство Отечественного фронта пыталось с редкой гибкостью проникнуть в ряды войск, чтобы большевизировать их и превратить в инструмент коммунистической революции в Болгарии. Эти поползновения проявлялись в строгой зависимости от хода войны, главным образом на русском фронте...

Военное руководство Отечественного фронта (читай: Главный штаб. — *З. Г.*) освоило (с ноября 1943 года) один новый и крайне опасный метод работы в войсках — активисты в войсках уже не объединяются в законспирированные группы, легко попадающие в сети контрразведки. Ими руководят специальные отделы через областные организации, которые связаны с активистами непосредственно и персонально и ставят им определенные задачи...

К большому сожалению, вследствие этой опасной и преступной деятельности в декабре имел место случай измены со стороны офицера подпоручика Дичо Петрова Такова...

Этот симптоматичный факт свидетельствует о том, что командным кадрам в войсках угрожает серьезная опасность...»

Далее в том же донесении говорится, что Болгарская коммунистическая партия поставила перед комитетами Отечественного фронта в казармах следующие задачи: улучшить пропагандистскую работу по распространению идей Отечественного фронта среди прибывших в части новобранцев, поддерживать борьбу солдат за улучшение питания и обмундирования, за предоставление отпусков; вести агитацию за возвращение войск из оккупированных областей, против хозяйничанья немцев в нашей стране; готовить командные кадры и солдатские массы к переходу в определенный момент к всенародной антифашистской борьбе за изгнание гитлеровцев с болгарской земли.

Признания врага, как мне кажется, не нуждаются в дополнительных комментариях.

Работа партии в войсках была поистине огромной. И именно благодаря этому создались реальные предпосылки для развертывания массовой вооруженной борьбы по всей стране. И если во время решительного штурма монархофашистской диктатуры армия выступала на стороне народа, то это в значительной степени объясняется упорной и самоотверженной работой, беспредельной смелостью товарищей из наших подпольных организаций в армии, не допустивших того, чтобы братья сражались друг против друга.

Но вернемся снова к конкретным фактам.

Наша подпольная организация в инженерной мастерской, руководимая унтер-офицером Атанасом Хаджиянчевым, являлась одной из самых активных. Весной 1943 года ко мне пришла девушка, поддерживавшая связь с Хаджиянчевым, и доложила, что в его родном селе произошел провал. Во время допросов кто-то из товарищей не выдержал и среди других назвал его имя. Полиция, видимо, тотчас же сообщила об этом командованию мастерских. Командир части вызвал Хаджиянчева, разговаривал с ним и предупредил его... Мы имели все основания опасаться самого худшего...

Я попросил девушку устроить мне встречу с Хаджиянчевым. Нужно было как можно скорее организовать его побег.

Через несколько дней — сейчас уже не помню точно где — состоялась наша встреча, и мы разработали конкретный план. Вместе с Хаджиянчевым предстояло уйти в горы и другим товарищам, но при этом, разумеется,

подпольная организация в мастерских не прекращала своего существования. Мы решили, что Атанас и его товарищи отправятся в горы на грузовике, нагруженном оружием и боеприпасами. Прежде чем покинуть казарму, они должны были взорвать цистерны с бензином.

С этого момента мы занялись подготовкой самой операции, в этом принял участие почти весь аппарат штаба. Лев Главинчев подробно объяснил, как закладывать взрывчатку под цистерны. Непосредственными исполнителями были Атанас Хаджиянчев, Бончо Радованов, Цано Вылчев и Василь Костов. Руководил ими начальник штаба отряда «Чавдар» Стоян Хаджипенчев (бай Стоян). Он должен был после взрыва доставить товарищей к тому месту, где их будет ждать подразделение из отряда «Чавдар». Но в группе не нашлось шофера, а нам не хотелось расширять круг людей, посвященных в дело. Тогда один из солдат мастерских, член группы Хаджиянчева, стал обучаться вождению автомашины...

В начале июля мы послали курьера в отряд «Чавдар», чтобы ознакомить товарищей с планом операции и привести в Софию их представителей.

Вечером 8 июня где-то возле рабочей больницы я встретился со Стояном Хаджипенчевым и Стефаном Халачевым (Велко). Сразу же после этого Велко отправился обратно в отряд, чтобы сообщить партизанам, где нужно ждать грузовик с оружием...

Еще несколько дней ушло на то, чтобы уточнить последние подробности. 11 июня около 10 часов вечера я повел бай Стояна на встречу с Атанасом Хаджиянчевым. Бай Стоян и Атанас направились к инженерной мастерской, а я заторопился в Горна-Баню, где в доме Цветаны Велевой меня уже ждал Свилен Русев.

«...В полночь мы начали грузить оружие, — рассказывал мне позже бай Стоян. — В грузовик марки «опель-блиц» нам удалось погрузить почти 10 тысяч патронов, 50 комплектов солдатского обмундирования, четыре легких пулемета, 10 ящиков с гранатами, 50 винтовок системы «Манлихер» и много другого имущества (кожу для подметок, сапожные гвозди и т. п.). Автоматов не оказалось...»

В общем, грузовик оказался заполнен. У ворот мастерских его остановила охрана, но все обошлось без осложнений — водитель оказался знакомым часового. Бай Сто-

ян в военной форме сидел рядом с водителем — он должен был указывать дорогу. Возле Русского памятника их ждал Атанас Хаджиянчев.

Грузовик двинулся по направлению Чурек-Витиня на Ботевградском шоссе. На окраине города к группе присоединилась Санка, сестра Хаджиянчева.

Начал моросить дождь, и дорога стала скользкой. У самого села Долни-Богров, на развилке, грузовик перевернулся.

Дальше ехать не смогли, так как шофер по какой-то причине не сумел завести машину.

Как же быть? Они спрятались в полях между Кремиковцами и Бухово и там дождались темноты. Решили разделиться на две группы. Первая группа, в которую вошли Хаджиянчев, Санка и Бончо Радованов, ночью должна была вернуться в Софию; остальные — отправиться к месту встречи с чавдарцами.

Однако вечером, когда группам предстояло расстаться, состояние Атанаса, который сильно ушибся при аварии машины, ухудшилось. Тогда было принято новое решение: Атанас и водитель останутся еще на одну ночь в поле, а остальные пойдут к вершине Мургаш.

К несчастью, на следующее утро какая-то бабка, заметив наших товарищей, сообщила об этом своему односельчанину... Вскоре появились жандармы.

Оказавшись в окружении врагов, Атанас и водитель долго отстреливались, а потом покончили с собой.

Но обо всем этом я узнал позже. Расставшись с Атанасом Хаджиянчевым и бай Стояном, я кратчайшим путем добрался до квартиры Цветаны Велевой и вместе со Свиленом Русевым поднялся на высотку, откуда София видна как на ладони. Мы стали ждать. Пламя от взорванных цистерн должно было служить нам сигналом.

Миновала полночь — условленное время для начала операции. Прошел час, другой... Ничего. А мы-то со Свиленом уже воображали, как все вокруг посветлеет от взрыва. Нам даже слышалось завывание пожарных сирен, мы представляли себе, какая возникла паника...

Предчувствие недоброго постепенно убивало наши надежды. Мы думали о судьбе своих товарищей. Перед моими глазами возникло красивое и одухотворенное лицо Хаджиянчева. Я помнил его с той нашей встречи, когда сообщил ему решение об уходе в отряд «Чавдар». Тогда

он казался самым счастливым человеком на свете. «Там тебе будет еще труднее, опасностей будет еще больше!» — сказал я ему. А он молчал и улыбался.

Мы со Свиленом молча лежали на холодной траве и ждали. Не хотелось думать о самом худшем.

На следующий день мы узнали о том, что произошло. В тот момент, когда грузовик уже полностью нагрузили, в Софии объявили воздушную тревогу. Выезд из казармы становился подозрительным и опасным. И совсем невозможно стало незаметно пробраться к цистернам. И тогда товарищи решили выполнить только первую часть намеченного задания — вывезти оружие. Если бы они задержались еще немного, то часовые, поставленные до этого Хаджиянчевым, сменились, и тогда выбраться из части было бы почти немыслимо...

Нельзя не сожалеть и не переживать, что так безрезультатно закончилась одна из наиболее хорошо подготовленных операций. Но оказалось, что наши жертвы не напрасны, хотя бы из-за того резонанса, который эта операция имела в Софии и во всей стране, хотя бы из-за того, что все это произошло летом 1943 года, когда масштабы борьбы были более ограничены, когда мы еще очень мало знали о возможностях нашей подпольной организации в армии, когда эхо боевых побед Красной Армии все еще доносилось к нам издалека...

У властей были все основания встревожиться, а у рядовых тружеников сильнее, чем раньше, росла уверенность в близкой победе и желание помогать нам не только сочувствием, но и делом. Поистине, шутка ли, из тщательно охраняемой казармы (войска в ту пору считались самой надежной опорой монархофашистского строя) вывезли целый грузовик с оружием...

Несмотря на усилия властей, правду о том, что был угнан грузовик, утаить от народа не удалось. Весть о дерзкой операции передавалась из уст в уста, при этом, разумеется, каждый добавлял что-то от себя, и в конце концов она приобрела поистине гиперболические масштабы. Длительное время в самых различных кругах повторяли, что все это дело рук какого-то офицера, который... (При выходе с территории мастерских Атанас Хаджиянчев надел офицерский мундир, и, видимо, кто-то заметил его в грузовике.) Другие же, тоже ссылаясь на «совершенно достоверный источник», утверждали, что этот офицер вме-

сте с большой группой солдат перешел на сторону партизан, успев вывезти оружие, которым можно вооружить целый полк...

3

В первые месяцы, когда нам пришлось восстанавливать подпольную организацию в армии, мы временно остерегались контактов со строевыми частями, которые находились под контролем военной контрразведки. Но вскоре нам удалось установить прочную связь сначала с аэродромом Божуриште, а несколько позже и с аэродромом во Враждебне.

«...Связь с аэродромом Божуриште я установил по поручению штаба, — рассказывал мне один из наших сотрудников. — На одной из улиц в Софии я встретился с товарищем, которому предстояло вскоре увольнение в запас, но он уже сумел создать небольшую группу, состоявшую из солдат-ремсистов. Он мне устроил встречу с ними, чтобы я мог передать им задания, поставленные руководством подпольной организации в армии. Через этого товарища несколько позже я установил связь с нашими единомышленниками на аэродроме во Враждебне. А когда в нашу работу включилась Юлия Огнянова, связь с аэродромом во Враждебне поручили ей».

Некоторое время спустя Юлия Огнянова сообщила, что товарищи с аэродрома во Враждебне могут вынести оружие, в том числе и несколько пулеметов. В штабе зоны решили доставить это оружие в Трынский отряд, и я подготовил встречу Юлии Огняновой со Славчо Радомирским из этого отряда.

Они должны были встретиться где-то возле сахарного завода. Но Юлия, уже не припомню по какой причине, не сумела вовремя прийти, и пришлось организовать им вторую встречу.

В этот же период нам удалось установить связь с 1-м и 6-м пехотными полками. Помог нам один фельдфебель — курсант специальной школы. Как его звали, я не помню. (Эти забытые имена не дают мне покоя и сейчас, когда пишу свои воспоминания. Никто не должен остаться забытым, и ничто не должно быть забыто, но что же я могу поделать, когда мне приходилось встречаться с десятками

людей. Иногда сразу же после первой встречи наши дороги расходились и уже никогда больше не пересекались. Да и правила конспирации обязывали нас не расспрашивать о ненужных подробностях. Все мы являлись коммунистами — борцами за народную свободу.)

Борьба разрасталась, множились наши подпольные организации в армии, и товарищи, с которыми мы работали, были уже не в состоянии охватить деятельность всех групп, действовавших в войсках, и нужно было пополнить наши ряды.

Для работы в школе офицеров запаса выделили Невену Драгиеву, ставшую позже моей женой. Невена Драгиева первая установила связь с товарищами из этой школы. Позже Невену перебросили на другую работу, и ее место заняла Юлия Огнянова. И фактически именно под ее руководством там была создана подпольная организация. Юлия поддерживала связь с Петром Ангеловым, который руководил самой сильной и наиболее деятельной в то время организацией в войсках.

В нашу деятельность включилась и Аннушка Драгиева. Она сумела установить связь с товарищами из автомобильного полка и с подразделением радиотехнической разведки. Там работали два-три наших товарища, которые своевременно сообщали нам, если фашистскому командованию удавалось запеленговать передачи какой-либо подпольной радиостанции.

За короткий срок мы сумели восстановить прежние и создать новые подпольные организации почти во всех частях софийского гарнизона. Не обошлось, разумеется, и без неудач. С самыми большими трудностями мы столкнулись в инженерном полку... Нам удалось установить связь с одним товарищем, но вскоре, по неизвестным для нас причинам, он оказался на грани провала. Все-таки, прежде чем скрыться, он успел нас предупредить и передать пароль, с помощью которого мы установили связь с другими солдатами. Но наши усилия все же не дали результатов: мы неоднократно направляли туда связных, но все они были арестованы, а затем интернированы.

Пытаюсь вспомнить имена других инструкторов штаба, бюро по руководству работой в армии. Анна Вескова, Никола Карагьозов... О самоотверженной деятельности многих из них я знал, знал хорошо, но лично встречаться с ними мне не доводилось.

Члены бюро обычно отвечали за работу в нескольких воинских частях. Они поддерживали связь с представителями организаций в частях, а те, в свою очередь, вели работу с солдатами. Когда такому товарищу приходилось покинуть часть, то ли из-за увольнения в запас, то ли из-за угрозы провала, он связывал нас с одним из ближайших своих помощников, с которым в дальнейшем мы и продолжали работать. Таким образом, мы имели возможность ограничить масштабы провала в случае предательства или случайного разоблачения.

Но так обстояли дела только в самом начале. Солдаты знали друг друга и нередко, не дожидаясь указаний или призывов, сами создавали ячейки (группы), состоявшие из трех или пяти человек. Эти ячейки собирались, обсуждали злободневные политические вопросы, знакомились с решениями руководства подпольной организации, намечали нужные меры для их выполнения.

Товарищи разъясняли солдатам смысл политических и военных событий. Там, где это было возможно, выносили из казармы оружие для партизан, своевременно сообщали о намерениях своего командования, информировали нас о настроениях среди офицерского состава, передавали списки патриотически настроенных офицеров.

Для такой огромной и многогранной деятельности подпольной организации в армии нам требовалось все больше и больше людей. Поэтому окружной комитет партии и штаб зоны постоянно заботились об отборе кадров для ведения этой работы. Осенью 1943 года под нажимом общественного мнения фашистские власти были вынуждены освободить из концентрационных лагерей некоторых наших товарищей, и подпольная организация в армии пополнилась новыми испытанными и закаленными борцами.

Теперь, когда во всех воинских частях уже действовали подпольные организации, возникла необходимость централизовать руководство ими и координировать их работу.

Как я уже отмечал, по решению штаба зоны в октябре 1943 года было создано бюро по руководству работой в армии. На учредительном собрании кроме будущих членов бюро присутствовал и я как представитель штаба. Участвовал я и во всех последующих собраниях. Только на самое последнее, состоявшееся в начале февраля 1944 года в Павлово, вместо меня пошел Владо Георгиев,

который к тому времени стал уже политкомиссаром 1-й повстанческой оперативной зоны.

Но об этом позже...

На учредительном собрании прежде всего избрали руководителя бюро — Асена Кажарова-Чаранчиева, а затем распределили обязанности между членами бюро. Асен был не только самым старшим по возрасту среди членов бюро, но и имел наибольший революционный опыт. Кроме того, он единственный из членов бюро оставался па легальном положении, и это облегчало ему передвижение по территории зоны. Поэтому ему и поручили работу в воинских частях, дислоцировавшихся вне Софии.

В начале 1944 года из-за участившихся бомбардировок Софии, и особенно после той, которая была 10 января, многие воинские части были переведены за город, и это особенно затрудняло нашу работу в войсках. На какое-то время мы даже потеряли связь с некоторыми частями, многое пришлось начинать заново. Понадобилось прежде всего уточнить, где находятся в данный момент эти части, разыскать наших людей. Многие из инструкторов бюро по работе в армии к этому времени уже находились на нелегальном положении, и каждая поездка за город для них была крайне опасной. Тогда было решено обратиться за помощью к местным людям. Они, став пашими связными, часто наведывались в Софию — то будто бы на рынок, то еще по каким-либо своим делам, — получали от бюро указания и инструкции и передавали их организациям в воинских частях.

Поездки в расположение воинских частей предпринимали и члены бюро. Вспоминается одна такая поездка Анки Весковой в Панчарово, где через ее родных мы сумели восстановить связь с расквартированным там подразделением. Позже Анка ходила и в Горубляне, и в Долни-Богров, и еще в несколько сел, куда были переведены воинские части.

Именно в то время по инициативе бюро по руководству работой в армии на одной из нелегальных квартир мы провели конференцию с нашими товарищами, закончившими школу офицеров запаса. После подробной информации о политическом положении обсудили вопрос о том, куда будут направлять курсантов — членов под-

польной организации. Уточнили также их задачи на новом месте службы. Юлии Огняновой поручили договориться о паролях, с помощью которых они смогут установить там связь с партийными и ремсистскими организациями.

И действительно, вскоре мы восстановили свои связи с товарищами, оставленными на службе в софийском гарнизоне. Именно они помогли нам создать организации там, где их еще не существовало, и активно включились в работу уже действующих.

После создания бюро осенью 1943 года по указанию штаба зоны был создан и так называемый технический центр, на который возлагалась задача печатать воззвания и другие материалы для распространения в казармах.

Нужно сказать, что создание технического центра оказалось нелегким делом: сами понимаете, как трудно было достать пишущую машинку, ротатор, выбрать место для подпольной типографии, тем более что военная контрразведка с особым вниманием следила за нашей деятельностью в армии, стремясь узнать, откуда берутся листовки и т. п. Но товарищи сумели справиться и с этой задачей. Чердачное помещение в своем доме предоставил Жак Моисеев, с которым был знаком инструктор бюро Иван Попвасилев. Асен Кажаров-Чаракчиев нашел ротатор, в короткий срок удалось собрать и большое количество бумаги...

В техническом центре прежде всего напечатали две листовки. Как и следовало ожидать, органы военной контрразведки начали настоящую облаву в поисках тех, кто занимался распространением этих листовок, но она не дала результатов...

Листовки призывали к всенародной борьбе против попыток монархофашистской верхушки вовлечь Болгарию в войну на стороне гитлеровской Германии. В них содержалась и точная информация о военных действиях, о мощных ударах Красной Армии...

После того как распространили и вторую листовку, товарищи начали посылать письма офицерам, адреса которых они получили от наших единомышленников в подразделениях. Последнее письмо они не успели отправить — его обнаружили во время провала.

Провал, как я уже упоминал, произошел в феврале 1944 года. В то время за работу подпольных организа-

ций в армии отвечал Владо Георгиев, и меня не посвящали во все подробности. Сейчас, собирая материалы для этих записок, я снова встретился с Асеном Кажаровым-Чаракчиевым и Эммой Герон.

Как рассказала Эмма Герон, одна из виновниц этого провала, он начался следующим образом.

«...Миша, дочь нашей помощницы Цветаны Велевой, шла по улице с одним из подпольщиков. Их остановили полицейские и потребовали от Миши предъявить удостоверение личности. Она вынула свои документы, протянула их... В этот миг товарищ, сопровождавший ее, потеряв самообладание, выстрелил в полицейских и побежал. У Миши не оставалось иного выхода, как броситься вслед за ним. Они сумели оторваться от своих преследователей, но удостоверение личности Миши осталось в руках полицейских, и им было нетрудно отыскать ее.

И действительно, раньше чем Миша смогла предупредить товарищей о происшедшем и грозящей им опасности, полиция произвела обыск у нее на квартире, на той самой квартире, которую тогда использовал штаб зоны и чаще всего ты, Здравко, и Свилен Русев.

Мишу и ее мать арестовали, а около дома устроили засаду.

Ничего не подозревая об этом, на следующий день или, может быть, через день на квартире Велевых побывала Юлия Огнянова, близкий человек этой семьи. Как только она вышла из дому, за ней последовали агенты. Юлия заметила их, попыталась уйти от слежки, но ей это не удалось. Она вернулась к себе домой и спрятала все материалы, которые могли ее скомпрометировать при обыске.

В тот же день Юлия должна была встретиться с Петром Ангеловым, отвечавшим за руководство работой подпольной организации в школе офицеров запаса. Юлия спешила предупредить его о слежке за собой. Началась бесконечная «игра в прятки» по улицам Софии. Когда ей показалось, что она благополучно ушла от преследователей, другие агенты, которых до того момента она не замечала, арестовали и ее, и Петра. Об этом провале я узнала позже. Мне предстояло встретиться с Николой Кировым, в то время замещавшим Асена Кажарова-Чаракчиева, уехавшего в провинцию, но уже на вторую условленную встречу он не явился. И я поспешила к Юлии Огняновой домой, чтобы через нее восстановить связь. Дом

Юлии находился под наблюдением. Просто чудом я осталась незамеченной. От ее матери я узнала, что у них был обыск, что уже несколько дней Юлия не приходила домой... Хорошо еще, что чистая случайность спасла меня.

Мне пришла в голову мысль, что провал не коснулся нашего технического центра. Так как из членов бюро только я поддерживала связь с Жаком Моисеевым, мне поручили разыскать его. Я направилась к нему домой.

На мой звонок дверь открыл незнакомый мужчина. Поскольку я знала всех родственников Моисеева, мне понадобились лишь секунды, чтобы понять, что я попала в западню... Незнакомец весьма любезно пригласил меня в дом, сказав при этом, что Моисеев ждет меня.

Я резко повернулась, решив бежать. Агент, очевидно, этого не ожидал, и, пока он опомнился, я уже выскочила на улицу, сжимая в руке револьвер. Агент выстрелил мне вслед, я ответила ему выстрелом... Все это произошло на улице Антим средь бела дня. Услышав перестрелку, с соседней улицы Пиротска прибежали люди, среди них и один унтер-офицер. Именно он набросился на меня и повалил на землю.

Так меня арестовали и отвели в полицию».

...Во время допросов в полиции и военной контрразведке Эмма Герон проявила малодушие и выдала Невену и Аннушку Драгиевых — лучших сотрудниц штаба в подпольной организации в армии. Так мы потеряли Аннушку, а Невену приговорили к 15 годам тюремного заключения.

Чтобы до конца выяснить правду о тех трудных и трагических днях, я позволю себе воспользоваться записками Асена Кажарова-Чаракчиева.

«...В последнюю неделю февраля 1944 года, — вспоминает он, — меня послали с партийным поручением в Разложский уезд. На последней встрече товарищи мне сообщили: Славчо (Никола Киров) не явился на условленную явку, есть опасение, что он арестован. Когда я вернулся из поездки 6 или 7 марта, то стало точно известно, что полиция произвела многочисленные аресты. В числе других был арестован и Никола Киров.

Тогда мы решили перейти на нелегальное положение и отдали такое же указание всем нашим товарищам, сменив все прежние явки и пароли.

Однако принятые меры оказались недостаточными... Меня арестовали 9 марта, когда я выходил из типографии «Графист».

Хочу вернуться немного назад, чтобы до конца объяснить некоторые обстоятельства, связанные с происшедшим провалом.

На одном заседании руководства подпольной организации в армии, когда обсуждался вопрос о том, как хранить документы, каким способом зашифровывать адреса, явки и пароли, Никола Киров рассказал нам, каким образом он «шифровал» все в одной обыкновенной книге для чтения, обозначив точками нужные буквы на соответствующих страницах. Шифр Кирова ни в коей мере не был надежным — это стало сразу всем ясно, особенно когда потребовалось зашифровать имена и адреса товарищей, закончивших школу офицеров запаса. Поэтому сразу же после заседания мы приказали Кирову немедленно сменить шифр и даже подсказали, как это сделать.

Не могу с полной уверенностью утверждать, но у меня создалось впечатление, что при аресте Николы Кирова полиция обнаружила книгу, которой он пользовался как шифровальным журналом. Полиция без особого труда сумела дешифровать записи: имена, адреса и т. п.

В дни этого провала полиция напала на след Здравко Георгиева, узнала, что один из наших руководителей имеет псевдоним «бай Димитр» (это был политкомиссар зоны Владо Георгиев). К счастью, вскоре после моего возвращения из провинции (вероятно, с той поры за мной и начали следить) и до моего ареста 9 марта мне не пришлось встречаться ни со Здравко Георгиевым, ни с Владо».

Очевидно, по политическим причинам фашистские власти сочли нецелесообразным вынести дела всех арестованных на один судебный процесс. Наиболее поспешно был назначен и проведен суд над товарищами, работавшими в школе офицеров запаса. По приговору суда был расстрелян Петр Ангелов, руководивший подпольной организацией в школе.

Дело Кажарова-Чаракчиева рассматривалось вместе с делами по обвинению Захария Захариева, Ивана Попвасилева и Луки Варадинова, хотя они не работали вместе.

Суд должен был состояться 28 августа, но из-за неявки свидетелей судебное заседание отменили.

Фашистский военный суд торопился. Красная Армия уже подошла к Дунаю. Встревоженное масштабами нашей деятельности в войсках, командование царской армии проявляло нервозность.

«Действовать быстро и железной рукой!» — подобными словами начинались уже все приказы и указания, тем более что военная контрразведка располагала кое-какими данными о масштабах и методах нашей работы в войсках.

Об этом свидетельствуют и документы контрразведки:

«19.XI с. г. началось разоблачение крупной конспиративной организации в частях столичного гарнизона. Это в значительной степени пролило свет на методы и масштабы деятельности организаций Отечественного фронта в войсках...

Существует Верховный штаб Народной повстанческой армии с тремя отделами: работа в казармах, местные боевые группы и партизанское движение.

Верховному штабу подчинены четыре областных штаба.

Отдел «по работе в казармах» при Софийском областном штабе сумел установить связь с отдельными гарнизонами во Врачанской, Софийской и Горноджумайской (Благоевградской.— *З. Г.*) областях.

В данный момент мы располагаем сведениями только о его связях в софийском гарнизоне...

Для облегчения работы отдел свел части столичного гарнизона в несколько групп (перечисляются части. — *З. Г.*).

...Каждая группа подчиняется одному ответственному лицу, которым часто является обыкновенная девушка...

Только в школе офицеров запаса штабу удалось завербовать более 60 человек...»

Впервые в документах контрразведки мы находим признание, что некоторые участники подпольной организации

вступили в партию уже после зачисления в школу. В документах также указывается, что контрразведывательные органы школы не проявили должной бдительности, так как представитель штаба не раз приходил в школу для встреч с руководителем местной организации.

Мне кажется, нет необходимости отмечать неточности в этом документе контрразведки. Для нас важнее другое: понимая нависшую над ними опасность, фашистские власти всеми средствами стремились вернуть невозвратимое, пытались изолировать войска от влияния партии и Отечественного фронта.

Разумеется, удар, который враг сумел нанести подпольной организации в армии, стал для нас суровым испытанием. Мы потеряли многих закаленных в борьбе товарищей. На какое-то время даже прервались связи с отдельными воинскими частями, и пришлось все начинать сначала. Нет, не все: даже тогда, когда военная контрразведка хвасталась, что коммунистическое влияние в армии окончательно искоренено и в софийском гарнизоне все подпольщики ликвидированы, партия продолжала свою работу в войсках.

Огромное влияние, которым партия пользовалась в солдатских массах, ее неоспоримый авторитет способствовали тому, что очень скоро подпольную организацию в армии удалось восстановить. Она стала еще более сильной, чем прежде. Под ее руководством 9 сентября 1944 года многие воинские части перешли на сторону восставшего народа. На основе отдельных ее ячеек возникли и первые солдатские комитеты, с помощью которых партия окончательно овладела положением в войсках.

Но не будем опережать события. Справедливость требует вернуться к рассказу о тех преданных, самоотверженных молодых коммунистах, которые работали в подпольной организации в армии, вспомнить хотя бы о некоторых из них.

Мой выбор не предопределен степенью героизма этих патриотов, и в этом смысле я не хотел бы умалить достоинство кого-либо еще.

Опять повторяю: рассказываю о тех, кого лучше знал, с кем борьба связывала более долгий срок, кто отдал свою жизнь борьбе. Моих сведений, конечно, мало, чтобы в полной мере рассказать о подвиге этих героев. Но не могу не написать о них.

Я знал Петра Ангелова по его работе в качестве руководителя подпольной организации в школе офицеров запаса. Знал его значительно лучше, чем он меня, потому что в те трудные дни, полные смертельной опасности, мы не имели права многое знать друг о друге, потому что строгое соблюдение правил конспирации ограничивало наши встречи... Но, так или иначе, каждый раз, когда товарищи из бюро по руководству партийной работой в войсках докладывали о выполнении задач, поставленных перед ними штабом, почти всегда они начинали с деятельности подпольной организации в школе офицеров запаса, которой руководил Петр Ангелов...

Те, кто хоть однажды встречался с этим человеком, не могли бы уже его забыть. Вся его жизнь — борьба. Его знали на юридическом факультете университета как одного из самых близких соратников Лиляны Димитровой в революционном движении молодежи, как одного из вожаков студенческой стачки в 1937 году. Молодежь верила в его преданность, в его исключительный организаторский талант. Согласитесь, что этого вполне достаточно для того, чтобы и мы выразили ему наше доверие.

В 1943 году Петр Ангелов был призван в армию. Сначала он служил в Пештере, но несколько месяцев спустя за отличные успехи в боевой подготовке его перевели в школу офицеров запаса. Здесь и начался для Петра путь подпольщика. Его общительность, исключительное личное обаяние, честность, талант руководителя помогли ему за небольшой срок создать одну из самых надежных и многочисленных по составу подпольных организаций в одном из наиболее неприступных ранее опорных бастионов фашистской власти — в школе офицеров запаса.

В конце того же года Петру Ангелову присвоили воинское звание фельдфебеля-курсанта и, как отличника выпуска, оставили в школе обучать курсантов.

При каждой нелегальной встрече с сотрудником бюро, отвечавшим за работу в школе, Петр Ангелов докладывал о привлечении к работе новых и новых курсантов... И так день за днем, до того рокового часа, когда его схватили вместе с Юлией Огняновой.

И сейчас, когда я пишу эти записки, мне захотелось процитировать то, что сказано о Петре Ангелове врагами. Дело в том, что, сколько ни рассказывай о нем, все равно остается то одна, то другая черта его характера, которая

не получает полного освещения. Он умел каким-то удивительным образом оставаться в тени и не подчеркивать своих заслуг. Обратившись к полицейским документам, я понял, что и здесь мои поиски не увенчаются успехом. Приведу лишь один документ:

«Поручик Иордан Грынчаров, командир 5-й штурмовой роты, 5 марта 1944 года допросил Ангелова, вместе с которым привлечены к судебной ответственности Никола Кириллов Николов (гражданское лицо), Юлия Андреева Огнянова (студентка), фельдфебель-курсант Георгий Братоевский, унтер-офицер Андрей Андреев и два солдата 3-го конного полка...

19.II 1944 года в хозяйственной сумке Юлии Огняновой обнаружены пропагандистские материалы, штатные таблицы, данные о численном составе и вооружении охраны аэродромов во Враждебне и Божуриште, школы офицеров запаса, 1-го пехотного полка, артиллерийского подразделения в Симоново и пр.

Огнянову с Ангеловым познакомил Георгий Братоевский.

Ангелов создал широкую сеть в школе — более 20 человек, а по некоторым сведениям — 60 человек, провел совещание, на котором присутствовала и Огнянова.

Петр Ангелов в обвинительном заключении указан шестым как «главный организатор подполья в школе».

Далее читаем:

«...Петр Ангелов при выпуске из школы давал верным ему людям пароли для установления связи с конспиративными организациями по новому месту службы. По прибытии пополнений в школу Петр Ангелов устанавливал с новобранцами контакт и вербовал для работы в организации. Сведения о составе и вооружении подразделений 3-го батальона, дислоцирующегося в Горнэ-Бане, он передавал Юлии Огняновой.

Петр Ангелов родился в селе Кара-Клисе Димотишского уезда, жил в селе Малки-Воден Свиленградского уезда».

Несмотря на зверские истязания, очные ставки, бесконечные допросы, которые агенты и палачи вели посменно, чтобы иметь возможность отдохнуть, полиция больше ничего не смогла узнать о нем. Благодаря мужественному

поведению Петра Ангелова удалось локализовать провал, спасти многих товарищей. Даже после самых тяжелых пыток, истязаний он не терял присутствия духа и не выдал своих товарищей.

Из всех обвиняемых смертный приговор грозил только Петру. Мы понимали, какого отважного и преданного борца можем потерять, и поэтому отдали все силы, использовали все возможности, чтобы не допустить расправы над ним...

Но начальник школы генерал Цанков потребовал для Петра Ангелова смертного приговора... в назидание курсантам и для того, чтобы вернуть себе благосклонное отношение дворца. О благосклонности дворца думал и продажный суд. О собственной жизни думали враги, их ожесточал животный страх перед приближающимся народным возмездием.

Фашисты боялись Петра Ангелова, даже закованного в цепи. 18 июля, еще до того как приговор был утвержден, генерал Цанков отдал приказ вывести «опасного коммуниста», храброго патриота в туннели — стрельбище школы офицеров запаса. Генерал приказал назначить в команду, которая должна была привести приговор в исполнение, молодых курсантов из взвода Петра Ангелова.

Во время казни от страха дрожал не осужденный, а его палачи. Петр Ангелов не позволил завязать себе глаза, он хотел встретить смерть с открытыми глазами. Пусть дрожат враги, это их ожидает позор! ...И когда курсанты, глубоко потрясенные его мужеством, все до единого выстрелили в воздух, Петр твердым голосом крикнул им:

— Ребята, я не учил вас так стрелять! Слушайте мою команду!..

Получилось так, что он сам командовал своим расстрелом.

Об Атанасе Хаджиянчеве я уже упоминал. Самоотверженный, исключительно трудолюбивый и мужественный, он во многом похож на Петра Ангелова. Только теперь мне удалось собрать скудные сведения о его жизни: родился в Якоруде в 1913 году в бедной крестьянской семье. Когда он окончил седьмой класс гимназии, нищета заставила его отправиться в Софию и поступить на работу слесарем в одну из мастерских. С этого момента и нача-

лась революционная деятельность Хаджиянчева. В 1929 году его приняли в ряды РМС.

Отбыв воинскую повинность, Атанас Хаджиянчев по поручению партии добровольно остался на военной службе в инженерных войсках. В это время он стал коммунистом и остался верен партии до последнего вздоха.

Одна из моих сотрудниц по штабу зоны, работавшая непосредственно с Хаджиянчевым, написала о нем:

«Во время встреч с Атанасом Хаджиянчевым мы часто говорили о прочитанных книгах. Он интересовался литературой, философией, проявлял большую любознательность и широкий кругозор. У командования мастерских Атанас прослыл очень хорошим военным специалистом, и поэтому его не увольняли со службы, хотя были сигналы об его антимонархистских настроениях.

...Мне запомнился такой случай. На одну из наших встреч он явился прямо с банкета в инженерной мастерской, нагруженный двумя солдатскими вещевыми мешками, которые доверху были набиты всякими яствами. «Прошу передать все это товарищам, находящимся на нелегальном положении, они же голодают»».

Возможно, именно потому, что он никогда не думал о себе, для него словно и не существовало опасностей. Хаджиянчев стал профессиональным революционером. Для него наша борьба была не просто увлечением, а смыслом всей жизни. Тем, кто мало его знал, трудно было в этом всегда спокойном человеке разгадать искусного конспиратора и опытного борца. Действительно, за самое опасное и рискованное дело он брался с поразительным хладнокровием и спокойствием. Между прочим, именно это всегда придавало смелости его товарищам, внушало им особенную уверенность в успех дела.

...Об Аннушке и Невене Драгиевых мне трудно рассказывать потому, что я их знал особенно близко, и потому, что я навсегда связал свою жизнь с их семьей.

Обе младшие дочери в многодетной семье очень рано вступили на трудный путь борьбы. Невена, отличница 8-го класса 3-й женской гимназии, работала в руководстве общества молодых девушек «Свежая струя», где смело проводила боевую линию РМС. Невену навсегда исключили из гимназии. Ее — отличницу... Но организация в гимна-

зии не осиротела. Ремсистская работа в ней усилилась, окрепли марксистско-ленинские кружки. Во главе организации встала Аннушка Драгиева — младшая сестра Невены.

С тех пор и в БОНСС, и как член руководства сектора РМС в Центральном районе столицы, и как организатор молодежи в Павлово, и как сотрудник военной комиссии Аннушка неизменно оказывалась там, где было труднее и опаснее всего. Когда полиции удалось схватить эту хрупкую девушку, она удивила своих палачей. Несмотря на зверские пытки, она умерла, так и не назвав ни одного имени, ни одной нашей явки, ни одного пароля для связи. И могли ли те, кто остался в живых благодаря ее доблести, не отомстить за нее, за эту девушку-героиню?..

О Невене я расскажу только еще один эпизод. Это также произошло в день разрушительной бомбардировки Софии 30 марта 1944 года. После того как одна из бомб упала во двор полицейской тюрьмы и воздушной волной сорвало с петель двери камер, все арестованные вышли в коридоры. Среди них была и Невена.

Полицейских и агентов не оказалось на месте, и Невена, подхваченная общим потоком, побежала следом за всеми, но вдруг вспомнила об Аннушке. И сразу же повернула обратно. Бегая по коридору, она выкрикивала имя сестры, но никто не ответил ей. А она снова и снова выкрикивала ее имя...

Невена вернулась к открытым дверям тюрьмы. Здесь ей встретился знакомый товарищ, который нес на руках избитую, потерявшую сознание Пенку Дамянову. Невена сразу же забыла о собственном спасении — жизнь товарища была в опасности, требовалась срочная помощь. Невена взяла подругу из рук товарища, сбегала куда-то за водой, склонившись над девушкой, дала ей напиться. У распростертого тела и застали Невену вернувшиеся стражники.

«Есть сведения, что военное руководство Отечественного фронта обдумывает новый план перегруппировки и действий партизанских сил еще в этом году. Судя по всему, будет воспринята идея сосредоточить силы партизан в двух или трех районах, где бы они солидно укрепились и провозгласили новую Болгарскую Народную Республику (пока что это только обсуждается)».

(Из разведывательного донесения штаба армии)

«...Из случайного разговора господин министр внутренних дел и народного здравоохранения понял, что при ликвидации подпольщиков военнослужащие допускают проявления садизма. Какой-то гражданин наткнулся на обнаженные трупы девушек. Они были убиты во рву после того, как закончилось следствие по делу о задержанной группе молодежи (подпольщиков рекомендуется убивать на месте, без суда)...»

«В бою уничтожать партизан беспощадно всех до одного!»

«...Жандармы и полицейские — отличные бойцы, но много пьют и компрометируют жандармерию».

(Из приказов начальника жандармерии)

1

В конце 1943 и в начале 1944 годов напряжение на всех фронтах нарастало не по дням, а по часам. Красная Армия готовилась к решительному штурму, нанося все более сокрушительные удары по фашистским оккупантам. И только болгарская продажная буржуазия, казалось, не понимала, что поражение фашизма неминуемо.

Правительство Добри Божилова, известного своим политическим двуличием, продолжало все так же безоговорочно поддерживать действия гитлеровской Германии.

И с его благословения разбитые под Одессой и в Крыму фашистские армии нашли убежище в наших черноморских портах. Это обстоятельство послужило для Советского правительства поводом направить ноту, в которой оно сурово предупреждало болгарских правителей, что расценивает их действия как акт соучастия.

Напуганное недовольством народа, правительство Божилова усилило террор. Именно в это время оно подготовило и протащило через «народное» собрание так называемый закон о конфискации всего имущества подпольщиков, их помощников и др.

Фашистские элементы в армии все чаще начали открыто призывать к вступлению Болгарии в войну на стороне Германии.

Центральный Комитет Болгарской коммунистической партии обратился с призывом ко всем болгарам подняться на всенародную борьбу. Нашей первоочередной задачей являлось изгнание фашистских войск из Болгарии, а это можно было осуществить только после того, как будет свергнуто скомпрометировавшее себя правительство Божилова и установлена власть Отечественного фронта.

Естественно, эти указания Центрального Комитета партии непосредственно относились и к штабу 1-й повстанческой оперативной зоны. Впрочем, мы и раньше обсуждали способы и средства, с помощью которых можно будет установить власть Отечественного фронта на территории зоны.

В первоначальном составе штаб зоны работал до конца 1943 года, и ему было трудно охватить всю деятельность партизанских отрядов, боевых групп и подпольных организаций в армии. Новый этап борьбы требовал более непосредственного, более оперативного и более гибкого руководства.

Были и другие причины, обусловившие необходимость реорганизации нашего штаба, а также пополнение его состава. Прежде всего, как я уже упоминал, еще в первые дни в бою с полицией погиб Борис Нованский, его место долго оставалось незанятым. Комиссару зоны, являвшемуся одновременно и секретарем окружного комитета партии, в связи с расширением масштабов борьбы пришлось сосредоточить свои усилия только на работе в комитете.

Вот почему по решению Центрального Комитета партии на должности командира и политкомиссара зоны нам

прислали испытанных, обладающих огромным революционным опытом и опытом подпольной работы коммунистов: Владо Тричкова, освобожденного в декабре 1943 года из концлагеря «Крысто Поле», и Владо Георгиева, которому удалось совершить побег из тюрьмы.

Первое заседание штаба в новом составе состоялось в последние дни 1943 года на квартире Александра Пешева. Вел заседание главнокомандующий НОПА Христо Михайлов. Кроме членов штаба зоны на заседании присутствовали Свилен Русев — представитель ЦК РМС и член Главного штаба НОПА, Веселин Георгиев, в то время отвечавший за деятельность боевых групп в зоне, и другие товарищи.

Заседание началось с отчета о проделанной штабом работе, а также о состоянии партизанских отрядов, боевых групп и наших подпольных организаций в армии. После обычного подведения итогов Христо Михайлов поставил перед нами новые задачи. Он усиленно заострял наше внимание на вопросах, связанных с предстоящей мобилизацией членов партии, которая, несомненно, должна будет активизировать действия партизанских отрядов и боевых групп, а также на том, что подпольные организации в армии должны овладеть положением в войсковых подразделениях и в любой момент быть готовыми к решительному штурму. Должен заметить, что речь шла не о добрых пожеланиях, а о конкретных задачах...

Мы уже закончили заседание, когда любезные хозяева пригласили нас обедать. В те голодные дни, когда была введена карточная система, хозяева не пожалели части своего пайка, чтобы угостить нас. И вот тогда произошло нечто такое, что в первый момент смутило всех нас. Без всякого предупреждения Христо Михайлов вынул из кармана кусок колбасы и хлеб, завернутые в бумагу, и не притронулся к угощению, предложенному нам хозяевами.

— Бай Христо, — сказал я, улучив момент, когда мы остались одни, — хозяева обидятся!

— Я никого не хочу обидеть! Дело в том, что в двадцать третьем году у меня на глазах умерло несколько повстанцев, отравленных полицией...

— Но это же наши, проверенные люди!

— Те тоже не были предателями, — ответил он. — Они не подозревали, что полиция подсыпала яд в продукты, которыми они собирались угощать своих товарищей...

Христо Михайлов являлся руководителем крупного масштаба, обладал большим опытом боевой и конспиративной работы. Как офицер запаса, он участвовал в первой мировой войне и стал одним из вожаков Сентябрьского восстания 1923 года в Михайловграде. В последующие годы являлся организатором и руководителем подпольной организации в воинских частях, дислоцировавшихся в Пловдиве. В отношении соблюдения правил конспирации он одинаково строго относился как к себе, так и к другим.

Должен признаться, что я и сейчас не могу понять, как полиции удалось его выследить у подъезда одной из его квартир в квартале Булин Луг. Возможно, это результат предательства, а может быть, случайность...

Такими же опытными руководителями являлись и новые члены штаба 1-й повстанческой оперативной зоны Владо Тричков и Владо Георгиев.

Именно в те решающие моменты нашей борьбы, когда сотни и тысячи коммунистов и ремсистов находились в тюрьмах, концлагерях или же ушли в партизанские отряды, партия располагала достаточным числом испытанных и проверенных руководителей, которые сразу же могли заменить погибших товарищей. Погиб Эмил Марков, погиб Борис Нованский, и на их место встали Владо Тричков и Владо Георгиев.

Разве можно в нескольких словах рассказать о жизни этих выдающихся коммунистов, о которых надо написать проникновенные, достойные их книги? 169 документов в полицейском досье Владо Тричкова, и каждый из них — живое свидетельство несгибаемой воли, мужества, смелости и кристальной чистоты этого борца, коммуниста.

...Перед моими глазами знакомый почерк — четкий и прерывистый. После того как ему вынесли тяжелый приговор, Владо Тричков обратился с письмом к директору тюрьмы в городе Вилин — он протестовал против бесчеловечного обращения надзирателей с арестованными. На другой странице чьим-то чужим почерком, кривым и неровным, словно пишущий испытывал острый приступ страха, кто-то записывал самые обычные данные в графы вопросника полицейского досье:

Имя и фамилия: Владимир Йосифов Тричков.

Родился в 1899 году в городе Трын. Воинскую повинность отбывал в 25-м пехотном полку. Говорит по-немец-

ки. Образование — незаконченное высшее. Телосложение — развитое, лицо — овальное, цвет лица — белый, лоб — высокий, глаза — голубые, нос — крупный, борода — рыжеватая, волосы — каштановые. Арестован 29 апреля 1925 года...

Владо Тричков и сейчас стоит у меня перед глазами таким, каким я увидел его при первой нашей встрече. Из окружного комитета партии сообщили пароль и явку, где мне предстояло встретиться с новым командиром зоны. Дали и краткую характеристику Владо Тричкова: большой знаток военного дела, преданный коммунист, опытный конспиратор...

Владо Тричков явился на встречу точно в назначенное время. В каждом его жесте, в каждом слове проявлялся волевой характер. Он очень внимательно выслушал мой отчет о проделанной штабом работе...

Став командиром зоны, Владо Тричков сразу же отправился в Трынский отряд. Он хотел на месте ознакомиться с положением и оценить все, что сделано отрядом, поставить новые задачи на зимний период, информировать партизан о последних международных событиях и положении в стране. Кроме всего этого ему предстояло от имени Центрального Комитета партии установить связь и провести переговоры с английской военной миссией, прибывшей из Югославии в район действий Трынского отряда (села Кална, Цырна-Трава и другие). О прибытии английской военной миссии сообщил бай Иван (Боян Балгаранов). Свое письмо он передал через югославских партизан, располагавшихся в зоне действий Трынского отряда. Одновременно в Софию прибыл Делчо Симов.

При первой же встрече я уведомил Делчо Симова, что он должен вернуться в отряд вместе с командиром зоны и еще одним товарищем лет шестидесяти (имя этого товарища я ему тогда не сообщил, а сказал только, что хорошо бы подыскать для него какой-нибудь транспорт). Мы договорились, что они отправятся в путь вечером 25 декабря...

Мы встретились около парка Свободы. Моросил дождь. Делчо Симов, увидев Терпешева, встревожился и предложил отложить отъезд до следующего утра. Но Терпешев, с присущими ему энтузиазмом и самоуверенностью, прервал его:

— Ну что это за молодежь, раз какой-то дождик может заставить ее отложить намеченное?..

— Да я не о себе тревожусь. Просто, принимая во внимание местность и условия... — отвечал Делчо Симов. Сам он был молодой и сильный, закаленный во многих испытаниях.

— Раз ты сможешь, смогу и я!

И мы пошли. Где-то в конце улицы Пиротска нас ждал Владо Тричков. Я проводил их до небольшого соснового лесочка, и там мы расстались. Разумеется, Терпешев смог дойти только до села Ресник Брезницкого уезда. На следующий день повалил снег, и он с трудом преодолевал сугробы в поле. Ехать же на лошади было опасно и рискованно. Через несколько дней Терпешев вернулся в Софию...

Владо Тричков прибыл в отряд в канун Нового года. Вскоре после этого в район села Кална пришлось отправиться и мне. Главный штаб НОПА поставил перед Трынским отрядом дополнительные задачи, а кроме всего прочего следовало уточнить кое-какие новые вопросы, связанные с переговорами с английской военной миссией.

Английские представители выразили готовность доставлять оружие, и нам нужно было договориться о том, на каких условиях будет оказана предлагаемая помощь. Миссией тогда руководил майор Дэвис. Позже, когда майора убили, его заменил майор Томпсон, погибший вместе с несколькими своими сотрудниками в мае 1944 года под Батулией. Тогда партизанская бригада под командованием Делчо Знеполского вела бои с многократно превосходящими силами армии, жандармерии и полиции.

Но не об этом сейчас речь. Уже при первых наших контактах англичане (все они являлись кадровыми разведчиками) в общем-то не скрывали своей надменности и чувства превосходства, но все же по достоинству оценили боевой опыт Владо Тричкова. Больше того, они постоянно искали и находили поводы, чтобы засвидетельствовать ему свое уважение.

Здесь мне пришлось узнать совсем другого Владо Тричкова. Когда этого требовали интересы дела, он становился неузнаваемым. Обычно прямой, откровенный и даже резкий человек, при встречах с англичанами Тричков проявлял настоящий дипломатический такт и терпение, умение убеждать своих собеседников — качества, о которых

никто не подозревал. При этом он стойко держался своих взглядов, не допускал никаких уступок, шедших вразрез с партийными принципами.

Оружие было для нас первой необходимостью. Центральный Комитет доверил Тричкову трудную дипломатическую миссию, и он считал своим долгом выполнить ее. Я видел, как он подавляет в себе вспышки гнева, как сдерживается, стараясь не ответить резко, и как улыбается, когда ему так хочется выругаться.

А англичане всячески затягивали переговоры. Они внимательно присматривались к характеру партизанского движения в нашей стране, когда же убедились окончательно, что оно развивается в коммунистическом духе, то начали хитрить.

Чаще всего они ссылались на метеорологические условия, которые якобы мешали их самолетам подняться в воздух с баз в Египте и на Средиземноморье...

Хорошо понимая смысл уверток англичан, Владо Тричков проявил твердость и решительность. В ультимативной форме он заявил, что если мы в самое короткое время не получим оружие, то прекратим переговоры, ибо отряд не может бездействовать в ожидании, когда сбудутся пустые посулы, и добудет оружие в бою. Это заявление произвело должный эффект, и несколько дней спустя английские самолеты доставили нам партию оружия...

Владо Тричков покорял всех, знавших его, неистощимой энергией, своим необычайным умением подбодрить людей в самый трудный момент. Партизанам, выбившимся из сил во время многодневного похода, хватало иногда одного его слова, одного энергичного жеста, одной улыбки, чтобы забыть об усталости, опасностях и трудностях тяжелого пути. И самый скудный ужин, приготовленный им собственноручно, казался несравнимым с царским пиршеством. (Даже придирчивые англичане были в восторге от его кулинарных способностей.) Борьба для него была настоящим праздником. Испытания, самую грозную опасность, лишения — все это он воспринимал как неизбежные явления на пути к большой всенародной победе.

Если бы только не это подлое предательство, подобное удару ножом в спину и совершенное как раз тогда, когда он вырвался из окружения и уже поверил в свое спасение, если бы только не это... Каким-то чудом ему удалось выскользнуть из кровавого кольца окружения под Бату-

лией, и именно тогда его настигло предательство. Но что же делать, если самые смелые, самые сильные, самые доблестные все еще не сумели найти оружия против предательства?.. Разумеется, возмездие неотвратимо, но чаще всего оно приходит слишком поздно.

Единственно, против кого ожесточался Владо Тричков, — это были трусы и те, кто не умел держать своего слова, кто изменил.

Владо Георгиев внешне был полной противоположностью Тричкову, но только внешне! Подобно Тричкову он поражал исключительной эрудицией, и о его работоспособности ходили легенды, он никогда ни на что не жаловался...

«Именно таким, внешне неприметным, немного инертным, на первый взгляд заурядным, человеком, но, в сущности, одаренным недюжинным умом, умением сохранить спокойствие в моменты опасности, он и остался даже на судебном процессе, организованном властями вскоре после того, как закончился процесс по нашему делу. Таким он оставался в течение долгих лет, проведенных за решеткой, и позже, в памятные годы вооруженной антифашистской борьбы, когда судьба снова свела нас, — мы были членами Политбюро партии...» — написала в своих воспоминаниях о Владо Георгиеве товарищ Цола Драгойчева.

Таким же Владо Георгиев появился и у нас, когда его назначили политкомиссаром зоны. Уже с первых дней он установил контакт со всеми нашими боевыми соединениями, начал детально изучать политическую обстановку не только в отрядах, но и в районах их действий. Он всегда давал конкретные, ясные и точные указания, всегда и от всех требовал активной и инициативной работы, которая бы охватывала все больше и больше людей и распространялась на все большую территорию.

Владо Георгиев принимал активное участие в работе подпольной организации в армии. Он руководил заседаниями бюро, а его опыт и революционная прозорливость способствовали тому, чтобы подпольная организация в армии окрепла и превратилась в настоящую боевую силу партии. Сам он всегда умел оставаться в тени, и мало кто знал его по-настоящему.

Владо Георгиев являлся одним из представителей гвардии Благоева и Димитрова. Он вступил в партию в 1917 году, участвовал в первой мировой войне, во время

Владайского восстания 1918 года артиллерист Георгиев бил по врагу прямой наводкой. Потом он поступил на юридический факультет университета и одновременно, чтобы как-то прокормиться, работал сапожником. Его «студенческая сапожная мастерская» в основном выполняла заказы в кредит и быстро потерпела финансовый крах. Владо Георгиеву пришлось уйти из университета и наняться столяром на фабрику «Родопы» в Белово. «Прилежный и стеснительный» молодой рабочий стал организатором стачки.

Потом Сентябрьское восстание. Потом... Когда из-за массового террора и репрессий многие отстранились от борьбы, он стал в Пловдиве одним из руководителей подпольной организации партии в армии. В те трудные дни Владо Георгиев вместе с Добри Сарайдаровым отпечатал воззвание: «Партия жива... Борьба продолжается!» Потом почти десять лет тюрьмы — он стойко перенес жестокие пытки, закалился духом, прошел настоящую школу профессионального революционера. Затем заветная Советская страна, где он стал слушателем Ленинской школы в Москве. Боец Интернациональной бригады в Испании. Снова арест. Снова пытки. И снова тюрьма. В январе 1941 года его избрали членом Политбюро ЦК партии... У нас он появился, когда ему удалось бежать из концентрационного лагеря, находившегося около села Динево Хасковского уезда.

После провала подпольной организации в армии в первые дни марта 1944 года, и особенно после убийства Христо Михайлова, мы стали проявлять исключительную бдительность и усилили конспирацию.

Свой день рождения 10 марта Владо Георгиев провел на конспиративной квартире в доме номер 7 по улице Котел. Повинуясь тревожному чувству, он даже не разделся, не прилег и отдохнуть. В пять часов утра он включил радио, чтобы послушать последние известия, но в этот момент взвод полицейских уже окружил дом.

Это был для него последний и неравный бой...

2

Я уже говорил, что первоочередная и самая ответственная задача, поставленная Центральным Комитетом партии и Главным штабом НОПА перед новым составом

штаба зоны, состояла в том, чтобы в кратчайшие сроки добиться значительной активизации партизанского движения и участия в нем самых широких масс народа. Решительные действия на всех участках борьбы — таким мог быть единственно справедливый ответ на усилившиеся репрессии со стороны фашистских властей. Только таким путем мы могли укрепить политический престиж партии, веру народа в ее силы. Разумеется, все это оказалось не так просто, несмотря на завоеванные победы, несмотря на приобретенный в борьбе политический и военный опыт, несмотря на коренные перемены, наступившие на советско-германском фронте. Ведь речь шла уже о качественно новом этапе движения Сопротивления, когда речь шла не только о завоевании симпатий трудящихся, но и о привлечении их к активному участию в борьбе.

Мы поддерживали тесную связь с окружным комитетом партии, с Главным штабом НОПА, с Центральным комитетом РМС и постоянно получали от них помощь при решении нашей первоочередной задачи — вовлечение широких масс в партизанское движение. Круг наших друзей и помощников все больше ширился, мы вели борьбу за каждого честного человека...

Конечно, самый надежный путь вовлечения широких масс в партизанское движение — мобилизация партийных и ремсистских кадров. В первую очередь, как правило, в партизанские отряды отправляли товарищей, перешедших на нелегальное положение и разыскиваемых полицией. Через местные комитеты партии они устанавливали связь со штабом зоны, и их распределяли по отрядам.

Постепенно мобилизация распространилась на всех коммунистов и ремсистов. Нередко даже больные и пожилые люди, не страшась невзгод партизанской жизни, уходили в горы, чтобы быть полезными нашему делу.

К этому хочется добавить, что десятки, сотни девушек и женщин, воспитанных партией и РМС, не остались безучастными к нашей борьбе. В чрезвычайно тяжелых условиях они действовали наравне с мужчинами — и в качестве рядовых бойцов, и как политические работники, и как командиры.

Сотни людей отозвались на призыв партии и РМС, и уже весной 1944 года партизанские отряды превратились

в бригады, а летом пришлось создать даже первую в нашей стране партизанскую дивизию, сформированную на базе Трынского, Радомирского, Брезницкого отрядов, а также войсковых подразделений, перешедших на нашу сторону, среди которых был и известный батальон Бояна Михнева.

Особенно ценным было пополнение из числа бывших солдат царской армии. Благодаря им не только увеличивался численный состав отрядов, но повышалась их боеспособность и ударная сила. Речь идет о солдатах, сержантах, иногда и офицерах, которые в соответствии со своими убеждениями, восприняв идеи партии, покидали казармы и включались в ряды партизанской Народно-освободительной армии. Сначала это были всего лишь единичные случаи, но с конца 1943 года начался массовый переход на нашу сторону целых воинских подразделений.

В качестве примера можно привести партизанский батальон имени Христо Ботева, действовавший в составе Трынского отряда с конца 1943 года и сформированный из подразделения пограничников, в полном составе перешедшего на нашу сторону во главе со своим командиром подпоручиком Дичо Петровым. Вместе с Трынским партизанским отрядом действовал батальон Бояна Михнева, о котором я уже упоминал. Одним из самых активных партизанских соединений, готовым к любым боевым действиям, стала бригада имени Георгия Димитрова. Ее сформировали на базе перешедшего на нашу сторону пехотного батальона. Командиром этой бригады был подпоручик Атанас Русев, а политкомиссаром — Кирилл Игнатов.

Когда под нажимом гитлеровцев власти в нашей стране начали преследовать евреев, возникла реальная опасность, что многие коммунисты и ремсисты еврейского происхождения попадут в тюрьмы и концлагеря. Мы переправили многих этих товарищей в партизанские отряды и тем самым спасли их от репрессий и издевательств.

Сокрушительные удары Красной Армии по фашистам вдохновляли наш народ, поднимали на борьбу, а партия возглавила народные массы и повела за собой. Ни массовые репрессии, ни преследования властей уже не могли остановить лавину революции. «Повышению боевого духа коммунистов особенно способствовало отступление гер-

манской армии на Восточном фронте...» — признавались руководители полиции.

Весной и летом 1944 года в районе Софии уже действовало несколько тысяч партизан. На территории нашей оперативной зоны кроме партизанских бригад сформировались и новые партизанские отряды. Весной начал действовать Радомирский отряд, и уже летом в нем насчитывалось несколько сот человек. В это же время значительно возросла численность Брезницкого отряда, активизировали свои действия Кюстендилский, Царибродский и Босилеградский отряды. Немного позже сформировался Шопский отряд, действовавший буквально под носом у софийских правителей. Произошло объединение Рилского и Пиринского отрядов...

В дни мобилизации я посетил чавдарцев и побывал в районе действий Трынского отряда. Чавдарцы организовали три приемных пункта для прибывающего пополнения: первый — в лесу над селом Осоица, второй — в районе железнодорожной станции Макоцево, третий — недалеко от села Искрец... Инструкторы и руководители отряда работали без сна и отдыха. Им приходилось бывать то в одном, то в другом пункте Чавдарского района, пропагандируя решения партии, знакомя с ними новых бойцов...

Напряженно трудились и товарищи в Трынском отряде. За один месяц по нелегальным маршрутам из села Кална в отряд было переправлено более 400 новых бойцов, которые, получив оружие, сразу же включались в боевую подготовку. Под вершиной Тумба занятия проводились круглосуточно...

На наших глазах сбывались слова Владо Тричкова:

«Мы встретим боевой праздник трудящихся вместе с сотнями новых партизан...»

3

Весной 1944 года в Центральном Комитете партии и Главном штабе НОПА было решено: чтобы активнее и успешнее руководить боевой деятельностью партизанских соединений, представители штаба зоны и окружных комитетов партии должны находиться на тех территориях, где действуют руководимые ими партизанские отряды.

Для размещения руководящих органов в нашей зоне наиболее подходящим местом был район действий Трынского партизанского отряда, так как в данное время он проявлял бо́льшую активность и закрепился на освобожденной территории, в том числе и в районах, где действовали югославские партизанские подразделения.

И вот в первые дни апреля 1944 года по решению Центрального Комитета партии и Главного штаба НОПА штаб зоны и часть партийного руководства округа обосновались западнее города Трын, в районе сосредоточения сравнительно крупных партизанских сил. Там, в селе Кална, состоялось совещание, сыгравшее очень важную роль, ибо оно определило конкретные направления дальнейших боевых действий на территории 1-й повстанческой оперативной зоны.

В село Кална мы отправились без двух наших самых видных руководителей, и каждый из нас очень глубоко переживал тяжелую утрату: в феврале погиб главнокомандующий НОПА Христо Михайлов; потеряли мы и политкомиссара зоны Владо Георгиева... Выполнять его обязанности поручили Георгию Аврамову...

Обстоятельства заставили нас внести несколько изменений в структуру штаба зоны. Оставшиеся в живых члены штаба в дальнейшем были направлены в партизанские отряды в качестве делегатов (представителей) Главного штаба.

Я тоже отправился в отряд «Чавдар» делегатом Главного штаба. Мне предстояло разъяснить задачи, выдвинутые на совещании в селе Кална, и проследить за их выполнением. Однако оказалось, что принятое решение не совсем правильно, и вскоре практика заставила нас воссоздать штаб зоны, причем, разумеется, пришлось пополнить его новыми людьми.

Но вернемся снова к первым дням апреля 1944 года. Вместе с Бояном Балгарановым, Йорданкой Николовой и еще несколькими товарищами мы остановились в районе горы Люлин, на государственной ферме, директором которой тогда был коммунист Любен Герасимов. Там мы поужинали и глубокой ночью отправились в Перник. Пройдя через весь город еще до рассвета, группа остановилась на околице села Батановцы (ныне Темелково) в доме шахтера, нашего помощника. Туда нас привел

курьер партийной организации в Пернике. В нашем распоряжении было только личное оружие.

В доме шахтера мы дождались наступления ночи и продолжили свой путь в Трынский отряд. Днем мы скрывались на разных хуторах и через две ночи пути встретились с представителями Трынского отряда. Они проводили нас дальше — через Знеполе, Мирославцы до села Калпа.

Повсюду мы встречали преданных нашему делу людей, деливших с нами и кров, и кусок хлеба. Все они знали, что их ждет, если узнают об их связях с подпольщиками. Им не раз приходилось глядеть смерти в глаза, и они не жалели ни собственной жизни, ни семейного очага. А ведь им часто приходилось быть свидетелями того, как фашисты поджигали дома, угоняли людей в ссылку, расстреливали их односельчан... Но ничто не могло поколебать этих героев. Их молчаливая самоотверженность воистину не знала границ, а все потому, что они относились к борьбе как к завещанному им дедами долгу, как к жизненной необходимости. Их подвиги вдохновляли меня и моих товарищей в самые трудные минуты. Чтобы мы делали без них, без их бескорыстной помощи...

В Калне — большом и очень бедном сербском селе, расположенном у прежней болгаро-югославской границы, в то время сосредоточились основные силы Трынского отряда. Там мы застали и делегатов югославских партизан, среди них был представитель Верховного штаба НОАЮ Светозар Вукманович (Темпо).

Боян Балгаранов вместе с другими товарищами из руководства партии встретился с ним и вел серьезные переговоры о нашей будущей совместной военно-политической деятельности в этом районе. Тогда же был обсужден вопрос о взаимодействии наших и югославских партизан в районах Трына, Кюстендила и западнее этих городов.

На совещании в селе Кална, состоявшемся 6 апреля 1944 года, присутствовали Боян Балгаранов, Владо Тричков, Йорданка Николова, Гочо Гопин, а также и другие руководители партизанских отрядов.

Были обстоятельно проанализированы проведенные ранее на территории 1-й повстанческой оперативной зоны боевые действия, а также деятельность партийных и ремсистских организаций в крупных населенных пунктах: Костинброд, Петарч, Годеч, Требич и других. (По второму

вопросу с докладами выступили прибывшие на совещание руководители районных партийных и ремсистских организаций.)

Разумеется, каждое слово, каждая мысль подчинялись стоявшей перед нами на данном этапе самой главной задаче: вовлечение масс в партизанское движение и обеспечение непосредственного участия трудящихся в революционной борьбе. Именно поэтому бóльшую часть времени мы посвятили обсуждению одной проблемы — каким образом штаб зоны и партийное руководство должны за сравнительно короткий срок добиться развертывания партизанского движения. Ведь в этом состояло главное условие успеха.

Повышению авторитета совещания и его значимости во многом способствовало присутствие на нем представителей различных уездов. Из восьми или девяти уездов, входивших в зону, не прибыли представители только двух: Кюстендилского и Дупницкого. Важно также отметить, что все присутствовавшие приняли самое активное участие в работе совещания. Фактически это была партийная конференция.

Помнится, что в самом конце совещания мы узнали о переданной радиостанциями счастливой вести: Красная Армия освободила Одессу. На поляне возле села тотчас же созвали партизанский митинг, перед собравшимися с вдохновенной речью выступил представитель Центрального Комитета партии Боян Балгаранов... Хочется добавить: наш энтузиазм действительно был поистине безграничен, хотя для многих ныне это звучит, как газетный шаблон, а не так, как мне хотелось бы — как исповедь!

После решения совещания о том, чтобы члены штаба зоны разъехались по отрядам и выполняли там работу делегатов (представителей) Главного штаба, я отправился в путь, в отряд «Чавдар».

В это же самое время согласно предварительной договоренности нужно было перебросить чавдарцам оружие. Выполнение этой задачи поручили 14 партизанам из Трынского отряда под руководством Делчо Симова. И они, преодолев все трудности, перенесли в село Бусинцы сравнительно большое количество оружия: пулеметы, автоматы, карабины, гранаты и боеприпасы. Там наш помощник бай Кольо, гончар по профессии, должен был погрузить оружие на телегу и замаскировать его своими

изделиями, а затем с помощью дочери перевезти через Знеполе и Перник в район сел Петарч и Маслово Софийского уезда, где должны были ждать прибытия оружия чавдарцы.

Еще затемно вместе с Крыстаном Крыстановым мы отправились в путь вдоль горного хребта Дысчен-Кладенец. Шли быстро, и несколько часов спустя нам встретилась группа трынских партизан, которые должны были доставить оружие чавдарцам. Мы остановились отдохнуть. Делчо Симов посоветовал нам пока не показываться в селе Знеполе, потому что незадолго перед этим бойцы из его группы заметили в этом районе оживленное движение грузовиков, набитых полицейскими, жандармами и солдатами.

Пришлось прислушаться к его совету и вернуться в Калну. Уже перевалило за полночь, и обратная дорога показалась нам очень тяжелой и какой-то бесконечной. К тому же сильно похолодало, выпал снег. Пришлось преодолевать глубокие сугробы, а ведь расстояние было довольно значительное. Кое-как добрались до первого хутора перед хребтом Дысчен-Кладенец, переночевали там и на следующий вечер снова пустились в путь. Обойдя Знеполе, свернули к Глоговице, где нас приютили верные помощники Асен и Дочка.

Еще не доходя до села, мы заметили несколько грузовиков, которые на большой скорости и с зажженными фарами мчались из Трына в сторону Главановцев. Видно, опасения Делчо были обоснованными. Немного позже это подтвердили помощники партизан из числа местных жителей. Полиция в Трыне, оказывается, узнала, что в районе села Кална сосредоточились крупные силы партизан. Отовсюду подтягивались полиция, жандармерия и войска. Гул моторов на дорогах не затихал ни днем ни ночью.

Наша тревога словно бы передалась и гостеприимным хозяевам — они, как и мы, уснули только на рассвете. Разбудил гул низко летящих самолетов. Мы с Крыстаном одновременно бросились к окну и увидели, что самолеты летят по направлению к хребту Дысчен-Кладенец. А шум моторов на шоссе все не затихал. И мы с Крыстаном, и Асен с Дочкой с тревогой ждали, как развернутся события дальше.

Но тогда мы никаких известий не получили. Только позже мы узнали, что наши партизаны из района хребта Дысчен-Кладенец уже ушли, а их место заняли югославские партизаны, которые и вступили в бой с жандармским батальоном... Не знаю, как других, но меня неизвестность всегда мучила больше, чем самая непосредственная опасность. В тревожную минуту ищешь выход, действуешь, а когда терзает неизвестность, чувствуешь себя беспомощным... Все время преследует мысль: а справятся ли товарищи, может быть, именно в этот момент они нуждаются в твоей помощи, в твоем участии, а ты ничего не знаешь!

Вечером 14 апреля мы с Крыстаном направились к селу Бабица. Там предстояло провести весь день и послать оттуда связного в село Маслово, где местные товарищи должны были встретить группу партизан с оружием для чавдарцев.

Сначала все шло как полагается. К ночи мы добрались до сеновала деда Игната, старого коммуниста, участника Сентябрьского восстания 1923 года. Двери дома этого патриота для партизан никогда не закрывались. Гостеприимной хозяйкой была и его жена Евда. Как только мы пришли, она принесла нам завернутые в передник крашеные яйца и кулич. Только тогда мы вспомнили, что наступила пасха.

— Ну что с того, что вы безбожники... — виновато улыбалась она. — Ешьте, а то, кто знает, когда опять приведется... — скороговоркой пролепетала бабушка и ушла.

Обдумав, кого бы лучше послать в Маслово, попросили деда Игната пригласить к нам заместителя старосты села Бабица бай Статко, уже давно помогавшего нам.

Вскоре дед Игнат вернулся вместе с бай Статко, которому мы объяснили, что от него требуется, подчеркнув необходимость срочно выполнить поручение. Нас несколько встревожило, что бай Статко без особого энтузиазма воспринял наш приказ, но выбора у нас не оставалось.

На листке папиросной бумаги мы написали пароль для связи, свернули листок в виде сигареты и отдали бай Статко, еще раз объяснив ему всю важность поручения. В тот же вечер бай Статко вернулся и сказал, что не смог выполнить задачу... В селе Златуша он встретил знакомого, тот ему сообщил, что во всем Софийском уезде под-

няты на ноги войска и полиция. Это окончательно поколебало его решимость, ему стало жаль себя, собственной жизни, и он вернулся, так ничего и не сделав.

Мы буквально закипели от гнева, но были бессильны что-нибудь исправить. Сложная и столь тщательно подготовленная операция оказалась на грани провала. И почему? Из-за малодушия труса, которого до недавнего времени мы называли товарищем. Уж лучше бы он нам сразу сказал, что боится.

Все же мы не могли сидеть сложа руки. Едва дождавшись сумерек, мы пошли в село Клисура к деду Милану, другому нашему помощнику. Добрались до села ночью и попросили деда Милана срочно вызвать одного из членов боевой группы. Пришел Арсо. Оказалось, что это добросовестный и преданный делу молодой человек. Он сразу же согласился отправиться в Маслово. Арсо откуда-то раздобыл коня и исчез в ночи.

Арсо сообщил нашим людям все, что требовалось, но было уже поздно. Бай Кольо, прождав двое суток в телеге, нагруженной спрятанным под кувшинами оружием, решил вернуться домой в Бусинцы. Разумеется, он и его дочь оказались в довольно опасном и рискованном положении, но мы не имели права их в чем-либо винить, ибо сообщение в Маслово пришло с опозданием.

Итак, операция провалилась — не везло чавдарцам с доставкой оружия, и все тут!

Но времени на чувства не оставалось: мне нужно было как можно скорее добраться к чавдарцам. По дороге мы с Крыстаном решили зайти к нашему помощнику — путевому обходчику в его сторожку на шоссе Костинброд — Волуяк, чтобы хоть немного отдохнуть. Но и здесь злая судьба не оставила нас в покое, и весь день прошел в тревоге.

16 апреля посреди бела дня англо-американская авиация начала очередную бомбардировку Софии, и это вынудило многих жителей столицы и близлежащих сел спешно покинуть свои дома. Около железнодорожной будки, где мы прятались, остановился немецкий «мерседес». Из машины вышли болгарка и два гитлеровских офицера. Очевидно, и они спасались от бомб.

Нам только этого не хватало. Мы с Крыстаном притаились в одной из комнат, а в другой остались наши хозяева и помощники — путевой обходчик Милан с женой

Розой... Решили, что, если немцы войдут в сторожку, немедленно их уничтожим. Конечно же поднялся бы большой шум, но, если бы у немцев возникло какое-нибудь подозрение в отношении нас, они могли бы вызвать полицию. Хорошо, что ничего этого не случилось. Приезжие уселись на крыльце сторожки и провели там более полутора часов, ровно столько, сколько продолжалась бомбардировка. Только после этого они уехали, и мы наконец облегченно вздохнули.

Ох, эти бомбардировки!..

Так случалось, что во время налетов я часто оказывался в городе. Например, 10 января 1944 года, когда англо-американская авиация в очередной раз сбросила свой смертоносный груз на Софию, мы с Добри Терпешевым находились в квартире Анны и Калины Весковых на улице Петра Деляна. Что же нам было делать? В бомбоубежище мы укрыться не могли. Нам оставалось лишь одно: как-то укрыться от осыпающейся с потолка штукатурки. Бомбы падали где-то совсем близко, но не попали в наш дом.

Массированные бомбардировки 29 и 30 марта, всего за несколько дней до того, как я отправился в Трынский отряд, тоже застали меня на одной из явочных квартир в районе площади Возрождения. Как только раздался вой сирен, все попрятались в бомбоубежище или постарались как можно скорее выбраться из города. Полиции в этот момент было не до нас, и я с хозяином квартиры поспешил в квартал Булин Луг. Не успели мы укрыться в неизвестно с какой целью вырытых неглубоких канавках, над столицей начали кружить англо-американские истребители, а через несколько мгновений показались и бомбардировщики... И София запылала. На следующую ночь я опять оказался на окраине города. В тот раз бомбы превратили центральные кварталы города в руины.

Как немилосердно англо-американская авиация бомбила Софию!.. А противовоздушная оборона Софии словно онемела. Только время от времени раздавались выстрелы какой-нибудь зенитной батареи, но иностранные истребители очень быстро их подавляли. Что же касается нашей авиации, то ночью она вообще бездействовала, да и днем редко показывалась в небе.

Во время бомбардировок, а также несколько часов после этого в Софии царил хаос. Разбегалась полиция,

разбегались солдаты гарнизона, а большинство горожан эвакуировалось. В секретном письме тогдашний военный министр генерал Русев жаловался, что «при бомбардировках Софии некоторые военные чины спасаются бегством из города на грузовиках и своевременно не возвращаются на службу».

При более продуманной организации и сосредоточении крупных сил мы, наверное, смогли бы взять в свои руки власть в городе. Разумеется, совсем другой вопрос, как долго мы смогли бы ее удержать. Так или иначе, в эти часы в полиции, войсках, во всем административном и государственном аппарате царила полная дезорганизация.

...Как я уже упоминал, были пасхальные дни, кроме того, в Костинброде справляли какой-то местный праздник, и поэтому на шоссе было очень многолюдно.

Отойдя немного от сторожки наших помощников, мы «наняли» извозчичью пролетку. Дело в том, что за нами прибыли Иосиф Колев с женой и Иван Мирский — наши помощники из Петарча. Крыстан и я расположились на заднем сиденье, перед нами жена Колева, а на козлах — Иосиф Колев и Иван Мирский. Наша веселая компания будто бы не могла вызвать подозрения. Конечно, при внезапной проверке документов нам пришлось бы трудно, но мы были неплохо вооружены: у меня и у Крыстана было по пистолету, по автомату и по нескольку гранат.

В Петарч прибыли поздно вечером. Остановились в очень уютном доме Ивана Мирского и впервые за долгое время получили возможность хорошо отдохнуть. В первые минуты эти, ставшие для нас уже непривычными, удобства и любезность хозяев, ушедших ночевать к своим близким, просто смутили нас. Сколько времени мы не спали в постели с белоснежными простынями... Из-за этих удобств и уюта долго не могли уснуть.

В связи с полученным от секретаря партийной организации сообщением мы должны серьезно поговорить с хозяином дома по поводу ошибки, допущенной им на состоявшемся в селе собрании. Нам это далось нелегко, но, что поделаешь, таковы суровые законы борьбы: вместо того чтобы благодарить хозяина за гостеприимство, пришлось строго отчитать его. Но он и сам сознавал свою вину и не обиделся. Да и мог ли коммунист реагировать по-другому?

В тот вечер, разумеется, не из-за того, что покритиковали хозяина, а по соображениям конспирации, мы переселились в дом Петра Понорского. Будет несправедливо, если я не скажу хоть несколько добрых слов об этом нашем помощнике и замечательном патриоте. По моей просьбе Крыстан Крыстанов, знавший Понорского много лучше, чем я, рассказал мне о нем:

«...По профессии Понорский портной-скорняк. Он не состоял ни в одной партии, но еще в 1923 году не остался в стороне от борьбы народа. Этот человек не ведал, что такое страх. Справедливость и самоотверженность были его главными качествами. Петр Понорский вырастил семерых сыновей, и все они стали коммунистами. Его верным соратником и другом была жена Янинка.

Даже в самые опасные и напряженные моменты борьбы двери их дома всегда оставались открытыми для нас. Петра никогда не приходилось уговаривать или напоминать ему о том, что надо делать. Он накидывал на плечи тулуп, брал трость и выходил на улицу. Целую ночь выстаивал он перед домом на посту, чтобы мы, подпольщики, получили возможность отдохнуть. Этот человек вполне справедливо заслужил любовь и уважение каждого, кто знал его по работе в партии.

Он умер в 1960 году. Вся его жизнь — пример достойного выполнения патриотического долга».

4

20 апреля в районе села Локорско мне наконец удалось установить связь с чавдарцами, и в тот же день я прибыл в лагерь 2-го батальона. Мобилизация была в основном завершена. В бригаде «Чавдар» уже насчитывалось 400 партизан. Созданные недавно три батальона уже провели свои первые успешные операции.

Я ознакомил командование бригады с последними решениями: изменялся маршрут боевого похода чавдарцев — вместо Трынского края они должны были отправиться в Родопы, там им предстояло совместно с местными партизанскими соединениями закрепиться на освобожденной территории. В течение нескольких дней мы проводили совещания, обсуждая, как лучше выполнить стоящие перед нами задачи.

Погода стояла отвратительная. Сначала не переставая моросил холодный дождь, а потом повалил снег. Мы решили перебраться в район хижины «Владко», расположенной под самой вершиной Мургаш.

Первомайский праздник встретили в походе. Мы не могли не отметить этот радостный день и на короткое время остановились в кошарах у села Бухово. Партизаны словно тотчас же забыли о холоде и усталости, которые им пришлось перенести в трудном походе. Зазвучали революционные песни и стихи. В этих кошарах нас и разыскал дед Милутин, сумевший проскользнуть через кольцо блокады и предупредить о нависшей над отрядом опасности — враг сосредоточивал все новые и новые силы, стремясь замкнуть кольцо окружения...

К вечеру добрались до хижины «Владко», где нас уже ждали товарищи из 1-го батальона. На следующий день состоялось совещание, в котором приняли участие Тодор Живков, Добри Джуров, Стамо Керезов, Димитр Кирков, Стоимен Костов, Веселин Андреев, Прокопий Хаджихристов, Благой Бонков и я.

В сущности, весть, принесенная дедом Милутином, только подтвердила тревожные сообщения, полученные незадолго до этого от других помощников и членов боевых групп. Враг готовился разгромить нас. Вступать в открытый бой как раз тогда, когда большая часть только что принятых партизан не имела ни оружия, ни боевого опыта, было бы бессмысленно. Единственно правильной тактикой в подобной обстановке мы считали постоянную смену места расположения и умелое маневрирование своими силами. В связи с этим возникла необходимость реорганизовать уже сформированные батальоны. Перемены не коснулись только 3-го батальона под командованием Стефана Халачева, потому что он передислоцировался в новый район действий — в Пирдопский уезд.

Из подразделений 1-го и 2-го батальонов был сформирован еще один батальон, который был назван Теренским и получил задачу действовать в Чавдарском районе. С этим батальоном остался Тодор Живков.

Остальные подразделения бригады должны были в кратчайший срок подготовиться к походу. Очень важно было решить вопрос о снабжении бригады продуктами питания во время этого очень длительного и трудного похода. Мы приняли предложение запастись продуктами в

Елешницком монастыре и только после этого отправляться в дальний путь.

В тот же день, 2 мая 1944 года, подразделение Стоила Грозданова овладело монастырем. Вечером туда прибыли и остальные партизаны 1-го и 2-го батальонов.

Все сразу же принялись за работу: одни отправились в сторожевое охранение, другие месили хлеб, свежевали только что зарезанного вола из монастырского стада, помогали на кухне...

Отдыхать улеглись за полночь. Сколько мы спали? Возможно, час, а может быть, и два. Нас разбудили выстрелы. Вскочили по тревоге. Как только мы с Добри Джуровым вышли во двор, к нам подбежали часовые с передовых постов, выставленных за стенами монастыря, и доложили, что они заметили солдат и завязали с ними перестрелку...

Нас окружили!

С тактической точки зрения отряд попал в исключительно трудное положение, и времени на раздумье не оставалось. К счастью, овраг, ведущий к вершине Мургаш, оказался пока не занятым войсками. Должно быть, враги не предполагали, что мы находимся в самом монастыре.

Под руководством Добри Джурова партизаны начали организованно покидать монастырь. Для прикрытия отхода наших главных сил была создана группа, в которую вошли сравнительно хорошо вооруженные партизаны. Они заняли позиции чуть выше монастыря по склону хребта, прикрывая наш отход огнем. Надо иметь в виду, что некоторые недавно прибывшие партизаны были вооружены... дубинами. Из 200 партизан только около 100 имели оружие, а у противника насчитывалось почти 30 тысяч солдат, жандармов, полицейских и бойцов формирований так называемой «общественной силы». Их поддерживали артиллерия и минометы. И все же, пока мы находились в монастыре, убит был только один наш товарищ, несколько человек получили ранения.

Но бой только начался. Как потом выяснилось, он длился около 13 часов.

Мы отходили по направлению к вершине Мургаш. Одно из подразделений 1-го батальона устремилось к самой вершине, а другое прикрывало нашу колонну от врага, атаковавшего ее с запада. В арьергарде остава-

лись партизаны из 2-го батальона, занявшие позиции на восточном гребне хребта. Они вели тяжелый и неравный бой с противником, сдерживали его натиск, пока все остальные не отошли.

К полудню нам удалось занять западную часть вершины. Противник и на сей раз не сумел нас окружить. Во второй раз нам сопутствовал успех, но положение отнюдь не стало легче. Куда ни посмотришь с вершины — повсюду войска и жандармерия сосредоточивали силы на ближайших горных хребтах.

Но вот нас все-таки окружили, и избежать боя было невозможно... Мы продолжали отходить в северном направлении. Враг следовал за нами по пятам и остановился только на одной из вершин. Командование бригады воспользовалось этим и предоставило партизанам короткий отдых. И это после десятичасового, почти ни на минуту не прекращавшегося боя, когда плохо вооруженные, голодные, почти раздетые люди шли по снежным сугробам и под градом пуль. Короткий отдых, чтобы перевести дух и съесть хотя бы кусочек черствого хлеба... Но даже этого мы не успели сделать — нас атаковали с тыла. Первые цепи жандармов пали, сраженные нашими пулями, а следом хлынула вторая волна, третья... Врагу удалось вклиниться в оборону, расколов наши силы на четыре группы. Был ранен Добри Джуров.

Вместе с политкомиссаром бригады Стамо Керезовым мы попали в группу, отходившую по направлению к реке Ябланица. Это была самая многочисленная группа и хуже других вооруженная, вернее сказать, вовсе не вооруженная. В ней насчитывалось более 30 человек, а по-настоящему были вооружены только трое или четверо.

В нескольких метрах от реки мы нарвались на засаду. Попытались было дать отпор врагу, но наши невооруженные товарищи пустились в бегство, и тогда враг начал нас преследовать с удвоенной энергией. Спасла нас группа Ленко (Стоимена Костова), которая своим метким огнем пригвоздила к земле наших преследователей.

К вечеру нам удалось вырваться из плотного кольца окружения. Мы начали отходить к селу Огоя. Мне казалось, что этому невыносимо длинному и тяжелому дню вообще не будет конца...

Группа остановилась в лесочке над селом. Нужно было обдумать, что же предпринять дальше. После пока-

завшихся нам бесконечными тринадцати часов боя все вокруг будто бы изменилось. Я словно впервые видел деревья, траву, даже не узнавал собственного голоса. И товарищи выглядели невероятно состарившимися. Трудно быстро прийти в себя после подобных потрясений. Однако буквально нескольких минут оказалось достаточно, чтобы, поразмыслив, мы нашли выход из создавшегося положения. В селе Огоя нам не следовало задерживаться, но остро встал вопрос о продуктах для бойцов группы. Важнее всего сейчас было установить потерянную связь с подразделениями бригады.

Мы приняли решение: отправить человек десять под руководством Марина Гайдарского в Ботевградский район с задачей через наших помощников в селах района установить связь со штабом бригады. Итак, нас осталось чуть более 20 человек, в том числе несколько партизан из местных сел. Поэтому мы прежде всего подумали о том, чтобы направиться в село Бакьово и там попытаться установить связь с нашими помощниками. Однако, как потом выяснилось, им ничего не было известно о судьбе остальных товарищей из бригады. Враг блокировал все села и подступы к горам, и никому не удавалось прорваться через кольцо блокады.

В столь неожиданно создавшемся тяжелом положении передо мной, как начальником штаба зоны, возникла особая задача: как можно скорее добраться до Софии. Необходимо было связаться с партийным руководством округа и принять срочные меры для восстановления отряда «Чавдар» (тогда я еще ничего не знал о судьбе других наших бригад).

Промедление или бездействие могло привести к еще более тяжелым последствиям. Вот почему мы решили, что я, Анна Вескова и еще двое партизан из сел этого района отправимся по направлению к Реброво, перейдем реку Искыр и оттуда... По нашим сведениям, ни один из мостов пока не охранялся, и это давало нам надежду на успех.

Наша небольшая группа в течение нескольких дней плутала в горах. То ли 13-го, то ли 14 мая, точно не помню, мы попытались перейти через мост у села Реброво, но нарвались на засаду. В нас стреляли почти в упор, и на сей раз мы спаслись только чудом. Нам удалось от-

ступить невредимыми, и мы пошли вниз по течению реки вдоль ее правого берега...

Ночью мы вышли в район, находящийся в горах чуть выше села Бов. В близлежащем хуторе жили родственники одного из партизан, который вызвался достать что-нибудь поесть. Договорились, что мы будем ждать его на месте привала, но прошло много времени после назначенного часа, а наш товарищ не возвращался.

Как мы и предположили, родственники его предали. Вот почему нам пришлось спешно покинуть этот район и продолжать свой путь...

Но куда? В каком направлении идти?

В поисках какого-нибудь выхода, а выбор у нас был небольшой, втроем добрались мы до села Бов, решив воспользоваться связями Анны Весковой. Здесь расположилось одно из софийских эвакуированных учреждений, в котором работала бывшая соученица Анны, ремсистка.

Мы спустились в село. Очень осторожно стали расспрашивать людей, и оказалось, что разыскиваемое нами учреждение находится не в селе, а на железнодорожной станции. Появляться там было опасно, тем более что партизан, шедший со мной и Анной, был ранен в руку, и это могло привлечь к нам внимание. И все же выхода у нас не было, и мы решили попытать счастья. Раненому партизану я строго-настрого приказал ждать нас в лесу недалеко от села.

...Нам удалось разыскать соученицу Анны. Она приняла нас очень тепло. Накормила, помогла нам привести себя в порядок, даже раздобыла для меня безопасную бритву. Надеясь, что мы не очень отличаемся от «благонадежных» граждан, решили с Анной зайти в ресторан и купить что-нибудь поесть для себя и ожидавшего нас раненого товарища.

Но и тут нам не повезло. Кто знает почему, мы вдруг показались подозрительными невесть откуда появившемуся полицейскому в гражданской одежде. Он подошел к нам и завел разговор, в котором совсем отчетливо звучали нотки допроса: кто мы такие, что ищем здесь, откуда пришли?.. Я уже нащупал в кармане пистолет, готовясь действовать, как неожиданно началась настоящая суматоха: какие-то чиновники уличили владельца ресторана в обмане посетителей и вызвали полицейских, чтобы составить акт...

Нескольких мгновений общего замешательства нам оказалось достаточно, чтобы незаметно ускользнуть. Чтобы перебраться на противоположный, спасительный берег реки, пришлось пройти через новые испытания. Мост уже охранялся мобилизованными местными крестьянами.

Соученица Анны сказала, что в одном из домов на другом берегу реки живет знакомая портниха, и было решено отправиться к ней «на примерку». Я взял женщин под руки и мы, приняв самый беззаботный вид, отправились в путь. В то время в селе было очень много эвакуированных, и нам удалось перейти мост, не вызвав у охраны никаких подозрений.

Тихим, спокойным шагом подошли к дому портнихи, а когда добрались до угла улицы, идущей в горы, сразу же ускорили шаг. Правда, не настолько, как нам хотелось, потому что это могло привлечь к нам внимание встречных людей. Наконец мы вошли в лес и остановились у того места, где нас должен был ждать раненый партизан. Опасаясь за судьбу подруги Анны, я предложил ей идти с нами, но она предпочла вернуться — была уверена, что никто не догадался о нашем посещении и ее ни в чем не заподозрят...

К сожалению, мы не могли заранее предполагать, что на мосту будет выставлена охрана, и поэтому оставшегося в лесу партизана не предупредили. Мы ждали его на тропе, ведущей в село Заселе, а оттуда собирались пойти через Загыжене в санаторий в Искреце, где жили мои родственники.

Наш товарищ, направляясь к месту встречи, неожиданно для себя увидел на мосту охрану и, испугавшись, почему-то выбросил свой пистолет в реку. Это заметили какие-то люди, подняли крик, прибыла полиция и арестовала его. Он признался, что пришел сюда с двумя партизанами — мужчиной и женщиной.

Разумеется, ни я, ни Анна Вескова тогда не допускали и мысли о предательстве. Пренебрегая опасностью, мы долго ждали товарища в назначенном месте, а потом, когда он так и не появился, решили побыстрее добраться до села Заселе. Правда, в само село мы зайти не решились, а наведались ненадолго в какую-то сыроварню и там стали разузнавать обо всем, что касалось интересовавших нас дорог.

Пришлось прибегнуть к небольшой хитрости. Наше

внимание было нацелено на села Загыжене и Искрец, а мы расспрашивали о дороге в село Заноге, находящееся как раз в противоположной стороне. Из сыроварни даже двинулись в направлении Заноге, но, отойдя немного, свернули в сторону Загыжене. Ориентироваться нам помогала топографическая карта, которую я всегда носил с собой.

Вскоре после нашего ухода в сыроварню нагрянули полицейские. Они допросили хозяина и бросились искать нас по дороге в село Заноге.

А мы в это время уже миновали Загыжене, спустились на шоссе между Петроханом и Искрецом, переночевали в кустарниках и на заре незаметно пробрались в санаторий.

Мои родственники накормили нас, устроили баню, дали чистое белье. Через два-три дня с помощью Николы Алексиева нам удалось установить связь с местными коммунистами. Именно они помогли мне перебраться через Чибаовцы в село Житен, связаться с Иваном Мирским в Петарче. Они же купили для Анны Весковой билет на поезд, и она благополучно проехала от станции Своге до Панчерево, где я и разыскал ее потом.

В Петарче я провел несколько дней. За это время мне удалось сшить новый костюм и отдохнуть. В Софию мы отправились вместе с Иваном Мирским. Разумеется, это вовсе не было безопасно: в поездах постоянно проводили проверку документов у пассажиров. Поэтому пришлось ехать в почтовом вагоне, где нас устроил друг Ивана — железнодорожник, коммунист.

Доехали благополучно. Сошли на станции Илиянцы и оттуда направились к Центральному вокзалу.

— А теперь куда? — спросил Иван.

— В Овча-Купел...

— Ох, да это же очень далеко. Давай наймем извозчика!

Это было действительно далеко, но ехать днем в извозчичьей пролетке по центральным улицам совсем небезопасно. Может узнать какой-нибудь агент. К тому же в конце Горнобанской улицы, миновать которую было нельзя, находился трактир. В нем, и об этом все знали, всегда прятались полицейские, часто задерживая въезжающих в город или выезжающих из него... Я тоже знал об этом и все же поддался уговорам Ивана, потому что

после всего пережитого чувствовал себя неважно и быстро уставал.

Наняли извозчика. Поехали сначала по бульвару Христо Ботева, пересекли бульвар Сливница, а оттуда по улицам Александра Стамболийского и Константина Величкова на Горнобанскую улицу, которая тогда вела к выезду из города.

Мы уже приближались к последним домам улицы, когда из трактира вышла группа полицейских в форме и в гражданском платье. Они остановили пролетку и потребовали предъявить документы.

Я старался не смотреть на Ивана — у него-то документы были в порядке, а я находился на нелегальном положении, да и оружие могли у меня найти... Все же, сохраняя самообладание, я протянул полицейским удостоверение личности и специальное разрешение на право беспрепятственного передвижения. (Тогда при мне были документы, выданные на мое имя. Разрешение тоже было в полном порядке, потому что Иван Мирский получил его у наших единомышленников, работавших в общинном управлении в Петарче.)

— Господа, — говорю, — я эвакуирован в Петарч и приехал с приятелем в Софию по делам. Вот вам, если угодно, еще один документ... — И протянул свое удостоверение кандидата в офицеры, которое я получил при мобилизации, но не сдал.

Полицейские начали проверять документы Ивана. За этим, видимо, должен был последовать обыск. Один пистолет я сжимал в кармане, а другой был за поясом. Нужно действовать!

— Послушай, Иван, — обратился я к другу, — пока будут проверять твои документы, я забегу к знакомому на соседней улице...

Не попросив и не дожидаясь разрешения полицейских, я выскочил из пролетки и поспешно направился к домам. Шел не оглядываясь. Я опасался, как бы волнение не выдало Ивана, но все обошлось. Скоро я снова оказался в извозчичьей пролетке рядом с Иваном. Не знаю, как выглядел тогда я, но Иван показался мне желтым-желтым...

— Спокойно, Иван, — сказал я как можно тише, чтобы не услышал возница. — Все в порядке! Все в порядке! — повторил я, чтобы успокоить самого себя

Наконец мы доехали до дома, где жила тетя Магдалена, близкая родственница Христо Смирненского. Здесь тогда укрывалась Цола Драгойчева, и через нее я хотел установить связь с Главным штабом и с нашими партийными органами. Все вышло так, как я предполагал. Получив нужные сведения, я вместе с Мирским отправился в Панчарево.

Сейчас не помню, как мы добирались туда. Кажется, сначала нас подвезли на каком-то попутном грузовике, а потом мы шли пешком через поле... В Панчарево Иван связал меня с Иваном Полийским и Григором Шоповым (до сих пор, когда мы встречаемся с Шоповым, он шутит, что я ему должен фетровую шляпу, которую он мне уступил тогда). Они меня отвели на виллу к Маре и Борису Селектаровым.

Несколько дней спустя туда пришла и Анна Вескова. Хочу рассказать о том, что произошло с ней чуть позже. Когда мы расставались с ее соученицей в Бове, то договорились: в случае опасности девушка немедленно перейдет на нелегальное положение и отправит в адрес Анны записку с адресом.

К несчастью, полиция арестовала девушку, и после нечеловеческих пыток она проговорилась о нашей договоренности и под диктовку полиции послала Анне следующую записку: «Аннушка, мне очень плохо. Приезжай в Бов!..»

Я категорически запретил Анне ехать в Бов, но она меня не послушала, решила, что нельзя бросить подругу в беде. В Бове Анну арестовали. Ее подвергли жестоким истязаниям, несколько раз выводили на расстрел... Но она никого не выдала и осталась жива только потому, что Красная Армия уже подошла к Дунаю. События назревали со стремительной быстротой, и палачам все чаще приходилось думать о том, как самим унести ноги.

Но вернемся на дачу Селектаровых, где тетя Мара, как родная мать, заботилась обо мне.

Попадобилось дней десять, чтобы после всего пережитого я пришел в себя и приступил к выполнению своих обязанностей. Я вернулся в Софию и связался с окружным комитетом партии, а через него со всеми товарищами, которые нужны были мне, чтобы скорее восстановить связи с действовавшими в нашей зоне отрядами.

...Пишу эти строки и невольно улыбаюсь: как легко все это писать сейчас и как невероятно трудно было все это пережить! Если кто-нибудь вам скажет, что никогда не испытывал чувства страха, не верьте. Я несколько раз почти физически остро испытывал это чувство и не стыжусь признаться! Важнее суметь победить в себе этот страх! Важнее, чтобы в решающий момент победило чувство долга, и тогда любая задача по плечу. Хладнокровие — не природное качество, и его надо воспитывать в себе точно так же, как воспитывается мудрость и приобретается сила... Самым лучшим воспитателем для нас была партия.

Сила товарища становилась и нашей силой, а его слабость — и нашей слабостью. Вот почему даже временные поражения мы воспринимали без паники и не впадали в отчаяние, хотя, впрочем, собственных ошибок себе не прощали. Повторяю все это потому, что в стремлении быть объективным я не умолчал и о некоторых горьких истинах.

5

Будто нам мало было всего пережитого вместе с чавдарцами! В Софии узнали мы суровую правду о судьбе двух других партизанских бригад.

Когда в начале апреля я покидал село Кална, чтобы отправиться в бригаду «Чавдар», в районе действий Трынского отряда остались Боян Балгаранов, Владо Тричков, Йорданка Николова, Начо Иванов, Гочо Гопин и другие товарищи. Им предстояло провести в жизнь важное решение, принятое на совещании: сформировать две новые партизанские бригады.

Командиром 1-й софийской партизанской бригады был назначен Славчо Трынский, а командиром 2-й софийской бригады — Денчо Знеполский. После того как новые бойцы приняли присягу, бригадам от имени Центрального Комитета партии были вручены боевые знамена.

Обоим партизанским соединениям предстояло с боями продвигаться в назначенные районы и, соединившись с местными отрядами, закрепиться на освобожденной от врага территории.

Вместе с тем активизация действий партизанских соединений не могла остаться незамеченной противником.

Каждый день, каждый час наши курьеры и разведчики приносили все более тревожные вести. В районе села Кална сосредоточивались части 5-й армии, в состав которой входили 1-я софийская, 17-я и 7-я пехотные дивизии, 1-й и 2-й кавалерийские полки, а также части специального назначения. К ним присоединились жандармы и полиция. Не меньше сил враг бросил и в район действий чавдарцев. Все это заставило нас принять энергичные меры, чтобы предотвратить полное окружение наших сил.

1-я софийская партизанская бригада, с которой остались Боян Балгаранов и Нинко Стефанов, 8 мая 1944 года начала свой героический поход из Трынского края через Кюстендилский уезд в самое сердце Рилских гор. На всем пути протяженностью более 400 километров бригада непрестанно вела тяжелые бои. За 17 дней партизаны только три раза получили горячую пищу.

Бой вспыхнул в первую же ночь после начала похода. Бригада нарвалась на засаду, организованную крупными силами врага. Несмотря на неожиданность нападения и усталость после длительного перехода, несмотря на то, что для многих партизан это было первое боевое крещение, противник вскоре был обращен в бегство. За этим боем последовало сражение под вершиной Тумба, в котором враг использовал артиллерию, минометы, авиацию... Бригада с боями прокладывала себе путь. Под вершиной Малкия Полич 30 мая она встретилась с Дупницким отрядом под командованием Василя Демиревского. Проведя совместную операцию, партизаны разгромили склады германского акционерного общества «Гранитоид», изъяли продукты и взрывчатые вещества.

2 июня при переправе через реку Рила объединенные силы партизан вели один из самых тяжелых и кровопролитных боев с превосходящими силами противника. Обе стороны понесли большие потери. Последний бой между партизанами и артиллерийским дивизионом произошел в горах около Разлога. В дальнейшем, из-за исключительно тяжелых условий и отсутствия достаточно прочных связей с местным населением, часть партизан бригады влилась в отряды, действовавшие в этом районе, а другие во главе со Славчо Трынским с боями вернулись в район Трына. Вместе с оставшимися там партизанами они снова образовали Трынский отряд.

2-я софийская партизанская бригада после боя под вершиной Тумба отправилась на север, а потом — вдоль хребта Стара-Планина... Вместе с бригадой в походе участвовали Владо Тричков, Йорданка Николова, Начо Иванов, Гочо Гопин. Здесь находилась и английская военная миссия во главе с майором Томпсоном.

Это был тяжелый поход: непрерывные дожди, голод, бои, засады, изнурительные переходы. Первые успешные операции бригад в селах Куса-Врапа, Одоровцы, Смиловцы, Говежда, Дылги-Дел вызвали растерянность во вражеском стане, и противник мобилизовал все силы, чтобы преградить дорогу партизанам. В срочной телеграмме областному начальнику полиции управляющий уездной управы в Берковице сообщал: «...Большая группа нелегальных появилась в районе сел Говежда, Койловцы и Дылги-Дел Берковицкого уезда. Они направляются к вершине Ком. Из собранных сведений мы установили, что в группе насчитывается около 30 человек...»

Начальник гарнизона в Берковице получил приказ устроить засаду в районе вершины Ком. Партизаны штурмом овладели позициями врага и обратили его в бегство. Руководству бригады стало ясно, что противник попытается преградить партизанам путь до того, как они переберутся на другой берег Искыра. Поэтому, несмотря на усталость, голод и бессонные ночи, партизаны устремились к Лакатнику. И рано утром 22 мая растянувшаяся на два километра партизанская колонна перешла по подвесному мосту на другой берег реки недалеко от железнодорожной станции. Все это видели рано утром жители Лакатника и пассажиры, ждавшие поезда на станции.

— Какая это воинская часть? — спрашивали те, кто посмелее.

— 2-я софийская народно-освободительная повстанческая бригада! — объяснял Делчо Симов.

Несколько часов спустя в дирекции полиции получили донесение из Курило:

«...Группа нелегальных в составе 200 человек, хорошо вооруженных, одетых в форму из темно-зеленой ткани, проследовала от Петрохана к селу Лакатник, перешла через мост, блокировала село, сожгла архивы в сельской управе...»

С точки зрения конспирации наши товарищи действовали не совсем правильно, но они не имели другого вы-

ца. Никакого другого выхода! Если бы они решили кидаться следующей ночи, то преследовавшие партии воинские части неминуемо настигли бы их, а другие мешали бы переправе через реку. Тогда партизаны попали бы в тяжелое положение.

Усталость, голод, бессонные ночи, участившиеся схватс врагом замедляли продвижение партизан. Они нуж- лись в отдыхе. Несмотря на все усилия, партизанам удалось установить связь с чавдарцами. Позже они нали, что отряд «Чавдар» разбит, и решили изменить правление движения — пошли к селу Буковец, там взяв качестве проводника одного из местных жителей и рассвете 23 мая устроили привал неподалеку от села тулия. Это место оказалось совсем неподходящим для ганизации обороны. Оно чем-то напоминало огромный гел. Но силы партизан были истощены. А тут предвлялась наконец возможность хоть немного отдохть...

Сразу же сказалась непосильная усталость. Все засну- непробудным сном. Даже охрана не заметила бегства оводника из Буковца. А тот вернулся в село и предал ртизан.

Поднятые по тревоге полиция, карательные отряды, ча- 1-й софийской и 6-й врачанской пехотных дивизий азу же заняли позиции на ближайших к лагерю парзан высотках.

Начался самый кровопролитный и неравный бой. Цей огромных жертв, благодаря героизму Дичо Петрова ребят из его батальона бригаде все же удалось разоать кольцо окружения. Впоследствии главные силы сули добраться в район действий Трынского отряда и есте с ним продолжили борьбу до победного конца.

В этом бою погиб командир батальона имени Христо тева и заместитель командира бригады Дичо Петров. подалеку от поля сражения в результате подлого прегельства был убит командир 1-й повстанческой операвной зоны Владо Тричков. Нарвавшись на засаду, была жело ранена и попала в лапы полиции Йорданка Никова, секретарь Центрального комитета РМС. Несколько гок ее подвергали пыткам, но истязания не сломили ли храброй девушки. Она и имени своего не назвала. ашисты так и не узнали, кого они убили. Последние нуты жизни Йорданки — ее расстреляли на берегу реки

около села Елешницы (ныне Йорданкино) — стали примером подлинного героизма... И Свилен Русев, и я, и десятки других ремсистов являлись ее воспитанниками, и мы хорошо понимали, кого потеряли. В том бою погибли многие другие доблестные партизаны, наши незабываемые товарищи.

...Я часто в своих воспоминаниях возвращаюсь к весне и лету 1944 года. Тогда партизанские соединения и части по всей стране, и особенно на территории нашей зоны, понесли тяжелые потери. В свой предсмертный час монархофашистские власти мобилизовали все свои силы, чтобы расправиться с революционным движением в стране.

Невиданных масштабов достигли репрессии и кровавые расправы с людьми. И первоочередная, самая важная задача для нас в тот период состояла в том, чтобы не просто восстановить прежнее положение дел, но и удвоить нашу мощь, разжечь пламя борьбы и в самых глухих уголках болгарской земли. Естественно, самым главным стимулом в нашей борьбе были победы Красной Армии.

Чтобы оказать отрядам необходимую помощь, нужно было прежде всего наладить с ними постоянную связь. Уцелевшие партизанские соединения были реорганизованы, а вместо разгромленных врагом отрядов создавались новые.

Очень важно было поскорее возобновить и еще активнее развернуть боевую и политическую деятельность отрядов зоны, в том числе и новых отрядов, которые создавались в соответствии с указаниями Центрального Комитета партии и Главного штаба Народно-освободительной армии. Перед нами была поставлена задача приковать к району своих действий значительные силы врага, поддерживать постоянные контакты с трудящимися массами и создавать благоприятные условия для проведения крупных операций партизанскими бригадами в других районах страны.

Эти задачи были успешно решены. Несмотря на нанесенные нам тяжелые удары, несмотря на отчаянные попытки властей ликвидировать партизанское движение на территории зоны, мы неуклонно и все быстрее шли к решающей победе. Это стало возможным благодаря усилиям окружного комитета партии и штаба зоны, всех местных партийных и ремсистских организаций.

В мае и июне 1944 года, когда наши партизанские соединения понесли ощутимые потери, когда министр внутренних дел приказал «беспощадно ликвидировать группы нелегальных; предавать военному суду их помощников, а также членов партии и РМС», когда власти объявили, что «всех пастухов и крестьян, видевших нелегальных и не сообщивших об этом своевременно в полицию, считать помощниками партизан», когда палачи фотографировались «на память» с отрезанными головами партизан в руках, — даже и тогда ряды антифашистов не редели, даже и тогда готовились они для нанесения новых ударов по врагу. Именно в то время родился Радомирский партизанский отряд.

1-й софийской народно-освободительной бригаде пришлось выдержать серьезный натиск врага в Риле. Чтобы обеспечить бригаде возможность вернуться в первоначальный район действий, ЦК партии и Главный штаб НОПА дали указание сформировать Радомирский партизанский отряд. Непрестанными боевыми операциями он должен был привлечь к себе внимание противника и ввести его в заблуждение в отношении сил и места действий наших партизанских соединений. Славчо Радомирский отобрал 15 товарищей из сотни партизан, оставшихся под командованием Бояна Балгаранова и Славчо Трынского. Так, в ночь на 13 мая неподалеку от села Елов-Дол зародился новый отряд. По предложению представителя окружного комитета партии Георгия Аврамова партизаны избрали своим командиром Славчо Радомирского. Были назначены также политкомиссар и начальник штаба отряда, а также партийные и комсомольские руководители района. Прошло всего два-три дня, а к отряду уже присоединилось 70 новых бойцов из Радомирского и Трынского уездов и из Софии. Первая же боевая операция отряда — взятие села Кошарево — посеяла панику в стане врага. «Разбитые, уничтоженные полностью группы нелегальных» воскресли для новых битв. Не понеся никаких потерь, партизаны завладели 50—60 винтовками. И сразу же после этого было проведено нападение на село Сириштник (захвачено 30 винтовок) и на село Друган (у врага отнято еще 30 винтовок) всего в 10 километрах от Радомира...

Фашистские власти бросили все свои наличные силы, чтобы разгромить отряд. В Радомирском уезде в то вре-

мя были сосредоточены один пехотный полк, полицейские части, подразделения школы офицеров запаса, а также и другие более мелкие подразделения. Но партизаны оказались для врага неуловимыми, хотя в отряде уже насчитывалось 150 человек. Фашисты усилили натиск. Учитывая обстановку, руководство разделило отряд на три группы. Одна начала действовать в районе между Кюстендилом и Радомиром, другая — между Дупницей (ныне Станке Димитров) и Радомиром, третья — на остальной территории уезда... Проведенные ими операции отличались решительностью и дерзостью.

Противнику пришлось также раздробить свои силы. И не осталось ни одного села, ни одного хутора, где не были бы расквартированы рота или взвод. Но это уже были более слабые подразделения, и партизаны умело воспользовались этим. Маневренность, внезапность действий, умелая разведка обеспечили успех партизанам. Разоруженным, взятым в плен солдатам предлагали стать партизанами, а тех, кто отказывался, отправляли по домам.

Эти операции партизан дали огромный политический эффект и, кроме того, позволили обеспечить отряды достаточным количеством оружия, боеприпасов, обмундирования и снаряжения.

Причины успеха партизан Радомирского отряда заключались в их постоянном и тесном взаимодействии с боевыми группами в селах. Боевая и политическая деятельность, а также разведка и организация актов саботажа за короткий срок сделали эти группы неоценимыми помощниками отряда.

Население этого края не скрывало своих политических симпатий, все с большей ненавистью относилось к властям, все более активно участвовало в борьбе. Может быть, именно поэтому, несмотря на непрерывные боевые операции, отряд понес сравнительно незначительные потери: четверо убитых и семь-восемь раненых. Есть и другая причина: партизаны постоянно удерживали инициативу в своих руках. Колебаний или споров о том, проводить или не проводить ту или иную операцию, в отряде не возникало. Всегда и повсюду радомирцы находили подходящие условия и объекты, действовали дерзко, смело и неожиданно для врага. Они всегда старались быть как можно ближе к народу, жили его горестями и радо-

стями, его будущим. Вот почему и народ платил им любовью, заботливым отношением и поддержкой в самые трудные минуты.

Успеху действий отряда способствовали и его прочные связи с другими партизанскими отрядами, предварительное планирование взаимодействия с ними при каждой совместной операции. Особенно хорошие результаты дало такое взаимодействие с Трынским и Рилским партизанскими отрядами и в какой-то степени с Кюстендилским. Разумеется, это стало возможным благодаря постоянной помощи со стороны окружного и Центрального комитетов партии, Главного штаба НОПА и штаба зоны.

...Из партизан Радомирского отряда погибли только четверо. Трудней всего было примириться с гибелью Виолетты Яковой, нашей неустрашимой Иванки.

В то время она являлась секретарем уездного комитета РМС. Выполняя поручение, она оказалась в селе Кондофрей, где в тот момент находились значительные силы полиции. Сопровождал Виолетту всего один партизан.

«Послушай, Кирчо! — начала она свое краткое наставление товарищу перед тем, как войти в село. — Если нас попытаются схватить, то разбежимся в разные стороны. Хоть один из нас спасется...»

Первый же встречный полицейский остановил их и приказал следовать за ним в управу для проверки документов. В следующий момент появились еще трое полицейских, подошли люди из местной охраны и просто любопытствующие. Из корчмы вышел подвыпивший начальник местной полиции. С каждым мгновением положение усложнялось, но Виолетта не теряла самообладания.

— Послушайте, господа. Мне незачем беспокоиться, меня никогда не арестовывали. Но я женщина и боюсь... Вот вам 200 левов, угощайтесь на здоровье... И позвольте нам уйти подобру-поздорову.

Но полицейские остались непреклонны и начали подталкивать Виолетту и ее спутника к зданию управы, все еще не догадываясь обыскать задержанных. Когда толпа зевак осталась позади, Виолетта неожиданно для конвоиров выхватила пистолет и открыла огонь. Возможно, и на сей раз ей удалось бы спастись, но, когда она меняла обойму, несколько полицейских набросились на нее и

выбили из рук пистолет. К сожалению, сопровождавший ее партизан так растерялся, что забыл о своем оружии...

Виолетту стали избивать, рвать на ней одежду.

— Я — партизанка! — крикнула Виолетта озверевшим полицейским. — Наш отряд совсем рядом. Товарищи отомстят за меня...

Воспользовавшись замешательством полицейских, она бросилась бежать. До спасительного леса оставалось всего 50—60 шагов, когда ее догнала пуля полицейского.

Тяжелораненую Виолетту доставили в село. Мучения, издевательства, пытки. И вопросы, вопросы, вопросы...

— Я ничего вам не скажу. Ваши дни уже сочтены. За меня отомстят!..

Ее увезли в Радомир. Снова пытки, издевательства... 14 июня 1944 года оборвалась жизнь Виолетты Яковой.

Партизаны отомстили всем, кто участвовал в расправе над храброй партизанкой...

6

Летом 1944 года боевая деятельность на территории 1-й повстанческой оперативной зоны приобрела широкий размах. Наступление Красной Армии и тяжелые поражения гитлеровцев на советско-германском фронте, успехи партизан и растущая поддержка народа сыграли решающую роль в приближении неотвратимой гибели болгарской буржуазии, продажных монархофашистских правителей.

В это время в Главном штабе НОПА получили сообщение о том, что на территорию Македонии, в район монастыря «Святой Прохор» (тогда там размещался Главный штаб НОА Македонии), прибыла новая английская миссия. Англичане выразили готовность установить с нами контакт, чтобы оказать помощь болгарским партизанам. Стало также известно, что и Главный штаб НОА Македонии ищет связей с нами, чтобы договориться о взаимодействии.

По поручению Главного штаба НОПА я, как начальник штаба зоны, в сопровождении курьера отправился на встречу с югославскими товарищами.

В районе Кюстендила мы установили связь с партизанами из Кюстендилского отряда. Командование этого отряда в помощь мне выделило группу партизан, вместе

с которыми я направился в район сел Горна-Тырница и Долна-Тырница. 30 или 31 июля мне удалось установить первые контакты с главным штабом НОА Македонии, которым в то время руководили Апостолский, Андреев и Илич. В качестве представителя Верховного штаба НОАЮ здесь же находился Светозар Вукманович (Темпо).

Потом я перебрался в монастырь «Святой Прохор», расположенный севернее Куманово на берегу реки Пчиня. Здесь я встретился с представителями английской военной миссии.

В этом районе мне пришлось провести почти весь август. В самом начале месяца в район монастыря вышла бригада имени Георгия Димитрова во главе с Атанасом Русевым и Кириллом Игнатовым. Но прежде чем перейти к последующим событиям, хочется вернуться немного назад. Вот что рассказал мне о формировании бригады, о ее боевых операциях Атанас Русев:

«...Еще в Сливене сразу после призыва на военную службу в декабре 1943 года среди солдат нашей части возникло недовольство по поводу отправки в Югославию. Позже это недовольство усилилось, особенно когда наш батальон бросили на борьбу против партизан.

Тогда группа офицеров и фельдфебелей — выпускников школы офицеров запаса, в основном это были коммунисты и сочувствующие коммунистическому движению, создала подпольный штаб, который и принял решение: ни в коем случае не допустить, чтобы нас превратили в гитлеровских прислужников, заставили запятнать нашу воинскую честь выполнением приказов фашистского командования.

Было решено перейти на сторону партизан и вместе с ними сражаться за освобождение наших народов. К тому времени мы располагали информацией о победоносном наступлении Красной Армии, знали о переходе батальона имени Христо Ботева на сторону партизан и об активных боевых действиях, проводившихся нашими и югославскими партизанами. Существенную роль в принятии нами окончательного решения, несомненно, сыграла устная и печатная пропаганда, которую вела партия.

В течение нескольких месяцев подпольная группа в батальоне упорно проводила разъяснительную работу,

опираясь при этом на актив из нескольких десятков унтер-офицеров и солдат. Хотя агитация велась широко, никто из нас не пренебрегал законами самой строгой конспирации.

Мы всячески подрывали дисциплину в батальоне, саботировали выполнение антинародных приказов командования, информировали солдат о политических и военных событиях, объясняя им, почему нужно перейти на сторону партизан...

Нам удалось установить контакты с югославскими партизанами в районе города Лебане, где располагался наш гарнизон. Сделать это было нелегко, потому что партизаны долго не могли поверить в искренность наших намерений и проявляли сдержанность... Наконец коммунист из Лебане Милан Ковачевич помог нам установить связь с руководством отряда, и при встрече была достигнута договоренность о том, когда, где и как мы перейдем на их сторону.

Последняя встреча с представителями югославских партизан состоялась 13 мая 1944 года. На ней присутствовали Светозар Вукманович (Темпо) и Петр Стамболич. В тот раз Вукманович (Темпо) выразил сомнение, что нам удастся осуществить массовый переход на их сторону, и рекомендовал переходить группами по нескольку человек. Наши представители Кирилл Игнатов и подпоручик Димитр Баев заверили Вукмановича (Темпо) в том, что все продумано. Осталось только доказать, что мы в состоянии выполнить свое решение.

Теперь известно, что все прошло благополучно. При одной из последующих встреч я спросил Вукмановича (Темпо), почему он опасался провала нашей операции. Он ответил, что в воинских частях трудно вести пропагандистскую работу и что у него уже был аналогичный опыт с частями итальянской армии. Само собой разумеется, Вукманович (Темпо) и не предполагал, что мы так хорошо все организовали и что политическая сознательность наших солдат так высока...

Итак, подготовив и обдумав все до мельчайших подробностей, мы решили действовать. Нам помог случай. Командир батальона уехал в отпуск и оставил своим заместителем офицера — члена подпольной группы. Отыскался и повод, который позволил снять всякие подозрения: попытаться «освободить» двух наших солдат, ока-

завшихся у партизан. Те, конечно, ушли к партизанам по собственной воле, но командование части считало, что их взяли в плен.

В час ночи 17 мая 1944 года батальон отправился в село Прекупчелица, находящееся в 4—5 километрах от города, чтобы «освободить пленных». На рассвете, поднявшись по северо-западным склонам над Прекупчелицей, мы тотчас же увидели большую группу сербских партизан, вышедших нас встречать. Представители обоих братских народов обнялись и уже в общем строю направились к освобожденной партизанами территории.

Там, у подножья Радан-Планины, наш батальон расформировали и из его личного состава организовали 3-ю болгарскую народно-освободительную бригаду, на знамени которой было имя великого сына нашего народа Георгия Димитрова. В состав бригады включили два батальона.

По решению Верховного штаба НОАЮ бригада должна была действовать сначала на сербской, а затем на македонской земле. Это решение было принято с согласия болгарского представителя при Верховном штабе НОАЮ Штерю Атанасова (Виктора). В батальонах и других подразделениях мы создали партийные организации и группы.

В течение четырех месяцев бригада участвовала в десятках боевых операций против фашистских гарнизонов, вела тяжелые и неравные бои с гитлеровскими войсками. Свою боевую деятельность она иногда вела самостоятельно, но чаще всего во взаимодействии с югославскими партизанскими отрядами.

Памятными останутся бои на аэродроме Лясковец, на железнодорожных станциях Лясковец, Гарделица, Топалски-Вис, Бабича, Прешово, в городе Кратово и во многих других пунктах. В этих боях окрепла дружба между болгарскими и югославскими партизанами и народами наших стран.

Действия болгарских партизан бригады имени Георгия Димитрова очень высоко оценивались руководством Народно-освободительной армии Югославии и населением, повсюду радостно встречавшим нас и оказывавшим нам неоценимую помощь.

Как бывший командир бригады, считаю своим долгом сказать, что мне всегда становится очень обидно, когда

я читаю или слышу о том, что будто партизанская бригада имени Георгия Димитрова была сформирована не из добровольно присоединившихся к Народно-освободительной армии болгарских солдат, а из рядовых и офицеров, попавших в плен. Считаю это несправедливостью, забвением подвига болгар, погибших в борьбе против фашизма на югославской земле, пренебрежением к героизму и готовности пожертвовать собой, которые, руководствуясь интернациональными чувствами, проявили все бойцы и командиры бригады, добровольно вступившие на путь борьбы и достойно сражавшиеся с врагами...»

Пока бригада имени Георгия Димитрова действовала на сербской территории, ею руководил Главный штаб НОА Сербии, но она часто организационно входила в состав отдельных дивизий.

В конце июля поступил приказ перейти в Македонию, но затем он был отменен, так как на границе расположилась крупная группировка гитлеровских войск. 10—11 августа снова пришел приказ о переброске бригады в Македонию. Я попрощался с товарищами из Главного штаба НОА Сербии. Командовавший тогда сербскими партизанами генерал Коча Попович передал нам пожелание Верховного штаба НОАЮ побыстрее выполнить приказ и посоветовал до установления связи с Главным штабом НОА Македонии избегать столкновений с врагом, тем более что необходимо было обеспечить доставку важных грузов, которые отправлялись партизанам в Македонию.

Восточнее Врани я и мои спутники встретились с партизанами из Трынского и Радомирского отрядов, прибывшими туда за оружием. С радомирцами пришел и Георгий Аврамов (бай Пешо), назначенный политкомиссаром зоны. Там находился и Денчо Знеполский. Через несколько дней состоялась наша сердечная встреча с партизанами из бригады имени Георгия Димитрова. Все мы снова почувствовали, что представляем собой мощную боевую силу, и это укрепило нашу веру в скорую победу.

Вместе с Георгием Аврамовым и еще несколькими товарищами мы провели совещание с руководством бригады. На нем обсудили состояние подразделений бригады и наметили план будущих действий. По просьбе руководства бригады штаб зоны решил пополнить ее несколькими десятками партизан из Трынского и Кюстендилского отрядов, чтобы увеличить партийную прослойку. Бригада бы-

ла реорганизована: вместо двух батальонов в ней стало три. В штаб бригады, а также в руководство батальонов и подразделений включили товарищей, пришедших из других партизанских отрядов. Партизанам бригады было роздано дополнительное количество оружия и боеприпасов.

Штаб зоны (это совпадало и с желанием самих партизан) хотел, чтобы бригада перешла под его командование и продолжала действовать на болгарской территории. Если быть более точным, то надо сказать, что на первых порах мы намеревались оставить 3-ю болгарскую народно-освободительную бригаду имени Георгия Димитрова в Македонии, чтобы она продолжала действовать, не считаясь со старой государственной границей, и проводила свои боевые операции там, где это необходимо и целесообразно. Кроме того, штаб зоны предполагал посылать в бригаду на обучение партизан-новичков из Трынского и Кюстендилского уездов. Иными словами, перед бригадой помимо боевых ставились еще и учебные задачи.

В силу ряда причин это не удалось осуществить. Хотя бригада перешла в подчинение Главного штаба НОА Македонии, штаб 1-й повстанческой оперативной зоны не переставал интересоваться судьбой болгарских партизан. Прежде чем отправиться на юг, к монастырю «Святой Прохор», на нашем последнем коротком совещании Георгий Аврамов еще раз обратил внимание на необходимость сделать все возможное, чтобы уберечь бригаду от разгрома.

Я тоже несколько раз был в бригаде. Я видел, как бойцы бригады учились владеть новым, только что полученным оружием. Я проверил, как проводится обучение, и дал указания по поводу дальнейших действий. В другой раз я присутствовал на разборе недавно проведенной операции и в своем выступлении отметил положительные моменты и допущенные промахи. Именно тогда я вместе с политкомиссаром бригады Кириллом Игнатовым побывал в Главном штабе НОА Македонии, чтобы уладить несколько вопросов, связанных с жизнью и деятельностью бригады.

Штаб зоны отпечатал листовки с призывом к солдатам переходить на сторону партизан. Они распространялись от имени командования бригады в воинских частях,

располагавшихся в районе между Вранёй и Куманово. Поэтому большинство солдат, добровольно перешедших на сторону партизан, мы направляли в бригаду.

5 сентября я расстался с товарищами из бригады и выехал в Трынский уезд, где встретился со Штерю Атанасовым, Димо Дичевым и Иваном Винаровым. Там началось формирование 1-й гвардейской народно-освободительной дивизии, и я стал ее политкомиссаром...

Я уже упоминал, что весной 1944 года погиб командир зоны и член Главного штаба НОПА Владо Тричков. Незадолго перед этим членом штаба зоны был назначен Делчо Симов. На этой должности он оставался лишь несколько месяцев и летом 1944 года стал командиром бригады во 2-й Пловдивской повстанческой оперативной зоне. В апреле того же года командиром Трынской зоны стал Боян Балгаранов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Большинство людей, о которых я хочу сейчас рассказать, не были членами партии, не посещали наших собраний, не участвовали непосредственно в партизанских операциях. Это были просто добрые, сердечные и честные люди, личные друзья некоторых наших партизан, впоследствии ставшие друзьями многих подпольщиков, нашедших приют в их доме.

Они знали, какая участь их ждет, если полиция дознается, что они помогают нам, но никогда не вели разговоров на эту тему, да и какой смысл говорить об известных всем вещах.

Иногда страх проникал в их души, и тогда эти люди становились молчаливыми, хмурились и замыкались в себе. Но в трудную минуту они преображались, проявляли находчивость, смелость и хладнокровие. А потом, когда опасность исчезала, у них частенько подкашивались ноги от нервного потрясения и на лицах появлялась виноватая улыбка.

— Ох, чуть не завалились!..

Все они были обыкновенными, ничем не примечательными жителями большого города, столь обыкновенными, что даже не числились ни в одном из списков полиции.

Большинство из них до сих пор остались такими же, ничем не примечательными жителями большого города, только старшие из них стали совсем пожилыми, а те, кто тогда были молодыми, и сейчас несут на себе следы пережитых потрясений...

Это случилось летом 1943 года. Я шел по улице после какой-то несостоявшейся встречи и нес в руках только что купленный арбуз, рассчитывая, что это придаст мне вид благонадежного гражданина, заботящегося о своей семье.

Я подошел к дому, где поселился мой друг — сотрудник штаба Софийской повстанческой оперативной зоны Марин Димитров. Тогда в его квартире жил товарищ, который не явился на встречу.

Посмотрев на окно квартиры Марина во втором этаже, я увидел, что в комнате, которую тогда занимал наш товарищ, горит свет. Подумав, что кто-то из нас перепутал час встречи, я вошел во двор. Начал тихонько

насвистывать условную мелодию, но, хотя окно оставалось открытым, мне никто не ответил. Вероятно, товарищ пошел на кухню за водой, решил я. Встав под самым окном, снова стал насвистывать. Никакого ответа. «Может быть, он заговорился с хозяйкой?» — мелькнула мысль. И я решил подняться наверх.

Как раз в этот момент из небольшой мазанки в глубине двора вышла молодая женщина с ребенком на руках. Она пристально посмотрела на меня и, стараясь не стучать своими деревянными подошвами, направилась ко мне. Я остановился.

— Куда вы идете? — тихо спросила женщина.

— К Марину. Мы с ним коллеги — студенты-медики, — соврал я.

Женщина оглянулась, потом ее взгляд остановился на мне, как бы желая проникнуть глубоко в мои мысли, чтобы понять, что я за человек.

— Марина нет. Его, кажется, арестовали. А в комнате у него дежурят полицейские. Если кто-нибудь захочет подняться к нему — пожалуйста, но выйти оттуда...

Женщина как-то неопределенно улыбнулась, словно рассказывала что-то не особенно важное и даже немного забавное, над чем можно бы и посмеяться.

Улыбнулся и я, хотя у меня по спине поползли мурашки.

Ну что мне оставалось делать? Не лезть же на рожон, в руки полиции...

— Ах вот как? — ответил я равнодушно (по крайней мере, мне так показалось) и посмотрел на подъезд. Там никого не оказалось. — Ну, в таком случае я, пожалуй, пойду.

— Уходи, уходи, — прошептала женщина скороговоркой и, повернувшись ко мне спиной, заговорила с ребенком: — Сейчас мама пойдет с тобой гулять и заодно встретим папу...

А я уже шел по улице, не оглядываясь, и все ждал, что у меня за спиной прозвучит: «Стой! Руки вверх!» Но все обошлось, и меня никто не остановил.

Придя на квартиру к Цеце и Гено Йовевым, где меня ждала Невена и где я собирался заночевать, первым делом положил арбуз на стол. И только тогда заметил, что он весь исцарапан моими ногтями...

А женщина?

Это была совсем обыкновенная, красивая, добрая, молодая женщина, которую я ни тогда, ни после победы, занятый повседневными заботами, даже не успел поблагодарить.

Мы никогда не предупреждали бай Илию о своем приходе. И он, и тетка Йорданка знали, что по вечерам гости не должны задерживаться у них, поэтому и сами перестали ходить в гости к друзьям.

И как-то раз вечером, опять-таки без предупреждения, я постучался в дверь дома бай Илии. Мне открыл хозяин и, увидев меня, сразу же переменился в лице. Я решил пройти в кухню, но он встал у меня на пути.

— Войдем сюда, — сказал он и показал мне на спальню.

— Что случилось, бай Илия?

Тот быстро прикрыл за собой дверь и ничего не ответил. Я не выдержал и повторил свой вопрос.

— Вот, видишь ли, что получилось...

— Послушай, объясни мне по-человечески, что случилось! — Я уже начал по-настоящему тревожиться.

— Значит, ты ничего не знаешь?

— А что я должен знать?..

— Значит, так. И никто тебе ничего не говорил?

— Послушай, ты начинаешь меня злить.

— Сегодня приходил мой брат Стефан. Он ведь работает в суде... — заговорил бай Илия, явно избегая моего взгляда.

— Снова меня приговорили?..

Открылась дверь, и в комнате появилась тетка Йорданка. Она только что мыла в кухне посуду — рукава ее платья были закатаны.

— Здравко! Тебя приговорили к смертной казни...

— Ну и что же?

Бай Илия смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Затем глубоко вздохнул и начал втолковывать мне, что означает смертный приговор. Увидев, что я никак не реагирую, махнул рукой и, обессиленный, опустился на стул. Я понял, что его надо как-то успокоить.

— Послушай, бай Илия. Ты знаешь, что я вооружен?

— Знаю, Здравко.

— Значит, раз я хожу по улицам с пистолетом и гранатами, то решил живым не даваться в руки полиции. Ну

разве имеет какое-нибудь значение то, что суд приговорил меня к смертной казни?

— Оно так...

Тут вмешалась тетка Йорданка.

— Я же говорила, Илия, а ты... Ну, Здравко, пошли на кухню. Сегодня приготовила гювеч — пальчики оближешь...

О моем приговоре мы больше и словом не обмолвились.

Двери дома Гюрги и Драгана Орловых всегда были для меня открыты. И не только для меня. Там находили приют и Свилен Русев, и другие перешедшие на нелегальное положение товарищи.

Орловы жили тогда на улице Пиротска. Едва дождавшись сумерек, я отправился к ним домой. В тот вечер мне хотелось послушать передачу радиостанции имени Христо Ботева. Не знаю почему, но на середине пути я остановился и решил переночевать в другом месте. Возможно, мной руководило предчувствие, а возможно, просто случайность спасла меня тогда. Потому что в ту ночь Драгана арестовали и увезли в полицию. Представляете себе, что бы произошло, если бы меня застали у него в доме?

Ни о чем не подозревая, на следующий вечер я постучался в дверь их дома. Тогда-то Гюрга и рассказала мне о случившемся. Попытался, как мог, ее успокоить, а она даже в эти трудные для нее минуты не забыла спросить, есть ли у меня место для ночлега. После двадцати дней пыток, во время которых Драган держал себя весьма достойно, полиция освободила его из-за отсутствия улик, и я снова начал посещать дом Орловых. А они остались прежними — преданными и готовыми пожертвовать собой, несмотря на опасности, несмотря на то, что не раз встречались с глазу на глаз со смертью.

В те годы я засыпал буквально мгновенно — как только прикасался к подушке. Мог спать повсюду и в любое время. Лишь бы нашлись пятнадцать минут или полчаса свободного времени, лишь бы под рукой оказались стул или стол, на которые можно опереться. А просыпался и того легче.

Кто-то слегка дотронулся до моего плеча.

— Здравко, проснись же.

Открыл глаза. Надо мной склонился Исак Примов, мой друг и помощник, в квартире которого на углу улиц Позитано и Средна-Гора я часто ночевал.

Сел в постели, а рука автоматически скользнула под подушку, где я держал пистолет.

— В чем дело?

— Облава.

Это было в мае 1943 года, на следующую ночь после убийства директора полиции полковника Пантева. До рассвета оставалось часа два, но Исак внезапно проснулся, услыхав из открытого окна топот шагов проходивших строем солдат. Они группами отправлялись занимать указанные им позиции.

Много ли времени нужно подпольщику, чтобы одеться и обуться? А оружие у него всегда наготове.

До начала обысков могло пройти и несколько часов, и Исак повел меня на кухню.

— Давай съедим чего-нибудь...

От подобных предложений я никогда не отказывался. Неизвестно, когда доведется сесть за стол в следующий раз.

За столом решили, что Исак спрячет меня в погребе и я пробуду там до конца облавы. Мы спустились вниз задолго до рассвета. Погреб оказался просторным помещением, забитым дровами, углем и разным старьем.

Сначала мы подготовили тайник. С этой целью разгребли большую дыру в куче угля. Уложили на дно две доски и застелили их домотканым ковриком, соорудили «стены» из поленьев, и я улегся в этом тайнике.

Как заботливый мастер-строитель, Исак занялся «крышей». Сверху набросал в беспорядке множество поленьев, чтобы никому не пришло в голову, что может скрываться под ними.

Сначала я почувствовал лишь некоторое неудобство от пребывания в этом тайнике, потом мне показалось, что тяжесть набросанных над головой поленьев все растет, давит на меня и я начинаю задыхаться. Хорошо еще, что мы оставили отверстие, через которое проникал воздух.

— Терпеть можно?

— С трудом.

— Ну ничего, придется вынести и это. Лишь бы скорее прошла облава.

— Ладно, ладно, иди наверх.

Мы договорились, что, пока не кончится облава, Исак не спустится вниз, но он не вытерпел и до десяти утра. Люк в погреб вдруг открылся, я услышал, как вниз скатилось ведро и кто-то с шумом бросил в него несколько поленьев.

— Ну что, кончилась облава?

— Еще нет. Хочешь сигарету?

Конечно, хотелось покурить, но нельзя же задымить весь погреб.

— Ничего страшного, — угадал мои мысли Исак. — Скажу, что я курил. Сейчас отнесу наверх дрова, спущусь к хозяину сыграть в нарды и узнать новости...

Хозяин был ярым сторонником властей, но и он был недоволен начавшейся облавой, потому что это перепутало все его планы на день. Исак пришел к нему, они выпили по рюмке ракии, сыграли партию-другую в нарды и завели один из тех бесконечных разговоров, которые характерны только для заядлых охотников и игроков в нарды. Так продолжалось часов до шести вечера.

Наконец появилась группа, проводившая обыск. Агенты выпили по рюмке, закусили и, не очень затрудняя себя осмотром комнат, собрались подняться на следующий этаж, но Исак остановил их.

— Одну минуточку, — сказал он, — заходите ко мне.

Агенты переглянулись. Это что за человек, осмеливающийся делать им подобное предложение? Но хозяин дома им подмигнул.

— Он — хлебосол. Останьтесь.

Когда агенты вошли в гостиную Исака, там их ждал такой роскошный стол, какой только могла позволить введенная в те годы карточная система.

— Ну если мы повсюду будем так задерживаться, — проговорил один из агентов, — то не закончим начатое дело и через два дня.

— Да перекусите, — приглашал Исак. — Ведь и вам не позавидуешь. Рыться в погребах и на чердаках, проверять документы...

— Выпейте, — поддержал Исака хозяин дома, разливая ракию по рюмкам. — Мы здесь все свои люди.

Само собой понятно, что после подобного угощения о проверке уже не могло быть и речи. Немного погодя Исак спустился в погреб. Когда я наконец вылез из своего убежища, то был похож на трубочиста. Пока Исак находился со мной в погребе, его жена и дети дежурили на лестнице, чтобы в случае опасности подать сигнал, но ничего тревожного не случилось, и я поторопился прямо к крану, чтобы умыться.

Уже смеркалось. Мы ждали, что облава вот-вот кончится, но по радио передали:

— Предупреждаем всех софийских жителей, что облава будет продолжена завтра. Уведомляем граждан, что постам отдан приказ стрелять без предупреждения по любому человеку, показавшемуся на улице. Предупреждаем граждан...

— После стольких предупреждений, — рассмеялся Исак, — я считаю, что ты можешь поесть и ложиться спать. А мы останемся на посту.

Я лег, а они дежурили по очереди и не отходили от окон до тех пор, пока я не проснулся.

Недалеко от Исака жили другие мои друзья и помощники, знавшие о том, где я решил переночевать. В первый же день облавы Амалия, десятилетняя дочь этих товарищей, с разрешения постовых вышла на улицу поиграть. Фактически же она караулила около дома, «чтобы увидеть, не случится ли чего с дядей Здравко».

Когда наконец облава кончилась, Амалия вприпрыжку поднялась по лестнице дома, в котором жил Исак, и бросилась мне на шею. Немного погодя снова убежала на улицу. В ее спущенных и подвернутых до щиколоток чулках я спрятал записочку, которая содержала всего лишь четыре слова:

«Мама, я здоров. Здравко».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«...Нам сообщают, что во многих селах должности старост и сборщиков налогов вакантные. Работа сельских управ дезорганизована дерзкими нападениями нелегальных... Мы не раз ставили вопрос об усилении полицейских формирований, но до сих пор наши просьбы не удовлетворены.

...Патриотически настроенные круги встревожены дерзкой деятельностью нелегальных и их помощников... Нелегальные очень хорошо вооружены современным автоматическим оружием, действуют группами от 10 до 200 человек, часто переодеваются в военную и полицейскую форму».

(Из доклада Софийской областной дирекции полиции министру внутренних дел, июль 1941 года)

«...В текущем году их натиск достигнет кульминации... Они предпримут невиданный поход против общественной безопасности».

(Из разведывательного донесения штаба армии)

«Во всем районе партийные организации при поддержке комитетов Отечественного фронта должны немедленно поднять массы на вооруженное восстание во имя установления народной власти».

(Из циркуляра № 1 окружного комитета партии по Кюстендилскому, Дупницкому и Босилеградскому уездам от 3 сентября 1944 года)

1

Партия, да и не только партия, а весь болгарский народ, опираясь на богатейший опыт борьбы, вдохновленные победоносным наступлением Красной Армии, гото-

вились к решительному штурму. И я возвращаюсь назад, потому что сами события — их глубокая связь и взаимная обусловленность — уже неоднократно заставляли меня при описании нарушать хронологическую последовательность.

Общеизвестно, что Девятое сентября — это не случайно выбранный день, а события, происшедшие тогда — не результат непредвиденного стечения обстоятельств, и поэтому я здесь повторю только то, что стало для всех нас непререкаемой истиной.

Если бы боевые силы партии не оправились столь быстро от тяжелых ударов, нанесенных им в мае и июне 1944 года, если бы партия болгарских коммунистов не проявила столь выдающуюся тактическую гибкость, если бы Отечественный фронт не стал политической реальностью, едва ли удалось бы завоевать столь желанную свободу.

Чтобы не быть голословным, позволю себе сослаться на некоторые партийные документы того периода.

Директива
штаба 1-й повстанческой оперативной зоны
(об опыте действий партизан зоны после падения правительства Божилова — Дочо Христова)

«...Перед боевыми силами Отечественного фронта стоит следующая главная задача: вскрыть дислокацию немецких войск, срочно повсеместно организовать уничтожение немецких штабов, коммуникаций, аэродромов, складов, эшелонов, транспортных судов и пр. Перед ними ставится также и следующая важная задача: выявить все предприятия и вообще хозяйственные объекты, работающие на гитлеровцев или снабжающие их продуктами питания; организовать смелые нападения на эти объекты с целью их уничтожения; широко привлекать рабочих к проведению актов саботажа на предприятиях и на транспорте, а также организовать массовое сопротивление крестьян реквизициям сельскохозяйственных продуктов.

Решение этих проблем поможет нам выполнить и все остальные задачи.

...Для этой цели необходимо прежде всего усилить существующие партизанские части и создать новые под-

разделения, сконцентрировав все их внимание на определенных объектах.

Опыт показывает, что только благодаря тому, что партизанское движение в зоне вступило в фазу укрупнения партизанских частей, оно смогло добиться значительных политических и военных успехов:

а) партизанские части, усилив свою мощь, сумели провести ряд успешных операций и несколько победоносных сражений с численно превосходящими силами противника;

б) партизанское движение стало решающим фактором в политической жизни страны;

в) партизанское движение приобрело еще большую популярность в народных массах;

г) смелые и открытые действия партизан развеяли в пух и прах «теорию об особых условиях в Болгарии»;

д) действия наших партизанских частей в немалой степени способствовали укреплению международного авторитета партизанского движения в нашей стране;

е) ...стало возможным осуществить широкое боевое сотрудничество с братскими македонскими и сербскими партизанами, действовавшими в пограничных с Болгарией районах.

Это имеет огромное политическое и военное значение для борьбы против общего врага и для будущего...

Приток новых бойцов в ряды партизан ставит перед нами ряд проблем: часть бойцов не обучена, не подготовлена в моральном отношении к тому, чтобы справляться с трудностями; в отрядах часть бойцов не имеет оружия. В некоторых отрядах это послужило поводом к тому, чтобы прекратить мобилизацию граждан в партизанские части.

Мобилизацию надо форсировать... надо усилить существующие отряды и сформировать новые. Командиры и комиссары действующих отрядов должны настойчиво преодолевать трудности в обеспечении новых бойцов оружием и обмундированием, в организации их обучения...

Опыт показывает, что необходимо немедленно приступить к созданию широкой сети боевых групп во всех на-

селенных пунктах. Задача этих групп заключается в следующем: оказывать всестороннюю помощь действущим партизанским частям и содействовать пополнению их новыми бойцами; проводить акты саботажа, диверсионные и террористические акты, при необходимости принимать участие в крупных операциях партизанских отрядов, батальонов и бригад; создать широкую сеть разведки и своевременно доставлять действущим партизанским частям необходимые сведения о расположении, силах и передвижениях противника, об объектах для нападения, о фашистских организациях и отдельных их представителях, которых нужно уничтожить, о настроениях масс и т. д.; установить прочные связи между собой и с партизанскими отрядами; организовывать сбор одежды, обуви, продуктов, а также обеспечивать расквартирование партизан при вступлении их в населенные пункты; укрывать и организовывать лечение больных и раненых бойцов.

Боевые группы действуют под непосредственным руководством штаба соответствующего партизанского отряда (соединения).

Новые задачи, стоящие перед партизанским движением, с особенной остротой ставят перед нами вопрос о повышении боеспособности партизанских частей и соединений. Командный состав частей должен упорно и систематически изучать военное дело, осваивать партизанскую тактику и искусство управления подразделениями в бою.

Командиры и комиссары должны настойчиво обучать бойцов владению оружием, действиям в бою, в походе и па отдыхе. Надо повышать политическую сознательность бойцов и воспитывать в них боевые партизанские качества, дисциплинированность, выносливость, смелость, инициативность, готовность пожертвовать собой, бдительность, дружеское отношение к товарищам, требовательность к себе.

Нужно всегда помнить, что партизанские части пока еще не в состоянии продолжительное время вести позиционные бои, и поэтому основой нашей тактики остаются внезапный, неожиданный удар, высокая маневрен-

ность, широкое проведение диверсионных актов в тылу врага с целью ввести его в заблуждение и расчленить его силы.

Вредной является практика отдельных отрядов продолжительное время оставаться на одном и том же месте, в одном и том же лагере. Не следует злоупотреблять выносливостью партизан, но и нельзя допускать благодушия. Действовать надо умело, используя проводников. Необходимо продуманно выбирать место для зимовки отряда.

...Нужно смело выполнять планы согласованных нападений нескольких отрядов на различные объекты, расположенные в зоне. Необходимо установить и еще больше укрепить взаимодействие с отрядами из соседних зон. При первой возможности следует переходить на связь со штабом зоны по радио.

Штабы отрядов должны выделить специальных людей для установления прочных связей с воинскими частями и гарнизонами, расположенными в районе их действия. Необходимо выявить и привлечь на свою сторону всех честных, антифашистски настроенных солдат и офицеров и организовать их массовый переход в партизанские отряды...»

Эти выдержки не нуждаются в комментариях. Они наглядно свидетельствуют о реальном положении дел, а именно с позиций подлинной достоверности я и стараюсь вести повествование...

В тот момент, когда ценой стольких усилий удалось подготовить почву для всенародного антифашистского восстания и партия вела последние приготовления к нему, монархофашистские власти сумели нанести нашим партизанским соединениям несколько весьма ощутимых ударов. В неравных боях мы потеряли и рядовых бойцов, и руководителей крупного масштаба. Но даже в эти труднейшие времена, впрочем, как и раньше, в наших рядах не наступили растерянность, отчаяние, не появилась мысль об отступлении. Буквально сразу же после кровавых сражений начиналась перегруппировка сил. Больше того, в ряды партизан непрерывным потоком вливались новые

бойцы, среди которых были не только коммунисты и ремсисты, но и представители всех других патриотических сил.

Несмотря на трудности, которые мы испытывали в результате временных неудач, за короткий период более 350 коммунистов и ремсистов столицы влились в наши партизанские соединения. Чаще всего новые бойцы отправлялись в отряды группами от трех до двадцати человек по нескольким маршрутам:

София — Банкя — Рыстеник — Глоговица — Знеполе

София — Перник — Темелково — Елов-Дол — Видраре

София — Негован — Локорксо — Мургаш

София — железнодорожная станция Столник и Негушево — Чурек — Мургаш

София — село Сириштник Радомирского уезда...

София — железнодорожная станция Земен — село Трекляно Кюстендилского уезда

София — село Риждавица — Кюстендил...

В это же самое время, в июле 1944 года, окружной комитет партии обратил самое серьезное внимание всех местных партийных организаций на сохранение численности их рядов, на укрепление связей с трудящимися на предприятиях столицы, на все более активное вовлечение их в антифашистское движение Сопротивления, в ряды партии и РМС.

Вот мы и снова опередили события...

Нужно со всей определенностью сказать, что еще когда разрабатывались планы похода 1-й и 2-й софийских партизанских бригад и бригады «Чавдар», то не всем были очевидны риск и опасности, которые нас ждали. Кое-кто называл эти походы самым кратким путем к свободе, генеральной репетицией всенародного восстания... Но мне кажется, что это справедливо лишь отчасти.

Обстановка вынуждала нас торопиться. Нам следовало любой ценой, несмотря ни на какие жертвы, удержать освобожденные от врага районы страны и там провозгласить власть правительства Отечественного фронта. Ведь палачи Болгарии, даже в предсмертной агонии сохранявшие рабскую верность фашистской Германии, неудержимо толкали страну к третьей национальной катастрофе.

Часть болгарской буржуазии, не связанная открыто с Гитлером, чтобы оградить собственные интересы, была готова продать наше национальное достоинство на сей раз Соединенным Штатам и Англии.

Уже не дни, а часы и минуты определяли судьбу нашей родины. Вот почему нам понадобилась свободная территория! Вот почему нам понадобилось правительство Отечественного фронта, которое бы открыто заявило перед всем миром об антифашистских устремлениях болгарского народа, отмежевалось бы от предательских уловок болгарской буржуазии.

Именно поэтому наши партизанские соединения предприняли свои нелегкие походы. Правда, во время этих походов мы допустили ряд ошибок, которые нам дорого обошлись.

Территорию в намеченных масштабах мы так и не смогли отвоевать. Но уже за несколько месяцев до дня освобождения во многих районах страны враг был вынужден считаться с нашей силой. В ряде населенных пунктов старостами и заместителями старост становились наши единомышленники, и их выдвигали сами крестьяне. А это означало что власть Отечественного фронта уже становилась реальностью.

Но обратимся еще раз к документам.

Мне хочется привести выдержки из директивы софийского окружного комитета БКП о борьбе против правительства Багрянова, которая была издана в июне 1944 года. В директиве еще раз проявляется политическая зрелость нашей партии (это станет очевидным, если сопоставить эту директиву с директивой штаба зоны), потому что, всесторонне оценив создавшуюся обстановку и не отказавшись от избранного пути, партия перегруппировала свои силы и сумела быстро изменить и приспособить свою тактику к новым условиям.

Вот эта директива:

«При нынешнем сосредоточении войск, жандармерии и полиции в Софийской области отряды должны проявлять больше гибкости. Необходимо временно расчленить наши бригады и крупные отряды на более мелкие подразделения и группы, обладающие высокой подвижностью и маневренностью. Эти подразделения и группы будут действовать в соответствии с общим планом и под общим руководством. Там, где решение определенной за-

дачи потребует больше сил, можно одновременно использовать несколько подразделений и групп. Вопрос о численном составе отдельных подразделений и групп следует решать на местах в зависимости от местных условий, возможностей и характера объектов, которые намечено атаковать. Надо иметь в виду, что такое расчленение сил носит временный характер. Необходимо продолжить привлечение новых бойцов в существующие отряды, создавать новые.

Опыт показывает, что наряду с партизанскими отрядами мы должны быстро создавать в каждом населенном пункте активные боевые диверсионные группы, которые вели бы разведку, собирая сведения о передвижении, численности, вооружении и намерениях вражеских сил. Кроме того, боевые диверсионные группы должны добывать оружие, совершать акты возмездия в отношении предателей, немецких агентов и т. п.

Необходимо приложить все усилия для установления связи с демократически и антифашистски настроенными офицерами и унтер-офицерами армии, разъясняя им роль и задачи партизанских отрядов, призывая перейти на сторону борющегося народа. В обращении к офицерам и солдатам следует особо подчеркнуть, что партизаны не желают сражаться против болгарской армии, хотят вместе с ней бороться против гитлеровцев и их хозяйничанья в нашей стране. Офицерам и солдатам надо объяснить, что, борясь против партизан, они помогают гитлеровцам, предают интересы Болгарии, становятся палачами собственного народа и будут отвечать перед ним. Суровая кара ждет каждого офицера и солдата, принявшего участие в преследовании и убийствах болгарских, югославских и греческих партизан».

Последовавшие за этим события только подтвердили правильность этих решений.

Как я уже упоминал, в неравной битве с врагом погибли командир зоны Владо Тричков и политкомиссар Владо Георгиев. В течение месяца или двух окружному комитету партии вместе с начальником штаба зоны пришлось самим решать вопросы, связанные с руководством партизанским движением на территории зоны. Каждый из нас понимал, что так долго продолжаться не может и необходимо пополнить штаб зоны новыми людьми. В конце августа 1944 года штаб зоны был сформирован

заново, в него вошли Тодор Живков, Георгий Аврамов, Славчо Трынский и автор этих строк.

Об этом решении вновь назначенные члены штаба узнали поздно. Некоторые из них так и не сумели приступить к исполнению своих обязанностей. Буквально через несколько дней после своего назначения Георгий Аврамов попал в засаду и погиб. Я в это время находился на территории Югославии. Практически всей работой штаба руководил Тодор Живков. Разумеется, ему помогали и другие товарищи, в частности Георгий Аврамов. И если я не рассказываю о нем отдельно, то только потому, что, к сожалению, мы недолго работали вместе, я мало знал его. Он был обаятельнейшим человеком, опытным организатором, авторитетным политическим руководителем. Георгий Аврамов пробыл на посту политкомиссара зоны всего несколько дней, но с февраля 1944 года Аврамов являлся постоянным представителем окружного комитета партии в западных районах зоны. Нет таких сел в Трынском, Брезницком, Радомирском, Босилеградском уездах, где бы не знали его. Вот несколько слов из характеристики, которую дал Георгию Аврамову Владо Тричков.

«Георгий Аврамов беспредельно предан делу партии... Умеет быстро найти контакт с массами, общителен, отзывчив, терпелив, настойчив, подвергался полицейским преследованиям, но всегда сохранял верность идеалам партии».

Скажу несколько слов и о Тодоре Живкове.

Его исключительная скромность, которую он сохраняет, став руководителем нашей партии и государства, часто служила причиной того, что его роль в нашем движении Сопротивления не находила должного и справедливого освещения.

Отчетливо сознаю, что один я едва ли смогу восполнить этот пробел. Но не хочу, да и не имею права обойти его имя молчанием.

...Еще тогда, в суровые дни испытаний, Тодор Живков обладал замечательным организаторским талантом, теми высокими моральными качествами и политической прозорливостью, которые были присущи самым выдающимся руководителям нашего антифашистского движения Сопротивления. А со многими из них мне выпало счастье работать вместе.

Как и большинство наших самых видных руководителей, Тодор Живков является сыном своего класса, нашей Коммунистической партии. В ее рядах он сформировался как руководитель крупного масштаба, в ее рядах он воспитал в себе высокую нравственность и обрел политическую зрелость.

Я уже отмечал, что вторая Мургашская конференция стала поворотным пунктом в жизни чавдарцев. Организатором и руководителем этой конференции были партия и ее представитель в отряде — Тодор Живков. Его постоянное присутствие — сначала как представителя окружного комитета партии, а затем и как заместителя командира зоны — обеспечило правильную ориентацию, политическую и боевую активность людей того района, в котором действовали чавдарцы. С его именем самым непосредственным образом связано массовое вступление в отряд новых партизан.

Двери многих домов этого края всегда оставались открытыми для Тодора Живкова. Многие с готовностью делились с ним последним куском хлеба. Сколько раз я слышал, как о нем говорили с искренней любовью: «Янко пришел. Наш Янко...» Люди не знали, какую должность он занимает, не знали его прошлого, а тем более не могли предвидеть его будущего. Для них он оставался просто человеком, товарищем, коммунистом, на которого при любых обстоятельствах можно положиться. Меня, да и не только меня, всегда поражало его исключительное умение в своих отношениях со всеми людьми вести себя как равный с равным. Как равный с равным, он разговаривал и с обыкновенными крестьянами, и с рабочими, и с представителями интеллегенции.

Подобно самым выдающимся нашим партийным руководителям Тодор Живков сочетал в себе суровую непримиримость к допущенным ошибкам и исключительную заботу о человеке, умение точно и верно оценить людей и обстоятельства. Ему неизменно удавалось внушить людям справедливость самого сурового наказания... Возможно, это происходило потому, что он сурово и беспощадно относился прежде всего к самому себе. Не верится, чтобы кто-нибудь из товарищей, допустивших ошибку, мог бы забыть, даже сейчас, через столько лет, справедливый его укор. Но с такой же страстью он умел и защищать людей. И не отнимать у них последнюю возможность от-

стаивать свое достоинство. Он щадил жизнь людей, но не щадил их совести. Мне запомнился случай, когда партизаны вынесли смертный приговор одному из наших врагов. Живков вошел в состав группы, которой предстояло привести приговор в исполнение... Преступника застали в его собственном доме. От этого кровопийцы отреклись даже его собственные дети и жена. Тогда Живков предложил: «Мы всегда успеем привести наш приговор в исполнение. Но давайте предоставим ему последнюю возможность...» И в этом случае Живков оказался прав: осужденный, являвшийся заместителем старосты, переменился, перестал притеснять население и угождать властям.

Но я видел Тодора Живкова суровым и непримиримым, когда этого требовали интересы дела.

Тодор Живков обладал большим опытом подпольной работы, строго соблюдал все правила конспирации. Возможно, именно поэтому мало кто знал о его истинной роли в движении Сопротивления. Он как-то незаметно появлялся именно там, где было наиболее трудно и опасно, всегда был готов прийти на помощь, вселить в людей уверенность.

Во время майских сражений 1944 года, когда врагу удалось разбить бригаду «Чавдар», когда был ранен Добри Джуров и многие бойцы погибли, когда голодные и измученные беспрерывными боями, лишенные руководства, оружия и боеприпасов, небольшие группы партизан этой бригады плутали в лесах и становились легкой добычей для рассвирепевшей полиции и жандармерии,— именно в этот момент Тодор Живков взял на себя руководство бригадой.

Сразу же после этих тяжелых боев Тодор Живков оказался в Теренском батальоне, который по сравнению с другими подразделениями понес несколько меньшие потери. За короткий промежуток времени этот батальон стал базой, объединившей разбросанные по всему району партизанские силы. И прежде чем фашисты успели отпраздновать свою пиррову победу, бригада «Чавдар» — еще более сильная и активная, чем прежде, — начала наносить врагу сокрушительные удары. Именно благодаря Тодору Живкову чавдарцы внесли решающий вклад в дело установления народной власти в Болгарии.

В сентябре, когда в Софии была установлена народная власть, Тодор Живков был представителем Главного штаба НОПА. Он возглавлял Оперативное бюро, перед которым стояла задача координировать действия боевых групп и войсковых частей, перешедших и переходящих на сторону Отечественного фронта, партийных и комсомольских организаций в столице и действия партизанских соединений, которые двигались к Софии и участвовали в установлении народной власти. Это были Шопский и Радомирский отряды, бригада «Чавдар», а также 1-я софийская партизанская дивизия. Тодор Живков являлся одним из наших руководителей, непосредственно подготовивших захват власти в столице.

2

Начинался решительный штурм. Столичная партийная организация уже давно находилась в боевой готовности. 6 сентября она организовала массовую демонстрацию, закончившуюся грандиозным митингом и забастовкой трамвайщиков. Она подготовила генеральную стачку и другие массовые акции накануне Девятого сентября. Эти демонстрации и стачки охраняли члены боевых групп и партизаны из Шопского отряда.

Прошу простить меня за некоторую непоследовательность, но мне хочется более подробно рассказать о том, как создавался Шопский отряд и как он действовал.

Еще в начале 1944 года Главный штаб НОПА выдвинул задачу: создать недалеко от Софии еще один партизанский отряд, который был бы готов в подходящий момент действовать в окрестностях столицы и в самой Софии.

Так возник Шопский партизанский отряд. Непосредственным организатором отряда было партийное руководство района во главе с Крыстаном Крыстановым.

В середине июня мы с Бояном Балгарановым и еще несколько товарищей остановились у нашего помощника дяди Величко в доме, расположенном на Илиянском шоссе. Поздно вечером туда пришел и Крыстан Крыстанов. Он был на очередном совещании с руководством Трынского отряда.

Прежде всего он доложил о работе, проделанной им в Трынском районе, и рассказал, что привел в отряд новых партизан, в том числе четырех красноармейцев, освобожденных из фашистского плена на железнодорожной станции Волуяк.

Затем мы занялись самым важным делом. Я разъяснил смысл нашей основной задачи: сформировать Шопский партизанский отряд как регулярную боевую часть. Мы уточнили подробности, распределили всю работу и поздно ночью вместе с Бояном Балгарановым покинули гостеприимный дом бай Величко.

Через несколько дней, 17 июня, 24 человека, все испытанные борцы антифашисты, собрались на берегу реки Крива в местности Грамады. Они и составили ядро будущего Шопского отряда.

«Там, на учредительном собрании, мы обсудили план боевой деятельности отряда, — вспоминает Крыстан Крыстанов, — уточнили состав руководства и район действий».

За короткий период Шопский отряд провел ряд успешных, хорошо организованных операций. Отряд привел в исполнение приговор партизанского суда над предателем Спиридона Апостолова, совершил нападение на сельскую управу и сыроварню в селе Дрымша, нарушил коммуникации в районах Беледие-Хан и Камак, провел политическую акцию в районе Петарча... К концу августа благодаря активным боевым действиям отряд занял достойное место в революционной борьбе, которая развернулась на территории зоны. В это же время отряд направился в село Сенокос Царибродского уезда, где ему предстояло провести несколько совместных операций с отрядом имени Момчила-воеводы. 2 сентября в селе состоялся митинг, на котором выступил Петр Ленков. Он рассказал о повстанческой армии и целях борьбы нашей партии.

На следующий день в село Сенокос прибыл Иван Бонев. Он привез решение руководства о том, что отряд должен немедленно вернуться в старый район действий и, разделившись на две группы, приступить к выполнению новых задач. Одной из групп во главе с Иваном Боневым предстояло отправиться в Софию и поступить в распоряжение окружного комитета партии и штаба зоны, а другой — ждать получения сигнала, чтобы овладеть рядом сел и установить там народную власть.

4 сентября группа Ивана Бонева пришла в село Обеля и на следующее утро направилась к Софии. Партизаны укрылись в квартале Коньовица — в щелях, отрытых для защиты от воздушных налетов, в сквере перед церковью Св. Петра и Павла.

Иван Бонев сразу же пошел в дом бай Цветана Стоянова на Царибродской улице. Там тогда работало Оперативное бюро в составе Тодора Живкова, Станко Тодорова и Владимира Бонева. Иван Бонев доложил о прибытии партизан из Шопского отряда.

Бюро разработало конкретный план охраны митинга в сквере рядом с родильным домом, а также демонстрации и забастовки трамвайщиков...

Политбюро ЦК партии уже подготовило план решительного штурма. В полную боевую готовность были приведены все силы, которыми в тот момент располагали партия и Отечественный фронт. На основе последних данных, собранных Благоем Ивановым, Тодором Живковым и Бояном Балгарановым, была утверждена дислокация всех партизанских бригад и отрядов, действовавших на территории зоны.

На состоявшемся 5 сентября совещании Тодор Живков, Благой Иванов и другие товарищи уточнили данные об имеющихся в нашем распоряжении резервах и порядок взаимодействия между партизанами, боевыми группами и войсковыми частями. Оперативная связь между этими силами 9 сентября осуществлялась непосредственно Тодором Живковым и Петром Илиевым.

Кроме Шопского отряда в Софии и ее окрестностях действовали и другие партизанские подразделения. Боевые группы, которыми в последнее время руководил Владимир Бонев, ни на день не прекращали своих действий и помогли нам парализовать фашистский полицейский и административный аппарат. Непосредственное участие в штурме 9 сентября принял и ряд подразделений софийского гарнизона. Это были части, в которых наша подпольная организация задолго до решительного штурма привлекла на сторону народа солдат, унтер-офицеров и часть офицерского состава. Не случайно поэтому Девятого сентября и в последующие дни во всех подразделениях столичного гарнизона на базе подпольных организаций были созданы солдатские комитеты, закрепившие позиции партии в войсках. Партизанские бригады и от-

ряды, боевым маршем продвигавшиеся к Софии, повсюду на своем пути устанавливали власть Отечественного фронта, лишая таким образом монархофашистов последней надежды на подход в столицу подкреплений.

Отнюдь не желая недооценивать события 9 сентября 1944 года (штурм был хорошо задуман и эффектно осуществлен), думаю, что будет неправильным, по крайней мере неточным, если мы только в этом дне станем искать доказательства политической зрелости нашей партии, ее всепобеждающего духа. Вооруженное восстание представляло собой весьма длительный и трудный процесс острых политических и классовых столкновений, подлинное испытание воли и силы людей. Штурм Девятого сентября стал его логическим финалом. Это был только эпизод пролетарской революции, наш национальный вклад в гигантскую битву против фашизма.

Само собой разумеется, решающую роль сыграла Красная Армия-освободительница, передовые части которой уже вышли на наш дунайский берег. Варна и несколько других городов Северо-Восточной Болгарии уже торжественно встретили русских братьев, вторично освободивших их... Если бы не победоносный марш Красной Армии, борьба нашего народа, равно как и борьба остальных народов Европы и даже всего мира, несомненно приобрела бы совсем другой характер, ее постигла бы совсем иная судьба. В самые трудные и героические моменты Сопротивления, в часы самых тяжких испытаний мы не чувствовали себя одинокими. Мы жили и боролись с мыслью о непобедимой мощи советского народа.

3

Прежде чем закончить свое повествование мне хочется все, что было сказано о победе Девятого сентября в Софии, дополнить рассказом о событиях, происходивших в это время на остальной части территории нашей зоны.

...Закончив переговоры с Главным штабом НОА Македонии, я отправился в район села Кална, где застал группу Штерю Атанасова. Я рассказал о результатах переговоров с югославскими товарищами, и Атанасов сразу же связался по радио с Москвой. Георгий Димитров настоял на том, чтобы партизанская бригада, носившая его

имя, перешла на болгарскую территорию. К сожалению, однако, это стало возможным только после 9 сентября, и бригада не смогла участвовать в штурме и освобождении столицы. Все же она внесла существенный вклад в установление власти Отечественного фронта в Западной Болгарии.

В первые дни сентября в районе действий Трынского отряда сосредоточилось много партизанских подразделений. Я имею в виду прежде всего батальон Бояна Михнева и еще один батальон царской армии, перешедший на нашу сторону в районе вершины Тумба.

Наши ряды множились с каждым часом...

Именно поэтому во исполнение решения Главного штаба НОПА и штаба зоны создавать мощные партизанские соединения, способные выполнять более крупные боевые задачи, была сформирована 1-я софийская партизанская дивизия.

7 сентября у села Кална состоялось совещание, на котором обсуждался этот вопрос, и здесь присутствовали Денчо Знеполский, Димо Дичев, Штерю Атанасов, Иван Винаров, Димитр Гилин, автор этих строк и несколько товарищей из группы Штерю Атанасова.

Мне не хотелось бы умалчивать о том, что во время обсуждения возникло довольно много споров. Кое-кто из товарищей утверждал, что нет условий для создания такого крупного партизанского соединения, что это затруднит снабжение его продуктами питания, оружием и боеприпасами... Но верх взяла другая, правильная точка зрения!

Командиром первой партизанской дивизии стал Славчо Трынский (в тот момент из-за ранения он отсутствовал), политкомиссаром — автор этих строк, заместителем командира дивизии и командиром 1-й бригады — Денчо Знеполский, командиром 2-й бригады — Славчо Радомирский.

Партизанская дивизия, насчитывавшая в своем составе около 1300 бойцов, 9 сентября активно участвовала в установлении власти Отечественного фронта в районе своих действий.

В ночь на 9 сентября мы выступили из района Дысчен-Кладенец к Трыну и на рассвете 9 сентября вошли в село Мирославцы, где нас встретил ликующий народ. После этого на всем протяжении пути до Трына нас

встречали с цветами и песнями. Обижались только на то, что мы нигде не задерживались, но нас ждали в городе.

Не буду подробно рассказывать о том, как нас встретили в Трыне. Достаточно отметить, что, несмотря на поздний час, жители высыпали на улицу. Штаб дивизии обосновался в одном из лучших домов, а бойцов разместили в здании школы и в больших домах.

Сразу же к нам потянулся бесконечный поток добровольцев из близких и дальних сел этого непокоренного края...

Командованию дивизии пришлось провести большую организационную работу, позаботиться о сохранении революционного порядка в дивизии, вооружить новичков. Должен сразу сказать, что в то время мы располагали достаточными запасами оружия. Когда дивизия вошла в Трын, некоторые партизаны имели по два автомата. 5 или 6 сентября в районе западнее Дысчен-Кладенца советские самолеты сбросили на парашютах большую партию автоматов, легких пулеметов, гранат и боеприпасов. Поэтому нам не составляло труда вооружить прибывших добровольцев.

11 сентября мне удалось связаться по телефону с Софией и переговорить с Катей Авраловой, работавшей тогда секретарем в Министерстве внутренних дел. От нее я узнал, что моя жена жива и что... А до этого я получил известие о том, что она убита.

На следующее утро я отправился в Софию, чтобы установить контакты с товарищами, получить новые указания от командования Народно-освободительной армии и хоть мельком повидаться с родными.

Сразу же по прибытии в Софию я направился в штаб НОПА и встретился с Благоем Ивановым. От него я получил указания о приеме добровольцев и узнал, что в ближайшее время дивизии будет придано артиллерийское подразделение. Дивизия должна была подготовиться к боевым действиям по освобождению Югославии от гитлеровских войск, сосредоточившихся южнее и северо-западнее города Кула.

Встретился я с женой, матерью, родственниками, увидел освобожденную Софию. Но уже через несколько часов мне пришлось возвращаться обратно в штаб дивизии, где меня ждали неотложные дела.

И тогда я, кажется, впервые задумался о пережитом, о том, что касалось только меня и не было связано с нашей борьбой. Прежде всего вспомнил о теплых встречах с мамой, правда, совсем редких, потому что каждый раз приходилось принимать тысячу всяких предосторожностей. Тогда я вспомнил, что во время этих встреч она не пролила ни одной слезы и всегда подбадривала меня, как и надлежало матери коммуниста.

Подумал и о Невене, своей жене. В сущности, я никогда не переставал думать о семье, но в будничных делах человека, находящегося на нелегальном положении, да еще не раз приговоренного к смерти, оставалось мало места для мыслей о доме, детях, уюте...

Чаще всего я вспоминал о нашем обручении с Невеной. Еще в самом начале войны полиция сослала ее в концентрационный лагерь «Крысто Поле», а потом в «Свети Никола». Ее освободили за день до наступления нового, 1943 года, и мы встретили его вместе в доме Аладжемовых на улице Бориса. Собрались только друзья. Мы встречали Новый год под знаком побед Красной Армии, и это создавало такую радостную атмосферу, мы чувствовали себя настолько счастливыми, что я забыл даже о том, что приговорен к смертной казни.

Мне вынесли этот приговор еще до того, как Невена стала моей женой. Однажды воскресным утром Невена и я вместе с Бистрой и Димитром Аврамовыми, в доме которых мы тогда скрывались, пришли в церковь в квартале Лозенец. За приличное вознаграждение поп сделал вид, что верит нашему объяснению, будто мы торопимся вступить в брак из-за моего срочного отъезда. Он обвенчал нас с Невеной...

При выходе из церкви я заметил в садике около часовни группу людей, показавшихся нам подозрительными. Мы поторопились удалиться. Эти люди почему-то не меньше нас смутились и, вместо того чтобы последовать за нами, тоже исчезли.

И в такой-то день я вынужден был думать о самом плохом и все время держал руку в кармане, где лежал пистолет... Но и на сей раз мне повезло. В самом деле, очень повезло, потому что двое из тех, кто показался нам подозрительными, были не агентами, а членами боевой группы. Они собирались в то утро уничтожить одного из

руководителей «Ратника»[1], но тот еще накануне куда-то уехал... Если бы им удалась задуманная операция, то полиция немедленно оцепила бы весь квартал и мне едва ли удалось бы ускользнуть из этой западни...

На следующий вечер, опять же приняв все необходимые меры предосторожности, я отвел Невену к матери. Это был единственный раз, когда мама всплакнула. Зная мое положение, она, наверное, пожалела Невену. Помню, она тогда подарила Невене красивые маленькие часики и пожелала нам более счастливых дней.

Но все это давно позади.

Через несколько дней после моего возвращения нашу дивизию перевели сначала в Брезник, а затем в Радомир. В Брезнике остался только 2-й полк. Из Радомира, где уже обосновался штаб дивизии, я уехал в Дупницу. Там вместе с Василем Демиревским на базе Дупницкого партизанского отряда мы сформировали 3-й стрелковый полк.

Вы помните, что еще 9 сентября Благой Иванов сообщил о том, что решено усилить дивизию артиллерией и другими специальными подразделениями. И в самом деле, нам придали артиллерийский полк, которым командовал демократически настроенный офицер (если мне не изменяет память, подполковник Иванов). Впоследствии его сменил Дико Диков.

Всего за несколько дней дивизия в организационном отношении и по своему вооружению стала соответствовать современному боевому соединению и была готова вступить в борьбу за окончательное изгнание гитлеровских войск из Болгарии и с Балканского полуострова. Полки дивизии были сформированы на базе отдельных партизанских отрядов. Из Трынского отряда создали 1-й полк, из Радомирского — 2-й полк, а из Дупницкого (Рилского) — 3-й полк.

Сразу же после победы, 9 сентября, дивизия приняла участие в боях под Сурдулицей и Мачкатицей. В октябре она сражалась в районе Враня, Бояновец и штурмовала высотку, на которой закрепились гитлеровцы. Там погиб смелый и всеми любимый Василь Демиревский.

Как я уже отметил, в первые дни после победы всенародного восстания партизанская дивизия находилась в непосредственном подчинении штаба НОПА и получала

---

[1] «Ратник» — фашистская организация. — *Прим. ред.*

указания от главнокомандующего Народно-освободительной армией Благоя Иванова. Он приказал, чтобы дивизия подготовилась к переброске в Софию. Будучи крупным войсковым соединением, дивизия представляла бы собой верную опору партии в столице. Однако в результате ряда столкновений и споров между ЦК БКП и Дамяном Велчевым было принято решение воздержаться от вступления дивизии в Софию.

Все же по решению штаба НОПА мы продвинулись ближе к столице. Штаб дивизии из Трына переехал в Радомир, а полки разместились соответственно в Брезнике, Радомире и Дупнице.

В нескольких словах остановлюсь на еще одном моменте. Дамян Велчев особенно упорно настаивал на том, чтобы наша дивизия участвовала в боях на фронте как во время первой, так и во время второй фазы Отечественной войны. Между тем ЦК БКП и командование НОПА придерживались мнения, что дивизия должна находиться в непосредственной близости от столицы в качестве надежного резерва. Свобода была завоевана, но враги революции еще не смирились с этим.

Опыт борьбы и наша революционная бдительность требовали, чтобы после участия в первой фазе Отечественной войны, когда дивизия продемонстрировала доблесть и мужество, она окончательно обосновалась в Софии и стала верной опорой партии, защитником свободы народа, завоеванной ценой стольких жертв.

СОДЕРЖАНИЕ

Георгиев З.

Г36 Записки начальника штаба зоны. Воспоминания. Пер. с болг. И. Сабуровой. М., Воениздат, 1976.

189 с.

В воспоминаниях одного из руководителей партизанского движения в Болгарии в годы второй мировой войны рассказывается о борьбе болгарских патриотов против монархофашистского режима, за установление в стране народной власти.

Автор подчеркивает руководящую роль Коммунистической партии и говорит о том огромном влиянии, которое оказывала героическая борьба советского народа против гитлеровских полчищ на развертывание освободительного движения в Болгарии.

И(болг.)

Г $\frac{11202\text{-}020}{068(02)\text{-}76}$ 67-76

ВЫЙДУТ В СВЕТ В 1976 ГОДУ

И. Добози. **Унтер-офицер и другие.** Повесть и рассказы. Перевод с венгерского.

Книга принадлежит перу активного участника освободительной борьбы венгерского народа в годы второй мировой войны, ныне генерального секретаря Союза венгерских писателей.

С большой теплотой автор пишет о гуманизме советских воинов-освободителей, о венгерских патриотах — борцах за свободу и независимость своей родины, о братском сотрудничестве советского и венгерского народов в послевоенное время.

Г. Хофе. **Заключительный аккорд.** Роман. Перевод с немецкого.

Роман известного прозаика из ГДР представляет собой третью книгу тетралогии о событиях, развернувшихся в годы второй мировой войны.

Читатель вновь встретится с героями романов «Красный снег» и «Мерси, камарад», изданных в русском переводе в 1965 и 1972 годах.

В. Котович. **Фронтовые дороги.** Повесть. Перевод с польского.

Повесть посвящена боевым действиям одного из соединений Войска Польского на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны.

Героев повести отличают смелость, отвага, глубокая вера в победу и подлинный интернационализм.

Здравко Георгиев

Записки начальника штаба зоны

Редактор *Е. М. Соминский*
Художник *Г. Н. Холодовский*
Художественный редактор *И. Г. Сальникова*
Технический редактор *Р. Л. Соломоник*
Корректор *Т. Е. Антонова*

* * *

Сдано в набор 24.6.75 г. Подписано к печати 30.9.75 г.
Формат 84×108/32 Печ. л. 6. Усл. печ. л. 10.08 + 1 вкл.
п. л. 1/16. Усл. п. л. 0.11. Уч.-изд. л. 10.011
Типографская бумага № 2. Тираж 100 000.
Изд. № 10/1290. Цена 70 коп. Зак. 1270.

* * *

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3